

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

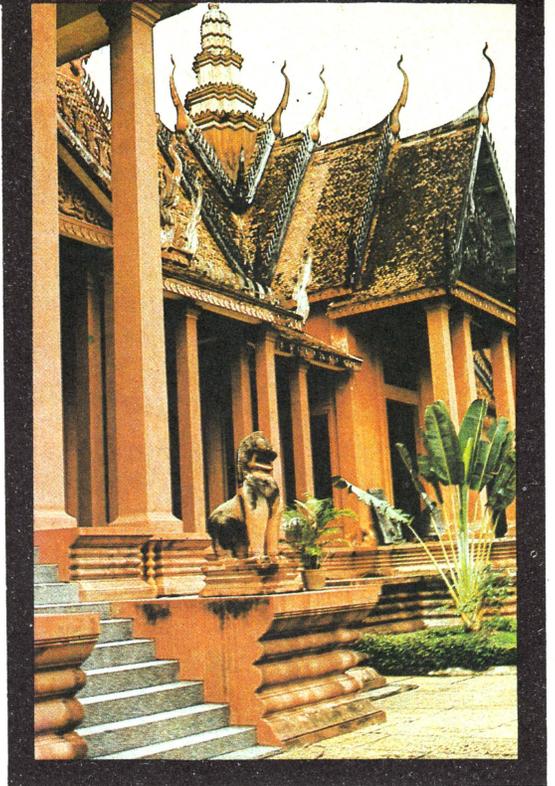
7 '88

Летопись

РАВНИНЫ

КАМПУЧИИ

Фото автора

В рецензии на книгу Александра Кузнецова «Равнины Кампучии», представленной в издательство «Мысль», заведующий сектором отдела печати МИДа Ю. Шманевский писал:

«Автор работы посетил Кампучию в 1983 году и провел там сравнительно немного времени. Однако, судя по написанному им, увидеть и понять он сумел многое: последствия ужасной трагедии, пережитой кхмерским народом в 70-х годах, усилия народной власти, направленные на залечивание ран, которые нанесли этой стране агрессия США и геноцид Пол Пота, самоотверженный труд наших людей, находящихся в Кампучии для оказания ей помощи и содействия в деле национального возрождения и строительства новой жизни. Как человек, много лет живший и работавший в Кампучии в разные периоды, в том числе во время американской агрессии и сразу после свержения режима Пол Пота, могу свидетельствовать: написанное товарищем Кузнецовым достоверно. Именно так мог увидеть Кампучию небезразличный к чужому горю, наблюдательный русский писатель, побывавший в этой стране тогда, когда она, еще не полностью оправившись от пережитого, делала первые шаги на избранном ею совершенно новом пути».

За пять последних лет в Кампучии, в ее политической, экономической и культурной жизни произошли большие изменения, но внешнеполитическая обстановка остается все еще сложной. Сейчас большие надежды кхмеры возлагают на национальное примирение, поддержанное Советским Союзом. Советские люди с интересом следят за переговорами по национальному примирению и надеются видеть Народную Республику Кампучию независимой страной, идущей по пути социалистического развития.

Редакция публикует отрывок из книги Александра Кузнецова «На берегах Меконга и Красной», которая выходит в этом году в издательстве «Мысль».

Читайте стр. 55

Сверху вниз: Школа искусств в Пном-Пене. Сиамский залив. Будущие студенты. По улицам слона водили... Двор королевского дворца.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

7 '88

В НОМЕРЕ:

А. Гольд КОЛЕСО. Полемиическая поэма	2
Б. Емельянов ДЕЛО НАРОДНОЙ СВОБОДЫ	6
Т. Курашова КТО ПОДНИМЕТ ЭСТАФЕТУ!	8
В. Кругляшова НАЙДЕНО В АРХИВЕ	10
И. Беляев БОЙ ЗА ПОКРОВСКОЕ	11
А. Горская КАПИТАН «АЛЫХ ПАРУСОВ»	12
А. Халамайзер ПАРТИЗАН ФРИЦ	15
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	18
В. Петров НАТЮРМОРТ С РЫСЬЮ. ПЕСНЯ ДЛЯ ДЕДА. БОБЕР. Рассказы	19
С. Марченко СТИХИ	32
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Г. Гуревич ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ. Повесть. Продолжение	33
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	53
* * *	
А. Кузнецов РАВНИНЫ КАМПУЧИ	55
А. Застырец БЕЗДОННЫЙ КАТРЕН	70
Франсуа Вийон БАЛЛАДЫ, СТИХИ (перевод А. Застырца)	71
Ю. Бугров ДЯДЯ ПУД И ДРУГИЕ	73
Н. Скоморовская ЧЕСТЬ МУНДИРА	75
С. Ломакин, С. Ломакин ПЕРВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СИБИРИ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78
И УВЛЕЧЕНИЕ, И ЛЮБОВЬ...	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН (главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ (ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, молодежных проблем), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фаятастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, публицистики) 51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений. Индекс 73413.

Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп. По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати».

Сдано в набор 05.04.88. Подписано к печати 25.05.88. НС 15108. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 10,92. Тираж 480 000. (2-й завод: 250 001—480 000). Заказ 462. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветные фото Игоря Горячева и Владимира Холостых «Мозаика уральского лета».

Полемиическая поэма

Колесо

Леониду А.

- I
- Похожее на черную корону,
рубцами проминая свежий снег,
ОНО неслось по скошенному склону
и с каждым махом ускоряло бег...
А Человек, как дерево сухое,
недвижное, утратившее цвет,
стоял и с непрощающей тоскою
затравленно глядел ему вослед.
Холодное —
венцом алмазным — солнцем
мерцало в ледяной воде небес;
внизу чернел оконечный лес,
и эхо в нем кололось,
как в колодце.
- Спрямяя взор,
чем дальше — тем ровней,
кругом стелилась голая равнина.
Ни дыма восходящего, ни тына,
ни духа человеческого на ней...
Он был один, как силой неземной
исторгнутый из шумной ойкумены —
в небытие, где ветер ледяной
с застывших волн
сдувает клочья пены...
- «Дурацкий сон!» —
Крылов сглотнул слюну.
«В степи глухой...» — как пели
в старину...
И усмехнулся в белый мрак оврага:
— Черкнуть бы «прощевай»,
да где бумага.
Он вынул спички, пачку папирос,
прищелкнул ногтем снизу
чуть заметно,
зажег огонь и медленно поднес
к лицу, огородив рукой от ветра...
- II
- ...Я рву сюжет на первом рубеже.
Мой друг, читатель! Ты настороже!
Экзотика? Бураны? Севера?
Романтика
в джекклондоновском стиле?
Слышал. Читал. Видал — еще вчера!
Поведал бы, как пели да кутили.
Мол, тут копни!
У нас сегодня что? —
Всплеск прямоты!
Неслыханная гласность!
Пора пролить критическую ясность
на теневую сторону! А то...
- Ах, мой провидец!
Бей похлеще, бей!
Поверь,
- твоя мне по сердцу закваска!
Но в корень зри. Иначе есть опасность
не отличить муку от отрубей!
Тряси, тряси смелее решето,
да знай: лишь совесть —
истине подмога!
А вдруг,
хлебнув от наших бед немного,
и ты поймешь: «Когда не я,
то кто?»
- III
- Я ж так скажу: в избе да у печи
герои мы — нам море по лодыжке!
А у меня вот
слов теперь не лишку, —
молчу,
как вспомню ночь у Танапчи...
Мы шли с Обдорска...
Федька Бурелом —
такая кличка! — вел по перевалам
свой КраЗ, как черт!
Он в тундре слыл бывалым,
ему что снег, что ветер —
напролом!
С утра и тихо было, и светло,
но чуть за полдень —
разом потемнело,
как будто в небе что перегорело...
И понесло поземку, помело!
Она слаба сперва-то... Но потом,
глядишь, такие вздует шаровары!
К пяти мы снег таранили мостом,
к восьми — тупик:
в занос уткнулись фары!
Еще к пяти — оглохли от лопат,
но суетились, не роняли марку!
Еще к восьми — светало аккурат —
движок сглотнул последнюю
солярку!
Тогда и шевельнулось первый раз:
«Играй отбой! Приехали, ребята!
Тут и могилка братская для вас,
и в полный вес —
полярная зарплата!»
Еще к полудню... Я лежал углом
и слушал звон,
как будто бьются склянки.
Я замерзал, следя, как на баранке
бледнеет, остывая, Бурелом...
Когда нас откопали тягачи,
я не скажу... Везенье,
право слово!
Так вот,
я вспомнил ночь у Танапчи...
Там, в Танапче,
и встретил я Крылова.
Пятнадцать лет с тех пор...
Сойти с ума!
- IV
- А за окном — полярная зима.
В сплошную ночь
упали стрелки суток...
Мне и сегодня что-то не до шуток!
По крышам вихри ходят на хвостах,
в подъезде — дым:
горят электроклеммы
и в трубах отопительной системы —
тяжелый хруст,
как в старческих костях.
Вчера, «чуть свет»,
звонил в аэропорт:
в командировку надобно.
Да где там!
Диспетчер уязвил:
«По всем приметам
вы — утопист».
Занозистый народ!
— Я — утопист?
В уме ли ты, земляк?
Вели, я созову для разговора
все сорок зим, вошедших до упора
в судьбу,
как гвозди — намертво — в кругляк!
А он в ответ:
«Попробуй вас проверь!»
Раскованное времячко приспело...
Повесил трубку.
Чу, стучатся в дверь.
— Кто там? — кричу.
— Есть, — отвечают, — дело!
Открыл — стоят. Втроем,
как на подбор.
У всех троих,
что у боксеров, стойка.
— Мы — Ускоренье, Гласность,
Перестройка!
Ставь чай, товарищ,
будет разговор!
Народ полярный —
правильный народ, —
гость — ночь-полночь —
для нас святое дело!
Вот эти, трое, поразмяли тело,
чай похвалили: «Заварил умело!» —
да тут меня ж и взяли в оборот.
Их первый речь повел издадека:
— Что ж, — говорит, —
вы крепкие ребята,
Обдорск — Медвежье —
трасса нелегка,
да вот потерь, пожалуй,
многовато!
Железом путь усеян за спиной...
Лес, птица, зверь — погост
обочь дороги!
Я возразил: «Выдерживали сроки,
ведь был приказ — пройти»

любой ценой!»
Тогда Второй вступает в разговор:
— А ты, браток,
кричал об этих бедах?
Или включился в тот хвалебный хор
и звонко пел о

«трудовых победах»?!
Его слова... Они ожгли меня...
— Да, был и в хоре,

истина сурова!
Но человек на линии огня...
ведь он — солдат...

Возьмите хоть Крылова...
Когда среди тех проклятых полей
стрельнул баллон...

и он скатил запаску,
могла ли заронить в него опаску
размеренная тряска дизелей?
Всё не учсть! Доверье подвело!
Ведь колесо поставил аккурат он
у бампера...

Нагнулся за домкратом...
Вибрация... Оно и ожило!
— Да, тяжело! Кино — ни дать

ни взять! —
кудрявый Третий почесал затылок...
— А там, в кабине,

не было бутылок?
Не счесть нам бед от «змия»,
так сказать!

— Нет, он не пил!
— И даже — никогда!
— Нет, нет и нет!

— Вот так у нас всегда:
куда ни ткни — повсюду адвокаты!
Никто не виноват,

нигде — не виноваты...
Зачем же он — да это ль
не эксцесс! —

на трассу без напарника полез?
— Я расскажу!
— Инструкцию нарушил.

— Я расс...
Увы, меня никто не слушал...
Колокола у них, не голосал!

Как на кресте,
я сник на той беседе...
Шум продолжался ровно три часа,
пока не стали

в стенку бить соседи.
Они ушли... в метель, в мороз.

А я,
смят, как с трибуны
высвистанный лектор,

пуловер натянул,
включил рефлектор,
задраил шторы и ушел... в себя.

В
— Кто ж ты такой? —
пронзил меня вопрос. —

Дом, где ты рос,
давно ушел под снос,
а вместе с ним —

иных времен приметы:
иконки, гильзы, слоники,
портреты...

Из той поры восторгов и утрат
танкеткой мчит Победа молодая,

в ушах звучит:
«Борясь и побеждая...»
И лишь один молчит

и плачет Март —
по черепу стучит, как по крыльцу,
его капель грузна от пересола...

Молчала школа. Дело шло к концу.
Четвертый день, как склеп,
молчала школа.

Ни оклика, ни свиста со двора,
ни грома перемены в коридорах,
а только шорох, будто бы с ковра
метелочкой сметает кто-то порох.

И вот он вспыхнул,
пятый день весны...

В крушение еще не веря сами,
суровые, как войско, пацаны,
мы выстроились тесными рядами.
Слепой учитель пеня, фронтовик,
водил вокруг безумными белками
и кителя стоячий воротник

с петелек рвал дрожащими руками.
Слова? Наверно, были и слова,
они последней клятвою звучали...

Я шел домой. А с неба синева
текла на землю черными ручьями.
Тринадцать лет мне было

в ту весну!
Тринадцать лет и веры, и доверья
к единому — кто выиграл войну,
кто укротил лютующего зверя.

Тринадцать лет внушенной правоты
и красоты отеческого взгляда,
когда ни звезд не знаешь ярче ты,
ни доблестей превыше Сталинграда!

Ах, ситный мой! Суди меня, суди!
Постыдством назви мои качанья...
Ведь до сих пор

торчат в моей груди
те кованые гвозди развенчанья!
И до сих пор мне видится оскал

учителя в минуту откровенья,
когда в того, кого он нарекал
чуть не святым, —

вдруг сам швырял каменья!
Суди меня: я этого не смог!
В тоске, как раб,

я прозревал... Но боль,
я прозревал... а не восторг
венчала прах моей сожженной веры!

VI
...Они ушли в мороз,
в метель, в борьбу...

А я все вопрошал свою судьбу:
что ж было там — потом,

у той черты,
где вызревали первые мечты,
где дух и плоть — они еще едины

и золотой не терпят середины,
и рвутся в бой?
Ты ж знаешь, старина,

я все прошел!
Ангарск и Целина,
Урал — до Харпа,

Тихий — до Бристоля, —
они во мне,
мне улыбалась воля!

Был полдень века. Эра Бытия!

Мы разъезжались в разные края.
Ты слышишь гул

стремительных колес?
То — юности мятежный паровоз —
на звездных рельсах,

на семи ветрах...
Какие песни пелись — нараспах!
И таял лед, и возродился пламень
в моей груди...

Да вновь — коса на камень!
Короткий лягз... И камень победил.
Он лег, тяжелый, поперек дороги,
тем указал, тому подвел итоги

и все, что мог, собой загородил!
...Нет, милый мой,
судьбу не обойти,
не устранишься волей от маршрута.

Случайно ли, как стропы парашюта,
сошлись мои с крыловскими пути?

VII

...А было все так просто и светло.
Машина шла сноровисто и ровно,
и колея скользила под крыло,
как под пилу — отесанные бревна.

И красовались руки на руле,
и гордый взгляд

летел за край равнины,
и верилось: нет крепче на земле
союза Человека и Машины...

Крылов ценил (на то он и шофер!)
условия их дружеского пакта...
И словно песню на четыре такта
вели совместно сердце и мотор.

От светлых чувств
как будто бы хмельной,
он вспоминал, —

ведь не было угроз! —
живую ветку трепетной мимозы,
так ласково пахнущую весной!

То было до зари. Из полусна,
из призрачного зыбкого броженья
он вынырнул и выплыл... а жена
уже шептала:

«С днем рожденья, Женя!»
А он и позабыл... об этом дне...
Такой сюрприз!

Раздвинул марлю шторок,
потер стекло:

«колдун» в его окне —
«поди, не врет!» —

показывал на сорок.
— Ну что, жена, закатим пир?
— А рейс?
— В такой мороз

не выкинешь «телегу»!
Под звездами распахнутых небес
он шел в гараж по кованому снегу.

Уже не спал вагонный городок,
из теплых окон, будто бы медок,
свет напылял на синие суробы...
Он поспешал —

аж пар валил от роботы,
хоть и мороз зубчатый, как фреза,
упорно драл и кожу, и глаза.

Хорош денек. Как раз на именины!
Добыть бы щекурка для строганины,
да что еще...

Но вот издалека
к нему летит начальник АТэКа:

Альфред Гольд · Колесо · Полемиическая поэма

— Крылов, здорово!
Жду тебя, как бога!
Беда, Крылов: рвануло на трубе!
Две сотни верст
туда-сюда — дорога...
Кого пошлю, салаг? Вот я — к тебе!
— Да погоди!
— Нет времени!
— Тоска...
— Чего? — спросил начальник АТэКа.
— Да это... так,—
Крылов присел к двери.
— Ну что, лады? Напарника бери...
Туда-сюда... Заплатим по двойной...
Где твой напарник!
— Лешка-то? Больной.
— Что за напасть! Найду.
Другого дам!
— Не суетись. Впервые, что ль?
Я сам.

VIII

Вот я зарылся в ворохе бумаг.
Сижу, пишу...
А ветер хлещет в спину!
Ты знаешь, друг,
я видел тот овраг,
и лес внизу, и мертвую равнину,
и этот серый, тусклый оком,
злой для ума,
безрадостный для взгляда...
Смотрел вокруг —
и думал о своем,—
о смутных днях
душевного разлада...

IX

Я умирал, как раковый больной,
из ночи в ночь
предчувствуя кончину.
Туманом сны клубились...
Надо мной
смерть разжигала смрадную лучину.
Физически я был вполне здоров:
ко мне не вызывали докторов,
не предлагали травки и пилюли...
Вокруг привычно брякали каструли,
шипел утюг, приемник голосил...
А я терял, терял остатки сил!
Терял, как пес весной
теряет шерсть.
Болтались мыслей драные лохмотья,
взгляд стекленел,
зрачки блестели, хоть я
мог видеть, говорить,
работать, есть...
Овраг тоски...
Все глубже он, все глуше!
Кому кричать, взывая издали:
«Товарищи, спасите наши души,
проломлен борт и вырваны рули!»
Напрасный труд.
У всех свои заботы!
Те, суетясь, общипывают муз,
те — бормотуху хлещут до блевоты,
те ищут щелку в дайпотребсоюз.
Как на змею,
смотрел на репродуктор:
в три пальца свист — «Ура!»
А в горле — ком!

Нас обложили валовым продуктом —
златые горы, реки с молоком...
Струится нефть, дымит металлургия,
течет зерно ручьями в закрома...
А в ухе — зуд! Наверно — аллергия
на этот звон без чувства, без ума...

X

Один поэт (он нынче знаменит!),
увенчанный седыми волосами,
мне говорил: «А все-таки мы сами
ушли из боя в тень могильных плит!
Чего нам не хватило — прямоты?
А может — воли, совести и чести?
Мы принимаем гибель, как цветы,
покачиваясь набожно на месте!
Так кто же мы — хозяева? Увы!
Хозяева... у них побольше злости...
А мы с тобой, выходит,
просто гости!»
Слова мешались с шелестом листвы
и исчезали в нем... Но в глубине —
во мне, как похоронный
плач оркестра,
творилась боль, готовая вовне
исторгнуть
петушинный крик протеста!
И вдруг мне показалось, будто я
все понял — разом! —
разумом и сердцем!
В глазах сверкнула
дерзость бунтаря:
— Нет, я не стану вам
единоверцем!
Я не хочу обидчивую нить
отыскивать в клубке противоречий!
Душа болит? Переболит — полечим!
Но рано, рано душу хоронить!
Вам — шорох трав,
мне — ветер с полярных гор...
Вам — листопад,
мне — хлопья снегопада.
Там жгут костры
и льется полный лада
мужской неторопливый разговор:
— Ну что, братан,
не спится на матрасе?
— Не время спать.
Подняли — чуть заря!
— Видать, не зря!
У нас опять на трассе,
как на войне!
— Ну, стало быть, не зря?!
— Откуда в людях что взялось!
Пстойка-ка,
ты ж уезжал...
— Вернулся на круги!
— Еще бы...
Ясно дело: перестройка!
Теперь сопеть в сторонке не моги!
— А кто сопел-то,
мы с тобою, что ли?
— И то... Вопрос, конечно,
не простой.
Но раз толкуют, значит,
был застой?
И мы к нему причастны поневоле!
— Не нам, Крылов, пенять
на жребий в те,
что названы застойными, години!
Не где-то «там» — на этой широте

мыгнули свои каменные спины!
И не было накатанных дорог,
чтоб ускорять завязшие колеса!
— Теперь, браток,
иные смотрят косо.
Бетонка — вон! Чего им наш урок?!
— Урок?
Да вспомни ночь у Танапчи,
в бараке «мертвой»
северной дороги.
— Припоминаю, как же.
В той берлоге
мы и сошлись впервые у печи...
— Дымила печь...
Ты помнишь, старина,
как там, во мраке,
вспыхивали спички,
и с нар пустых фанерные таблички
сдирали мы, читая имена:
«Петров», «Савельев»,
«Крамер», «Белоконь»!
Читали, и бросали их в огонь,
и грели обмороженные руки
над тем последним
пламенем разлуки...
— Да, паря, жисть!
Ведь мы по их следам
пришли к своим победам.
Правда, вольно...
— Вот то-то и оно-то!
Но довольно...
Сто лет полярным нашим городам!

XI

Плясал огонь. Звучали голоса
легко...
И вдруг
из тьмы и снегопада,
как черный призрак,
выползла громада
клубящегося паром Колеса...
О, наш покой! Цена ему — пятак!
Оно взошло на белый горб ложбины,
и встrepенулись памяти пружины,
и пот прошиб до колпика!
И так:
Похожее на черную корону,
рубцами проминая свежий снег,
оно несло
по вздыбленному склону
и с каждым махом ускоряло бег.
И Человек, как дерево сухое,
недвижное, утратившее цвет,
стоял и с непрощающей тоскою
затравленно смотрел ему вослед...
Приехали!

XII

Крылов протер глаза...
В ногах поэмка свищет, как коса.
Внизу — вершки седых
болотных трав...
Там — Колесо. Лежит,
что твой удав.
Свернулось. Ждет!
Крылов глядит окрест:
ну и мурло у этих скудных мест!
Сурроб, как гроб, и — крест
что ни коряга...
Ну что, браток,

давай — на дно оврага!
Шагнул на край, кувырк —
и на спине
скатился вниз. И там, уже на дне,
отер лицо, поднялся...

Снег по поясу,
кусты,
деревьев карликовых поросль,
мазками да цепочками — следы...
Чего тут ждать? Попробуем? Лады!
Мы только с виду вроде как малы!
Крутнул локтями, плечи разминая.
Вперед, ребята!
Хрястнули мослы,
взыграла в мышцах силушка родная!
Ы-ы-ы рраз!
Ы-ы-ы рраз!
Пугливая толпа
тщедушных ёлок
отшатнулась к лесу.
— Ы-ы-ы рраз ишшо!
Поставил на попа.
«Удав-удав,

а четверть тонны весу!»
А ну — вперед!

За Родину, за мать!
Не хочешь ехать, будем кантовать!
И он бросал и снова ставил ношу,
барахтаясь в снегу. А Колесо
выбрасывало залпами порошу,
как будто бы плюя ему в лицо.
Он отступал

и вновь шагал к баллону.
Баллон сопротивлялся, но вперед,
как бронтозавр,

двигался по склону,
топорща черный рубчатый хребет.
— Ы-ы-ы рраз! Ы-ы-ы рраз! —
неслось, как из берлоги,
и отражалось эхом с трех сторон.
Но что ни шаг, то круче,
круче склон...

И не понять,
как подкосились ноги...

XIII

От середины проклятого склона
он не шагал, он полз по крутизне,
вонзил плечо

в ребристый бок баллона,
как тот Сизиф в мифической стране.
Но он не знал Сизифа, слава богу!
И от вершины метрах в десяти
мозг шевельнулся:

трос бы подвести...
Оставил груз и выполз на дорогу.

Мороз не жег. В набрякшие виски
стучала кровь. На шее —
будто камень...

Качнуло вбок.

Припомнил без тоски:
«Закатим пир...» Дрожжащими руками
закрыв лицо. Услышал голоса:
поют, поют

каким-то детским хором!
Потер глаза,
повел ленивым взором, —
смеркалось,
мгла ползла на небеса.
В карманах —

снег, от пачки папирос —
одна труха. «Курнули!»

Где же трос?
В кабине? Там...

Забраться бы в кабину,
вздремнуть часок...
Хотя бы половину...

Очнулся от мертвецкой тишины.
Который час?

Молчанье гробовое, —
заглох мотор!
Холодный луч луны
стекло лизал эмалью лобовое.
Горючее! Скорей — на запасной!
Переключил. «Контакт!»

Зарокотала!
Как будто бы в мотор,
в нутро металла
всей мощью недр
нахлынул шар земной!

XIV

Два дня спустя,
растерянный слегка,
рассказывал начальник АТЭКа:
— Крылов вернулся утром.

Я — ему:

— Ну как?

— Лады!

— А долго почему?

Все ж на ногах,

твоя бунтует жинка.

Шумит, звонит, а ты...

— Была заминка.

— А я уж думал, без вести пропал!

Крылов расхохотался и упал.

Ну, я — к нему,

мол, что еще за шутки!

Смотрю: он спит.

Вот спит вторые сутки.

ЭПИЛОГ

Наш путь кончен.

Все мы, как один,

живем, согласно мудрости,

«под богом»,

да ходим разно: прямо или боком,

а то — ползком с пеленок

до седины!

Все дело в том,

какой кому заквас

дала природа, родина, эпоха...

Фортуна — шут —

того и жди подвоха!

Она и возвеличит, и предаст.

Одним при жизни —

медный хор фанфар,

а за чертой — чуть зашагнув —

проклятье.

Другим — глухой безвестности

распятье,

зато потом — рукоплесканий жар...

Но есть и третье — высшее звено:

Народ!

Как в недрах мощного сосуда,

лишь в нем и бродит

вечности вино!

Оттуда — Зевс, Перун,

Христос и Будда!

Там вызревают гений и герой —
из безымянных в массе легионов,
из их побед, сражений,

песен, стонов,
смертей, не опороченных игрой!
Мне повезло: меня крутило в нем,
как глину, без затей высокопарных,
от грубой лепки

на кругах гончарных —
чтоб форму дать —

до обжига огнем.

Да, я зубрил единый часослов
с моим

тревожно-мирным поколеньем,
и я Крыловым был

иль мной — Крылов,
приметно лишь взаимодополненьем!
Ни почестей, ни славы не суля,
наш бог — эпоха,

в карту ткнув куда-то,
сказал: «Се есть полнощная земля,
вы ж сотворите Утро ей, ребята!»

И мы пошли со всех семи сторон,
как говорится, заломив забрала,
с карпатских круч,

с Алтая ли, с Урала —
туда, где путь не выстелен ковром.

И было нас — десятки, сотни, тьмы,
веселых, злых, но праведных,

как улей!

Все вместе мы именовались — «Мы»,
в отдельности — Петров, Бунчук,

Геймуллин...

У каждого плескались за спиной,
помимо крыл мечты, надежды,

долга,

закрылки нашей верности земной:
Тура, Кура, Донец,

Исеть иль Волга...

И берега, каких не позабыть:
родимый дом, изба с оградой, хата.

И каждый возвращающую нить
влек за собой светло иль виновато.

И пусть один таил в душе корысть,
другой — лишь зов

чарующей дороги,
в стране полнощной

судьбы так сплелись,
что расплести не в силах даже боги!

И мы несли друг друга из болот,
на зимниках братались, замерзая.

И сто потов в один сливались пот,
и кровь одну сосала тля земная!

Не отрекусь ни от одной беды,
ни от одной трагической ошибки.

Мои пути — мои, как ни тверды,
или, напротив, как они ни зыбки!

Но вот, взгляни:
огней живая нить —

эквивалент арктического солнца!
И может время стелы возводить,
ваять скульптуры

в честь первопроходца!

Ах, если бы ваятели спросили,
мол, подсажи, товарищ,

дай совет:
поднявшей этот пласт великой силе
какой бы ты поставил монумент?

Я б не искал ни образа, ни слова,
не рисовал суровое лицо...

а просто вывел за руку Крылова
и рядом с ним поставил Колесо!

ДЕЛО

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ
Рис. Евгения Охотникова

народной СВОБОДЫ

Николай и не мог предположить, что его так взволнует чистый лист бумаги, незаметно переданный при свидании с братом Владимиром. Они и раньше обменивались небольшими записками, но чтобы получить пол-листа почтового формата, он не мог и мечтать...

Возвратясь со свидания в камеру, Николай Серно-Соловьевич сразу решил, что напишет письмо своим лондонским друзьям — Герцену и Огареву. Прошло уже два года с того памятного дня 7 июля 1862 года, когда его почти одновременно с Николаем Гавриловичем Чернышевским арестовали и поместили сюда, в каземат № 16 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Это было время допросов или многомесячных, как видно, специальных периодов жандармской «забывчивости», когда он общался только со своими надзирателями; время борьбы за свое освобождение. Вот об этом и надо написать в Лондон.

И Николай Серно-Соловьевич, еще недавно отставной надворный советник, выпускник Царскосельского лицея, владелец самого известного в Петербурге книжного магазина и библиотеки для чтения при нем, а ныне узник, день за днем восстанавливал в памяти все этапы и повороты этой неравной борьбы...

Арест не был для Серно-Соловьевича неожиданностью. В его жизни уже были периоды, когда арест, казалось, неминуем. Он ожидал его в то памятное лето 1858 года,

когда собственноручно вручил царю свою записку. После же знакомства с Чернышевским и особенно после организации «Земли и воли» с ее тщательно продуманной конспирацией Серно-Соловьевич удвоил, утроил осторожность. И все же его арестовали.

Тревога продолжалась до первых допросов, на которых он понял: у следователей нет доказательств его революционной, «подземной» деятельности, кроме перехваченных у Ветошникова лондонских писем Герцена, Огарева и Кельсиева к нему без обращения и подписи, да некоторые его рукописей, взятых жандармами при аресте.

Это позволило Серно-Соловьевичу отрицать все: и связь с «лондонскими пропагандистами», и свою революционную антиправительственную деятельность. Не назвал он ни одного сообщника. Жандармы ничего не могли поделать, хотя аргументы Серно звучали как та же пропаганда: «Я не называю сообщников, потому что заранее обдуманной пропаганды я не вел, но мне пришлось бы называть без конца людей, у которых я видел запрещенные издания, о которых знаю, что они писали или говорили против существующего порядка, значит, так или иначе пропагандировали против него».

Порой Николай и сам переходил в атаку, ставя следственную комиссию в тупик. Вот где принес пользу его давний «рыцарский» поступок — собственноручное вручение Александру II записки, которую он назвал «Очерк об-

щего положения в государстве, очерк далеко не светлый». На всю жизнь Николай запомнил высочайшую резолюцию, переданную ему: «В нашем молодом поколении много хорошего, истинно благородного. Россия должна много от него ожидать, если оно получит надлежащее направление, но иначе выйдет совершенно противное».

Помог ему и «Проект уложения императора Александра II», составленный Николаем перед самым арестом. У ближайших соратников по «подземной» организации «Земля и воля» была идея написать и опубликовать этот «проект», как якобы скрываемый от народа, и тем самым возбудить общественное мнение, поставить царя перед необходимостью действительных социальных реформ.

Сейчас-то Серно-Соловьевич понимал бесполезность этих своих начинаний. Но и «Записка», и «Проект уложения» теперь давали ему основание утверждать, что все его намерения и действия не имели революционного характера, поскольку в этих документах, известных царю, нет призывов к радикальным социально-политическим преобразованиям.

Этой тактики запирательства Серно держался больше года. Однако и следственная комиссия, и Сенат, куда в январе 1863 года передали дело «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», не поверили ему. К тому же малодушие некоторых арестованных по этому «делу», особенно подробные признания Нечипоренко и Петровского, не только погубили многих членов организации, но и свели на нет систему его защиты. Запираться и все отрицать стало бесполезно, и Николай, изменив тактику, решил обнаружить «раскрасяние».

Впрочем, Сенат не пошел и на эту уловку Серно. Результат не замедлил сказаться. Несколько месяцев назад, в феврале 1864 года, в третий уже раз Сенат определил «содержать его в крепости».

Жизнь в рavelине бедна событиями. И если бы не редкие поездки в следственную комиссию, пусть даже в закрытой карете и с сопровождающим вооруженным офицером, не новости с воли, которыми снабжает при свиданиях брат Владимир и верный товарищ Рихтер, если бы не ежедневная работа за импровизированным письменным столом, жизнь у Серно была бы невыносимой.

*В тюрьме я вырос. Размышление,
Как молот, вывало у м.
Дало полезное терпение
И много крепких, сильных дум.*

В апреле 1865 года Николай напишет: «...Я не только страдал, я учился. С утра до вечера, сидя за книгами и мысля, я многому научился, на многое стал смотреть иначе. Новые миры открылись моей мысли». Не удивительно, что из стен рavelина на волю одна за другой, хотя и не так часто, как хотелось бы, уходили его переводы, оригинальные статьи, стихотворения и пьесы.

В прошлом году Серно-Соловьевича обрадовала весть о восстании в Польше, хотя поляки и выступили раньше намечавшегося срока. А дальше стали просачиваться новости одна страшнее другой. Муравьев-вешатель потопил в крови это выступление братьев по борьбе с царизмом, а русское общество захлестнула война шовинизма, верно-подданных адресов на высочайшее имя. Назавтра он напишет:

«Гибель братьев разрывает мне сердце. Будь я на воле, я извергал бы огненные проклятия. Лучшие из нас — молокососы перед ними, а толпа так гнусно подла, что замарала бы самые ругательные слова. Я проклял бы тот час, когда сделался атомом этого безмозглого, подлого народа, если бы не верил в его будущность. Но и для нее теперь гораздо более могут сделать глупость и подлость, чем ум и энергия, — к счастью, они у руля».

Из памяти не изгладился визит к нему в камеру жандармского прокуратора протоиерея Василия Полисадова в сентябре 1863 года. Полисадов предложил присоединиться к молитве о победе царской армии в Польше. Протоиерей попался на уловку Серно, и узнику было разрешено письменно изложить свое отношение к этому «уве-

шеванию». Жаль, что в Лондоне не смогут получить его «Несколько размышлений, вызванных поучением, слышанном 8 сентября» и рассказ об этом эпизоде. Для «Колокола» это был бы добротный материал. Николай не знал, что Полисадов назвал его сочинение возмутительным, проинкнутым идеями «генерала от революции Герцена». Но он почувствовал, что удар попал в цель. Провокатор в сутане больше в его камере не появлялся.

Николай много передумал за эту бессонную ночь, ставшая в голове письмо. И хотя мысли и чувства захлестывали его, а чистое место на бумаге, несмотря на убогий почерк, поразительно быстро убывало, он сумел сказать многое, выразить свою любовь к Герцену и Огареву, надежду на победу революции:

«Я люблю вас, как любил, любил все, что любил, ненавижу все, что ненавидел. Но вы доволно знали меня, дабы знать все это. Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло. Лишь бы физика вынесла, наши дни придут еще. Временами грудь чувствовала прелести пенсильванской системы, но теперь ничего, силы есть и будут. К личному положению отношусь совершенно так же, как прежде...»

Вас обнимаю так крепко, как только умею, и возлагаю на вас крепкие надежды: больше всего на время, потом на вас. Помните и любите меня, как я вас».

Пройдет совсем немного времени, и его письмо будут читать в Лондоне. А узник «покая № 16» продолжал борьбу за свободу.

Он хорошо знал, что через пять камер от него в этом же Алексеевском рavelине томится его учитель и друг Николай Гаврилович Чернышевский, сумевший написать и опубликовать удивительный роман «Что делать?». Серно-Соловьевич и сам одну из своих пьес назвал «Кто лучше?», завуалировав в ней свои сокровенные мысли. Он даже попытался напечатать ее в одном из журналов.

Узнал он и о букете красных роз, брошенных на эшафот, где в это время ломали шпагу позора над головой «государственного преступника» Чернышевского. Но не узнал, что провокатор из Третьего отделения выдаст еще одно его большое письмо, переправленное из рavelина брату Александру в Женеву, и жандармам станут известны его пророческие слова:

«Я дошел уже до той выработки себя, что единственный суд над моими поступками, имеющий для меня значение, — мой собственный. Я же сам весьма доволен, что удалось никого не замешать и пережить два года тюрьмы, оставаясь самим собой. Каторга меня не пугает. Со своим спокойным характером я уживусь везде, я на нее смотрю, как на школу, суровую, но могущую быть во многом полезнаю. Главное, что я смотрю вперед с полным доверием. Делать нечего. Закон силы против нас. Он неуомлим и неотразим. Но имеющие баланс в свою пользу доживают свой век, — мы начинаем свой. Они не понимают этого и потому обстоятельность через 10 лет выведут нас на арену. Ссылающие Чернышевского — вымирают, бросающие цветы — нарождаются».

Ничего нового, впрочем, жандармам эти слова не сказали. Николай Александрович никогда не скрывал своих взглядов. Еще в 1861 году в Москве и Петербурге по рукам ходила запрещенная цензурой его брошюра «Окончательное решение крестьянского вопроса», которую он опубликовал под своим именем в Берлине. В ней Серно призывал не только «перестать бояться», «безбоязненно стоять за правду и справедливость», но и действовать. Из его слов — «настоящий общественный быт окончательно сгнил на корне, и людям достаточно смелым, чтобы сознать это, ничего не остается делать, как собирать силы для создания вместо него нового, лучшего порядка» — можно было сделать лишь один, революционный вывод. Тогда жандармы не арестовали его, потому что, как писал его друг Герцен, «преступление было совершено слишком публично, слишком открыто, скажем прямо, — по рыцарски».

Таким честным и неподкупным рыцарем революции он остался до конца жизни. В последнем прошении на

высочайшее имя о своем освобождении или ссылке в один из городов европейской части России, где он мог бы трудиться на благо родины (к этому времени стало известно определение Сената: лишить Серно-Соловьевича «всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на 12 лет, а затем поселить в Сибири навсегда», смягченное Государственным советом, отменившим каторжные работы), Серно-Соловьевич писал: «Не говорю этим, чтоб стал отступником или изменил убеждениям, чтоб стал хвалить, что порицал, и порицать то, что хвалил. Нет. Пересмотрев заветнейшие чувства и мысли, я нашел их верными в основаниях».

27 июля 1865 года, после позорного акта гражданской казни, его отправили этапом «на вечное поселение в Сибирь». Так началась сибирская страница короткой жизни пламенного революционера. Теперь доподлинно известно, что его пытались, и не раз, освободить, помочь ему бежать за границу, где его брат Александр и друг Николай Утин создавали русскую секцию Первого Интернационала. Не получилось...

От этого периода его жизни осталось совсем немного документов и свидетельств. За Уральским хребтом Серно-Соловьевича ждали не только жандармы, но и друзья-поляки, руководители подпольного революционного центра, готовившего восстание в Сибири. Он сразу же был избран в руководящий центр восстания и ему было поручено идеологическое руководство его подготовкой. Именно в это время Николаем Серно-Соловьевичем была написана прокламация — обращение к народу, солдатам и полякам. Спустя полгода, когда Серно уже не было в живых, его призыв: «Народ! Встань честно, смело и дружно за правду и волю!» — поднял восставших на Кругобайкальской дороге.

15 января 1866 года в жандармском донесении прямо указывалось, что Серно-Соловьевич находится «в весьма близких отношениях с заговорщиками». И опять, в который раз, в его жизни роковую роль сыграл провокатор, пробравшийся в заговорщическую организацию. Это он выдал жандармам явки, прокламацию, инструкции, написанные Серно. Жандармы хорошо представляли, какое место в организации принадлежит Серно-Соловьевичу, что именно он является одним из ее руководителей и членом Временного правительства будущей республики «Свободославия». Они начали действовать.

Николая срочно этапом перевозят из Красноярска в Иркутск. На одном из этапов, недалеко от Иркутска, произошла трагедия, видимо, запланированная... Из нескольких свидетельств о смерти русского революционера ясно, что жандармы приложили руку, чтобы свести его в могилу. Во время быстрой езды он выпал из саней, зацепился шубой за них и долго его тащило по мерзлой дороге...

Похоронен Серно на католическом кладбище Иркутска. Могилы его неизвестны. Но есть память. О всех известных и неизвестных, кто отдал свои жизни за счастье народа.

Об этой памяти заявил член центрального комитета «Земли и воли» Николай Утин, когда в 1869 году откликнулся некрологом в «Народной воле» на смерть младшего брата Николая — Александра Серно-Соловьевича: «Честные и энергичные, преданные и бескорыстные, гонимые, но не покорившиеся, оба брата Николай и Александр Серно-Соловьевичи одинаково оставляют по себе в русской революционной истории благодарную память. Да, мы, которых старое поколение упрекает в отсутствии какой-то исторической благодарности, — мы говорим о любви и признательности, с которыми и бывшее, современное братьям поколение, и нынешнее молодое поколение всегда отнесутся к памяти обоих, потому что они заслужили ее своим искренним служением делу народной свободы».

Тамара КУРАШОВА

Рис. Владимира Казакова

КТО ПОДНИМЕТ ЭСТАФЕТУ?

**И ДОВЕДЕТ ДО КОНЦА ДЕЛО,
НАЧАТОЕ ПИСАТЕЛЕМ Л. ПЕЧЕНКИНЫМ**

70 лет назад в селе Курьи Свердловской области принял последний бой отряд красногвардейцев-интернационалистов. Много лет поисков посвятил этому событию писатель Л. В. Печенкин, автор книг «Салажата», «Павкин алмаз», «Награды Родины». Ему в эти дни исполнилось бы 60 лет.

Поиск начался с обычной винтовочной гильзы, позеленевшей, давно, видно, валявшейся в песке, которую нашел он, деревенский мальчишка, играя на берегу.

И с тех пор три десятка лет Леонид Васильевич пытался восстановить события, происшедшие на берегу Пышмы на исходе ночи 28 июля 1918 года. Записывал воспоминания односельчан, обращался к

архивам, к военным мемуарам, чтобы найти, узнать, что это был за отряд, с какой целью послан в Курьи, из кого состоял.

Был убежден: найдет, хоть что-то, но найдет. Должны остаться списки формирований, оперативные сводки боевых действий, донесения, приказы... Он, бывший военный летчик, знал, что так должно быть.

...Под вечер душного дня прошагал красногвардейский отряд по мосту из жердовника через Пышму, разделившую Курьи на две части. И враз затихло село, насторожилось, следя, как измученные, пропыленные люди блаженно плескались в чистой реке, потом отдыхали на песчаном берегу. Видать, шли они издали, отступали с востока, и вот здесь определен им был рубеж, на котором предстояло встретить врага.

Потом рыли окопы, снимали настил с моста... Невелика Пышма, но и она должна помочь в ратном деле. И уже кто-то из ближайших изб, осмелев, подошел поближе, а ребята давно вилась вьюном меж солдат. Дивились мужики незнакомой речи, да и обличьем иные не походили на русских. Кто они такие? Где их родина? Как попали в Россию? Мало с кем удалось поговорить. И потом долго спорили сельяне, называя национальности красногвардейцев: мадьяры, словаки, украинцы, латыши, русские, китайцы...

А наутро село увидело их мертвыми. Бой был коротким, жестоким, слишком неравные силы сошлись... Белочехи, ведомые местным кулаком, стреляли прицельно с фронта и тыла...

Леонид Васильевич узнал впоследствии из документов, какое значение придавалось селу Курьинскому (тогдашнее его название) как стратегическому пункту в наступательных планах белогвардейцев. Стал известен ему и приказ командующего фронтом Р. Берзина, отданный 22 июля: «...Отходить... с боем, держась зубами за каждый рубеж».

Многое с годами узнал Печенкин, только вот ни одной фамилии не удавалось ему раскрыть, ни одной строчки об этом бое прочитать. И вдруг...

В 1977 году в «Правде» появился очерк «Одиссея капитана Оя» — о необыкновенной судьбе необыкновенного человека. И к своему изумлению Леонид Васильевич прочитал: «Урал, 1918 год. Бой у села Курьи».

«Ночь была спокойная, а на рассвете началось. Позиция у нас

была плохая. Командира Горбунова тяжело ранило. Потом он умер. Смотрю, мой брат схватился за голову, упал. Ну, все, думаю, пропал Мейнхард, держались мы сколько могли. Потом отступили. Четверо нас осталось. Идем молча. Я только по-эстонски тогда говорил. Другой, венгр, только по-венгерски. Третий — китаец. Он вообще был глухонемой. Четвертый парень из Петрограда. Он нас вел... За сутки мы прошли километров семьдесят. Добрались до железной дороги, сели в эшелон. Выхожу на перрон в Алапаевске. Навстречу брат идет, Мейнхард. Голова забинтована. Обнял я. «Я думал, тебя убили». — «А я — тебя...»

Леонид Васильевич не успел встретиться с героем очерка. Много позже автор Ю. Апенченко в письме прислал ему дополнительную информацию. Оказывается, восьмидесятилетний Альфред Ганович Оя подробно показал, как были расположены роты, где стояла церковь, как посылали разведку за мост, за 17 километров. Вспомнил румына-пулеметчика...

А вот еще несколько штрихов к жизни этого человека. Его интернациональный батальон из 900 штыков был сформирован в Петрограде в 1918 году. Все добровольцы. Отправили их на Урал. А здесь человек тридцать, и среди них братьев Оя, отрядили сопровождать золотой эшелон. Отбившись от своих, попали в Екатеринбург, где Совет организовал сводный интернациональный отряд. Придели их и — под Тюмень. А там уже были белочехи. Так началось отступление...

Это я пишу для тех, кто захочет продолжить поиск. Новые данные — маленькие зацепочки — стали известны лишь в 1983 году, когда вышла книга Ю. Апенченко «В пределах одной жизни». В ней не только о легендарном капитане Оя, но и об уральском краеведе Л. В. Печенкине.

Это он, вдохновленный найденным очевидцем боя, бросился стучаться во все двери с предложением поставить памятник интернационалистам на месте их гибели, тем более что оно пустоет до сих пор. Посадим 64 дерева по числу погибших, будет парк памяти, убеждал он.

И что же? Ухватились местные власти за такую патриотическую идею? Перед своей внезапной кончиной Леонид Васильевич принес мне толстую папку материалов об интернациональном отряде. Публикации, отклики, поддерживающие предложение, проекты памятника, созданные в Свердловском архитек-

турном институте, заявления студенческих отрядов о желании безвозмездно работать и отчислить деньги. А вот и информация о том, куда и к кому обращался энтузиаст по вопросу о памятнике. С 1976 года по 1981 год. Список фамилий с должностями. Читаешь и словно бы проходишь по всем кругам воинствующего бюрократизма.

Секретарь Сухоложского райкома партии Н. Рожук: «Заниматься памятником в селе Курьи погибшим там красногвардейцам мы не будем. Не местные там погибли, а чужие, пришедшие из Сибири. Мы еще своим не всем памятники поставили. А этим пусть ставит область или Сибирь...». Председатель горисполкома А. Плотишников — тоже о «своих» и «чужих». С сентября 1977 года по апрель 1979 года «вопрос о памятнике изучался» в обкоме комсомола. Наконец пришел ответ за подписью В. Илюшина: «...областной комитет ВЛКСМ не располагает архивными сведениями о бое в селе Курьи Сухоложского района, а также финансовыми средствами для сооружения памятника».

Больной человек, инвалид второй группы, несколько лет обивал пороги разных учреждений. И везде от него отмахивались, как от назойливого просителя, словно требовал он для себя или своих близких каких-то благ и привилегий. А он просил воздать должное подвигу безымянных героев — интернационалистов, подвигу международной солидарности.

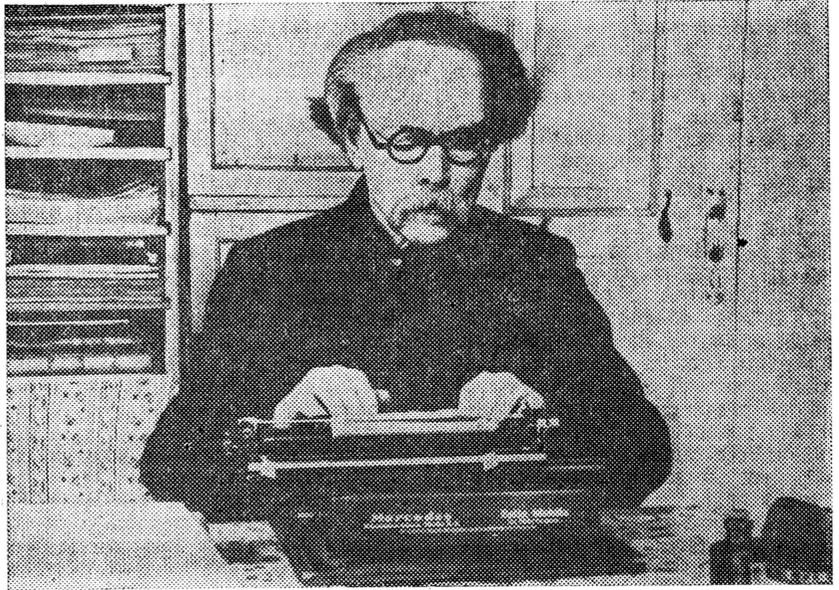
Вот строки из его очерка:

«Как и семьдесят лет назад, быстро катит воды свои молчаливая речка Пышма. Непогода и время давно стерли окопы на берегу, не осталось и следа моста на том месте. Да и в живых очевидцев курьинского боя почти не осталось. Но я мысленно вижу и русского парня с гармошкой, и не понимающего по-русски чеха, и румына, и китаец, которым был, как и нам, дорог коммунизм. Я вижу мысленно всех, кто стоял в том бою непреклонно и насмерть. Они не оставили нам своих имен и своей биографии. И у них теперь тоже где-то живут такие же, как и я, дети, внуки и правнуки. А поэтому память о них не должна умереть. Память о них останется нетленной».

Теперь Л. В. Печенкина нет в живых. Поиск, начатый писателем, продолжает сухоложский краеведческий отряд «Память», созданный на общественных началах П. Ф. Мойсеевым, оператором паровых котлов Сухоложского механического завода.

А памятника красногвардейцам-интернационалистам в селе Курьи до сих пор не существует.

НАЙДЕНО В АРХИВЕ

22 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА БИРЮКОВА, НЕУТОМИМОГО КРАЕВЕДА И ФОЛЬКЛОРИСТА. Всю жизнь посвятил он родному Уралу. Исходил его буквально вдоль и поперек. Слушал и записывал народный говор, песни, пословицы, сказки, рассказы о жизни и памятных встречах, о мастерстве в труде.

Владимир Павлович оставил нам много мудрых книг, богатейший архив. Когда перевозил его из родного Шадринска в Свердловск, понадобился не один вагон. Теперь это богатство хранится в Государственном архиве Свердловской области.

Публикуем песню и рассказ, записанные В. П. Бирюковым в его поездках по Уралу.

ЧЕРНОГЛАЗ ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ

*Высоко звезда восходила,
Выше лесу, выше темного,
Выше садика зеленого,
Выше городу персидского.
Во персидском то было городе,
Тут стояла тюрьма новая,
Тюрьма новая, спотюрмлѣнная,
Что во той тюрьме невольничек
Черноглаз Тарас Григорьевич.
По тюрьме он похаживает,
Кандалами он побрякивает.
«Кандалы вы мои крепкие,
Переменушки на все редкие,
Испротерлись мои ноженки
По сибирской по дороженьке
По широкою».*

Записано в городе Каменске-Уральском в июне 1946-го со слов местной уроженки (1874 г.) Анны Александровны Бутаковой, вдовы сапожника. Она заучила песню в детстве со слов своего двоюродного брата.

В вводной заметке о пугачевском восстании мы уже приводили народную песню о невольнике, который по тюрьме похаживает, использованную народом для введения в песню имени Е. И. Пугачева*.

Знаем мы также историческую песню о графе Захаре Григорьевиче Чернышеве, участнике прусской войны; он был взят пруссаками в плен и заключен в Кюстринской крепости. По возвращении в Россию командовал отдельным корпусом, и в 1761 году под его начальством был взят Берлин.

В нашем варианте разница та, что вместо слов «Чернышев Захар Григорьевич» вставлено «Черноглаз Тарас Григорьевич». Случайно или не случайно упоминается имя великого украинского поэта и революционера Т. Г. Шевченко? Мы не сомневаемся, что не случайно. Известно, что в южном Зауралье, именно в г. Орске, Т. Г. Шевченко отбывал ссылку. Почему бы не знать уральцам — рабочим и крестьянам — имя этого царского невольника?

* Сюжет «Молодец в темнице» восходит к донской казачьей песне об азовском пленнике, известной в XVI—XVII веках. В разное время героями ее становятся Ермак Тимофеевич, Степан Разин. Но, как видим, на этом «приключении» сюжета не кончаются. В. П. Бирюков в своей книге «Исторические сказы и песни» (Челябгиз, 1949) приводит вариант песни с именем Е. И. Пугачева. Узник разговаривает с кандалами, которые достались ему «за походы удалые, за житея свободное».

АЛЕКСАНДР II В ТИРЛЯНЕ

Сидим как-то мы. Разговорились. Мамаша вспомнила, как рассказывали, что в наш Тирлян приехал Александр Второй, когда он был еще наследником.

Для встречи Александра заводское начальство распорядилось, чтобы женщины нарядились в свои сафяны и белые рубахи.

Когда он приехал, остановился в управительском доме. И вот, когда Александр показался в окне управительского дома, женщины запели песню. Какую уж песню, теперь не помню, а только печальную — про свою недоложку. Одно только помню из рассказа, что Александр слушал, слушал, потом стремительно отвернулся от окна и ушел внутрь комнаты. Не понравилось!

— После-то досталось за это, — говорила мамаша.

И начальство стало говорить женщинам:

— И угораздило же вас запеть такую песню! Ну что хоть бы веселую какую.

Записано 30 сентября 1939 года в г. Троицке Челябинской области со слов матери писателя А. М. Климова — Александры Алексеевны Климовой, 51 года, уроженки «завода» Тирлян (теперь Баш. АССР), рассказ она слышала от своей свекрови.

Публикация
В. П. КРУГЛЯШОВОЙ

На снимке В. П. Бирюков.
Фото из архива Ю. М. Курочкина.

Бой за Покровское

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

Иван БЕЛЯЕВ

Село Покровское белые захватили в начале сентября 1918 года. Это был удачный маневр противника: части нашей 29-й дивизии оказались отрезанными друг от друга. Нависла угроза их разгрома поодиночке и беспрепятственного наступления белых на Егоршино.

Предстояла рискованная операция, чтобы спутать карты врага. А он опытен, хорошо вооружен и надежно закрепился...

По мнению комдива Макара Васильева, на такое отчаянное действие был способен только Филипп Егорович Акулов, командир Первого Крестьянского коммунистического полка.

Много легенд о нем живет в народной памяти. Бой за Покровское — как раз из тех, что рождают легенды.

Нынче Первому Крестьянскому коммунистическому полку, в боях и походах заслужившему гордое наименование полка «Красных орлов», исполняется 70 лет. А тот далекий бой 12 сентября был одним из первых в его биографии. Для многих бойцов полка, вчерашних крестьян, все было тогда впервые...

Когда-то в селах Зауралья холостежь хаживала стенка на стенку: улица на улицу, край деревни — на край. И у каждой такой стенки был старшой — башлык. И было у него право выбирать место, так что соперники не могли знать, против кого из них окажется самый опытный, сильный и ловкий боец.

Так и Акулов, приказав подчиненной ему бригаде Чернобородова нанести удар с юга, второму батальону Ослоповского — с запада, эскадрону Прокофьева — с севера, сам с тридцатью конными разведчиками двинулся на Покровское в лоб — с востока.

Когда солнце поднялось, ударили пушки красных, загорелось в нескольких местах село, потом рухнула колокольня, погребая под собой вражеских наблюдателей. Но это была лишь прелюдия боя, еще не сам бой.

Конные разведчики сосредоточились в небольшом леске, колонной по два. Вперед на своем Гнедке Акулов — стройный, подтянутый, истинный кавалерист. Во втором ряду, оба на вороных конях, отец и сын Кротовы: Федор Васильевич и Валентин, земляки Акулова. Замыкал колонну Михаил Калугин — Миша-Грач — коновод Акулова, тоже из села Шутино, в прошлом извечный батрак.

И вот чуткое ухо командира уловило усилившуюся ружейную перестрелку в западной части Покровского.

«Значит, вступил в бой батальон Ослоповского, пора и нам!» — Акулов еще раз осмотрел конников.

— Эскадрон, рысью марш-марш! — весь востропущий и как-то мгновенно преобразившись, подал команду.

Гнедко мягкой рысью нес своего седока. Скоро, вот за этим поворотом дороги, начнется улица села, начнется бой.

— За мной, орлы! Бузуй!

— Бузуй! — И конники понеслись к центру села.

Валентин скакал на своем Воронке в первых рядах колонны по почти пустынной улице. Вдруг в переулке

увидел беляка, стрелявшего из-за плетня из винтовки. Остальные, видимо, не замечали его, пронеслись мимо. Валентин развернул Воронку, тот метнулся в сторону. Пуля пропела почти над ухом, заставив волосы зашевеливаться под фуражкой. Всадник вновь рванул коня влево, дал шпоры, и конь перемахнул плетень. Беляк торопливо выстрелил и вновь промазал. Тогда он схватил, как на учении, винтовку за цевье приклада, а второй рукой за ствол и ловко отразил сабельный удар: сабля так повернуло в руке Валентина, что чуть не вывихнуло кисть. Перехватив саблю в левую руку, Валентин боком направил Воронку на врага. Отражению такого маневра беляка не учили, он растерялся всего на какую-то секунду и получил удар саблей прямо по сине-белой кокарде...

Воронка возбужденно прял ушами, рвал повод, а Валентин все смотрел на лежавшего у его ног человека в серо-зеленой форме. Из-под фуражки пузырилась кровавая пена. Наконец, опомнившись, выехал на улицу.

А навстречу ему во весь опор мчался отец.

— Валя, живой! — еле вымолвил Федор Васильевич.

— Тятя! — закричал Валентин, и слезы неожиданно полнились из глаз.

Старший Кротов увидел в руке сына окровавленную саблю и все сразу понял.

— Тятя, тятя! — рыдал Валентин, уже не пытаясь сдерживаться, а отец молча гладил сына по спине.

Бой за Покровское разгорался все сильнее. Белые пытались прорваться то в одном, то в другом месте, особенно в сторону железной дороги, но под пулеметным огнем их цепи залегли. Так повторялось несколько раз.

Комдив Макар Васильев знал, что бой за Покровское будет тяжелым: меньше тысячи красноармейцев против двух тысяч беляков! И он принял решение: оставить Реж, а третий батальон Жукова, оборонявший его, бросить на помощь Акулову.

Жуковцы пришли в самый разгар боя. Их появление, хотя и усталых, еле державшихся на ногах, подняло дух наступающих, а по рядам противника пронесся панический слух: «Жуковцы!». И дрогнули белые, по улицам и переулкам кинулись в южную часть села, где им удалось вырваться из окружения.

Ближе к полудню подошел бронепоезд под командованием Быстрова, что значительно ускорило исход боя, и он закончился полной победой.

Враг отступал с большой поспешностью. В оперативной сводке по 3-й армии отмечалось: «Как деталь этого боя обращают на себя внимание оставленные на месте стычки около 20 пар сапог, что дает основание предполагать о той стремительности и облегченной в смысле обуви поспешности, с какой противник отступил в направлении на станцию Реж».

Взвод Ильи Жилина очищал от беляков большую улицу, тянувшуюся до главной площади села. Выбивали беляков из домов, огородов, вылавливали спрятавшихся в ямах и конопляниках. Иван Тарасов погнался за грузноватым, видимо, пожилым, солдатом. Тот явно избегал рукопашной, ловко перебегая от дома к дому, наконец

махнул через плетень в какой-то огород и скрылся за банькой. Иван, опасаясь удара штыком или выстрела, осторожно перевалил плетень, рывком преодолел расстояние до бани и замер. Беляк был за баней, слышалось легкое похрустывание стеблей конопля, ломавшихся под его ногами.

«Что он надумал? С какой стороны кинется? Выстрелит? Ударит штыком?» — стучало в голове Ивана.

И вдруг за баней стихло. Иван снял фуражку, осторожно выставил ее из-за угла: выстрела не последовало.

— Эй, ты, сдавайся! — крикнул Иван. Ответа не было. Тогда, решившись, с винтовкой наперевес он кинулся за баню. Но там никого не было: валялся один сапог, другой стоял чуть поодаль. На высокой коноплянке качалась портянка. А вдалеке, уже вне досягаемости ружейного выстрела, драпал владелец сапог.

Уж каким образом рядом с ним оказался военком Юдин, Иван так и не мог понять.

— Что случилось, товарищ красноармеец?

— Беляка упустил — вон драпает. Сапоги оставил...

— А ты на свои посмотри: каши просят. Надевай подарок, а то от нашего каптера не скоро новых дождешься. Я, видишь, в каких хожу, — хлопнул себя по голенищу Юдин, взял валявшийся сапог, полюбовался им и протянул Ивану: — С иностранной маркой, а все же добрый сапог. Да ты садись, обувайся. И портянки ничего.

Иван сел на валявшееся около бани бревно, комиссар уселся рядом. Сапоги пришлось как раз по ноге.

— Спасибо, товарищ военком, побегу догонять роту.

— А чего ее догонять, рота на месте. Слышишь, стрельба стихла. Покровское наше. Пойдем.

Так состоялось знакомство парня из села Крестовки со старым большевиком Александром Алексеевичем Юдиным, бывшим крестьянином из-под Кургана, военным моряком, комиссаром полка.

Прощаясь, военком крепко пожал Ивану руку.

— Ну, теперь тебе сапог до дому хватит. Вот разобьем белых, и в свои края, домой. Видишь, как их бить научились, побегут скоро от нас! Побегут!

Красной датой вошел день двенадцатого сентября 1918 года в историю Первого Крестьянского коммунистического полка, показал, на что способны люди, поднявшиеся в бой за свои права, и как воюют командиры, выходящие из крестьянских масс.

В приказе по дивизии действия полка и его командиров в этой боевой операции комдив М. Васильев расценивал так: «Этой молодецкой атакой был решен бой, и план противника взять Егоршино был разрушен... Объявляя о сем, я от имени всей дивизии приношу глубокую благодарность тов. Акулову и Прокофьеву и всем красноармейцам 1-го Крестьянского полка. Со своей стороны я буду ходатайствовать перед Военным Советом 3-й армии о награждении 1-го Крестьянского полка Боевым Знаменем Революции».

Трудно было в полку не только с обувью и обмундированием, но и с питанием. Хлеба вокруг стояли неубранными, скот кулаки угнали подальше — ждали белых.

Квартирмейстер пятой роты Андрей Тарасов раздобыл серп и цепи, организовал из беженцев и нестроевиков своего рода подразделение и почти под пулями белых, чаще всего ночами, стал убирать хлеб с полей в окрестностях Режа и Покровского. Заработала мельница в Покровском, и появилась мука, из которой женщины напекли калачей и караваев.

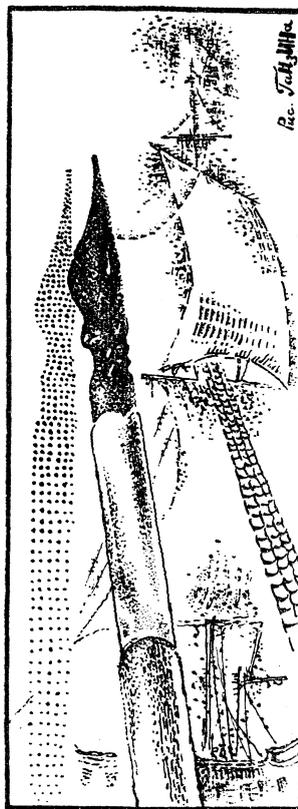
Хлеб, всему голова хлеб! Когда солдат сыт, он и воюет лучше — это Андрей Тарасов знал по собственному опыту: не зря три года провел в окопах германской войны.

Помылись солдаты в покровских банях, постирали бельишко, несколько дней сытыми побыли — вскоре предстоял им долгий и изнурительный поход по трудным дорогам гражданской войны.

«...Девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее ее судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде...

Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался теперь девочке огромной рекой, а яхта — далеким большим судном».

А. Грин «Алые паруса»

Мы не ходили по морям
И не видели дальних стран,
Но, будучи на суше,
Наш старый добрый капитан
Стихов и песен якоря
Забросил в наши души.

Саша Борисов

Капитан «Алых парусов»

Ася ГОРСКАЯ

Рассказ в письмах и стихах

Родина Лидии Александровны Преображенской, писательницы, бесменного капитана литературно-творческого объединения «Алые паруса», — город Кунгур. С ним связано все самое первое: первая коробка цветных карандашей, купленная бабушкой, и первое стихотворение, написанное во втором классе.

Кунгур стоит при слиянии трех рек. До студеной Сылвы — рукой подать. Выйди из дома и иди босиком по мягкой прохладной траве. Улица сама к реке приведет. А река до вечера домой не отпустит. Можно, качаясь на бревенчатом плоту, думать о своем. Например, о том, не покажется ли вдали корабль с алыми парусами, и она, дочь сапожника Мехоношина, поднимется на мостки этого корабля... Можно рисовать крутой, поросший соснами и елями берег Сылвы (эта страсть к рисованию останется на всю жизнь). Можно попробовать написать стихи. Правда, она еще не решается никому показывать их...

А семье Мехоношиных было не до стихов. В далеком Петрограде прогремел залп «Авроры». Красная Армия сражалась против белых. В ее рядах воевал отец. В Кунгуре почти каждый день менялась власть. На улицах появлялись то белые флаги, то взвивались красные. Наконец установилась Советская власть. Вернулся с фронта отец и увез семью в Сибирь, где хлеба «сшь — не хочу».

В Семипалатинске девочка должна была пойти в восьмой класс, но оказалось, что в этом городе есть педагогический техникум. Вот как повезло: ведь Лида с детства воображала себя учительницей. Четыре года учебы, и молоденькая учительница поймет, что играть в школу и работать в школе — не одно и то же. Поражает любознательность малышей. Как жадно слушают они стихи и сказки. Что ни день — подавай новые. А где их взять? В то время детская литература только начиналась, и Лидия Александровна сама пробует писать для своих питомцев. На школьных утренниках дети декламируют ее стихи, играют в ее пьесах, инсценируют ее сказки.

— Ты скажи мне, зайчика,
Ты скажи мне, маленький,
Где ты прыгал, где скакал,
Где ты шубку покупал,
Шубку беленькую
Вместо серенькой?
— Эту шубку мне сама
Перекрасила зима...

Война застала ее в Челябинске. Трудно стало с бумагой. А ребята ждали новых книжек. И появился «Плюшевый медвежонок» — любимец детворы военных лет. Эта сказка, как и другие «книжки-малышки» («Коля на елке», «Мама-герой»), была напечатана на бумажных обрезках.

В 1951 году Лидия Александровна организует в Челябинске литературно-творческий кружок. Мы стали первыми ее питомцами.

Был путь бригантины Поэзии труден,
На палубе рифмы неровно плясали.
И долго еще вспоминаться нам будет,
Как мы приходили сюда и писали.

Юрий Пейсахов, инженер

Каждое воскресенье в полдень бегу я (да, не иду, а именно бегу) в Дом пионеров.

Я могу не выучить историю, не решить задачу по физике, но пропустить занятие кружка!.. Бегу, но все равно опаздываю. Лидия Александровна журит меня, а глаза улыбаются. Мне кажется, она любит меня больше всех. Как-то я сказала об этом товарищу по кружку. Он удивился: «А мне кажется, что меня».

Пройдет время, мы встретимся с журналистами Владимиром Баландиным, Аркадием Борченко, Леонидом Доброхотовым, Юрием Логачевым. А пока (для нее навсегда) они просто Володя, Аркаша, Ленья, Юра...

«Вы слышите нас, Лидия Александровна, — нас, тех самых юных пионеров, что когда-то чинно сидели на самом первом занятии литературно-творческого кружка. Мы были мальчишками и принесли Вам свои первые стихотворные опыты. Приносили стихи и поэмы, рассказы и пьесы... Иногда о своих сверстниках, иногда о любви, случалось что-нибудь сочинить и про шпионов. И все Вы читали внимательно и всерьез, наша Лидия Александровна. А потом мы слушали Вашу критику, умную и доброжелательную, и понимали, почему стих, еще пять минут назад казавшийся нам ничуть не хуже тех, что печатают в журналах и книгах, оказывается плох, неинтересен, а может быть, просто неграмотен. Мы слушали Вас, учились, мотали на несуществующий ус тайну стихосложения и вот уже сами бросались в бой, принимая в свою семью самонадеянных новичков...

Ваши Володя Баландин, Аркаша Борченко,
Ленья Доброхотов, Юра Логачев».

Плыл кораблик
сквозь закатов розовость
И сквозь свежесть
утренних туманов,
Плыл кораблик,
плыл морями образов
К поэтическому океану.

Саша Шамарин

А принимали мы действительно очень строго. Новенькому устраивали «боевое крещение»: если не обижался и приходил на следующее занятие, значит, уже навсегда оставался с нами.

...Вы помните мальчика, который, прочитав книгу о легендарном Спартаке, принес нам рассказ о том, как армия Спартака на танках штурмовала Афины.

— А разве у Спартака были танки? — спросили ребята.

Мальчик рассердился: конечно, не было, но ведь ему так хочется, чтобы у Спартака были танки!

— Разве Спартак штурмовал Афины? — спросили Вы, Лидия Александровна.

Нам стало ясно, что мальчик из тех, кого влечет остров Пустых Мечтаний. Мы, конечно, не высадили его со своего корабля, но он, к сожалению, скоро ушел сам.

Он не очень любил трудиться, а такие недолго задерживались в нашей дружной команде.

Все новыми и новыми матросами пополнялась палуба нашего корабля. Все жарче разгорались споры о жизни, искусстве, поэтическом мастерстве. Среди спорщиков подрастали будущая поэтесса Ольга Балакина, писатель Кирилл Шишов, историк Павел Зырянов, журналисты Тамара Звонова, Ольга Акулова, Ольга Пичутина и многие другие.

«Я в этом году поступила на физический факультет Московского университета. Но это не страшно. Старый спор между «физиками» и «лириками» стал бессмысленным. Физики — те же лирики, только с воображением, направленным в другую сторону, а чистая лирика (в смысле — стихи) — неотъемлемая часть жизни любого физика. Так что от поэзии мне никуда не деться, тем более что моя специальность — астрономия, а звезды и стихи издавна неразрывны.

Всегда благодарная Вам Марина Терскова».

«Все, что получено в детстве, остается на всю жизнь. Я мало занималась в Вашем кружке, но у меня осталось навсегда такое хорошее, необъяснимое чувство.

Занятия в Вашем кружке дали толчок к самосовершенствованию, к самостоятельным занятиям по теории литературы и стилистике, чего не дали мне ни школа, ни институт.

Ваша ученица Алма Мукашева».

*Буря на кораблик налетала,
Страшный шторм его нещадно бил,
Но кораблик поднял парус алый,
Не сдавался бурям, снова плыл.*

Саша Шамарин

Не думайте, что все было гладко на пути следования «Алых парусов».

Не забыть Лидии Александровне, как однажды уже юноша-десятиклассник Шамарин, ее Саша, умница, с «глазами Иисуса Христа», выпалил ей: «И что дают они, эти «Алые паруса»?!»

Лидия Александровна ничего не ответила. А сама не спала, все думала... Что за буря в душе у парня? Обидел кто-то? А может, первая любовь подросла и оказалась неразделенной?

А через несколько дней Саша вырос перед ней смущенный и протянул крохотный букетик фиалок:

— Простите... Дурак я был, понимаете, дурак!

— Понимаю,— как ни в чем не бывало ответила Лидия Александровна. И опять ни о чем не спросила, словно знала, что именно происходило с ним в эти несколько дней.

Мы вырастали, выбирали разные пути-дороги. Но всегда в глубине души помнили про «Алые паруса».

«...Раньше мне о доярках рассказывали только бойкие репортеры. И вот я увидел доярок собственными глазами. Едва зашли, слышим тяжелое мужицкое ругательство, произнесенное надсадным женским голосом, в противоположном конце — еще одно такое же ругательство. Коров в это время как раз загоняли и привязывали. Коровы металась, бодали тех, которые привязаны, сбивали их с ног. Девчонки наши ходили измученные и издерганные, а одна прислонилась к шее любимой коровы и выплакала...

Вот это и есть соленая проза здешней жизни — проза, которую надо ломать...

...У нас осень. Унылое небо, унылые жухлые поля, желтые перелески, полчища перекасти-поле. Это не «пышное природы увяданье», это что-то очень грустное и трогательное. Как все-таки Ваше здоровье? Вы ничего об этом не пишете.

Всегда Ваш Павлик».

«...Моя хозяйка только что накормила меня блинами, вкусными деревенскими блинами. Она славная, очень похожа на мою бабушку: тоже вечно хлопочет. Вот и сейчас возится у русской печи.

А я готова в школу. Сумка опять набита до отказа. Вы не поверите, что я, самая маленькая учительница, хожу с самой большой и тяжелой сумкой. Путь до школы 15 минут по большой деревенской улице.

Бегу! До вечера, моя Лидия Александровна!

Галя Ялыгина».

«...Писать хочется всегда, я и пишу всегда, только мысленно, даже тогда, когда делаю другую работу... Но взять в руки карандаш и сесть за письменный стол — это nepозволительная роскошь. Может, когда-нибудь... А пока — уроки, недсоветы и т. д. И все сначала.

Да, у нас в поселке построили 17-й дом. И дали нам ключи: «Выбирайте любую квартиру!» И мы выбрали: небольшую, скромную, но с окнами на восток. Теперь с балкона нашего можно наблюдать, как встает над лесом рассвет, поднимается солнце и будит весь поселок. Передачу о нем я все же готовлю и назову ее «Городок среди берез».

Приезжайте! Сходить по грибы — найдем время!

Ваша Ася».

У меня хранятся около двадцати книжечек, подаренных Лидией Александровной, читаных-перечитанных, клееных-переклееных, подчеркнутых, замусоленных ребячьими руками, но очень дорогих для меня. По ним инсценировала я не раз «Железную дорогу», «Как ребята осень искали», готовила пионерские сборы. Но особенно необходима в работе книга «Развитие литературных способностей детей». Это доступное по форме и глубокое по содержанию пособие. Только учитель может оценить, какой огромный труд стоит за каждой строкой этой тоненькой книжки.

А вот другая — с красивым, звонким названием «Золотинки». У этой книги 50 юных авторов, но я-то знаю, кто стоит за каждой удачной строкой, кто разумно и ненавязчиво подсказал нужную мысль, помог найти оригинальное решение темы. Золотинки... Мне почему-то представляется проливной дождь и... солнце! Так бывает — я видела. Тогда в этом прозрачном потоке мелькают золотинками солнечные нити. И сразу вспоминается детство, и наши ребята, которым «стихи спать не дают», и наш капитан, который всегда рад встрече с нами.

Тридцать пять лет подряд, каждое воскресенье, в любую погоду, несмотря на слабое здоровье, спешит она во Дворец пионеров. Спешит туда, где не платят за переработанные часы, а вот уже двадцать пять лет как вообще не платят. Лидия Александровна на пенсии и ведет свое литературное объединение на общественных началах. Оплата бывает разная: первые рифмованные строчки, восхищенный огонек в глазах юных любителей поэзии...

*С тех пор минуло много лет.
Я все еще в душе поэт.
И иногда, не скрою,
Среди болот или лесов
Багрянец алых парусов
Мне чудится порою...*

Александр Борисов,
геохимик.

Александр ХАЛАМАЙЗЕР

ПАРТИЗАН ФРИЦ

Рис. Олега Бухарова

«Хранить до 1974 года», — значит на найденной в архивах фашистского военного суда секретной папке, где собраны сведения о «Фрице Шменкеле, ефрейторе 1-й батареи артполка 186-й пехотной дивизии вермахта, осужденном за военную измену». Судебные чиновники рейха отвели памяти Шменкеля только 30 лет.

Фриц родился в семье немецкого коммуниста, рабочего кирпичного завода в небольшом городке Варзове, близ Штеттина (ныне — Щецин в ПНР). Во время антифашистской демонстрации гитлеровские молодчики выстрелили его отцу в спину. Фриц поклялся отомстить за подлое убийство.

Он очень хотел учиться, стать автослесарем или механиком. Но как только в Германии утвердился фашистский «новый порядок», угодил в трудовой лагерь.

В ноябре 1936 года двадцатилетний Фриц познакомился на танцах с Эрной Шефер. Молодые люди приглянулись друг другу, но встречаться им удавалось лишь раз в две недели, когда Фриц имел право отлучиться из лагеря. Спустя год они поженились. А когда появилась на свет дочка, Фриц, отбывший к этому времени трудовую повинность, перебрался к Шеферам. Отец Эрны, убежденный сторонник Гитлера, долго и безуспешно пытался обратить Фрица в свою веру, и у них возникли бесконечные споры.

Вместе с товарищем по работе Бернгардом Фриц пытался создать группу Сопротивления, вести пропаганду против подготовки к войне. Выполнял отдельные поручения друзей отца. Стал членом Союза коммунистической молодежи Герма-

нии — разумеется, тайно. Однако в 1938 году ему пришлось надеть солдатскую шинель.

Но Фриц и не думал воевать за Гитлера. Он самовольно покинул расположение части, в которой числился. Полиция возвращает его в казарму. Фриц снова уходит. Его предают военному суду: два года тюрьмы.

За решеткой было много времени для размышлений. Он понял, наконец, что пассивное сопротивление военной машине Гитлера обречено на провал, нужна организованная борьба. И тогда он делает вид, будто тюрьма «перевоспитала» его, а потому «рад» попасть на фронт. Его досрочно освободили и даже разрешили навестить семью. Отец Эрны, узнав через местных нацистов, что Фриц попросился на фронт, подался.

Осенью 1941 года личный состав батареи, в которую попал ефрейтор Шменкель, был расквартирован в одной из школ Вязьмы. Предстояли серьезные боевые действия. Под вечер Фриц незаметно покидает расположение своей части. Рассвет застает его километрах в пятнадцать от Вязьмы. В глухом лесу он сделал привал, развел небольшой костер... Когда стемнело, выложил еловым лапником яму в снегу и спокойно уснул: гитлеровцы в такую глухомань не забирались, а советских партизан он не боялся.

Вскоре оказалось, что он недооценил обширность русских лесов. День проходил за днем в поисках партизан. Фриц старался держаться подальше от деревень, чтобы не попасться полевой жандармерии, а еще хуже — гестапо: за дезертирство грозил расстрел.

Мороз усиливался, продуктов оставалось все меньше. Однажды, убе-

Партизан Фриц

дившись, что в лесной деревеньке гитлеровцев нет, Фриц вошел в крайний дом и вежливо попросил разрешения погреться.

«Я оторопел, когда в избу вошел немецкий солдат,— вспоминает Михаил Яковлевич Сидоров из деревни Курганово.— Он был без погон, без оружия, только плоский штык-тесак висел на ремне. Прошел к печке, достал зажигалку, закурил. Вижу—голодный немец, но очень уж стесняется, ничего не требует. Стал я с семьей ужинать—он сидит у печки, не подходит. Ну, позвал я его к столу, хотя у самих негусто было. Обрадовался он, но старался виду не подавать. Поел он, «данке» говорит, спасибо, значит. Потом попросился переночевать. Утром посмотрел на Сашку, мальчишку моего, кашлял он в ту пору сильно, и ушел. Часа не прошло, вернулся, поставил на стол крунку молока, показал на сына, сказал «кинд». Закуривать стал перед уходом, огня попросил, а ведь вечером видел я у него хорошую зажигалку, потом понял: ее-то он и сменил на молоко».

Осенью 1941 года на оккупированной территории Калининской и Смоленской областей возникли партизанские отряды. Энергичный сержант-уралец Иван Просандеев, оказавшись в окружении, собрал бойцов в партизанский отряд «Смерть фашизму». Жители местных деревень помогали партизанам, некоторые становились связными. Один из таких связных сообщил в отряд о «странном немецке», а затем привел его к партизанам.

С помощью одного из партизан, немного понимавшего по-немецки, его стали расспрашивать. Он говорил медленно, тщательно выговаривая слова, помогая себе жестами. Да, он дезертировал, искал партизан, чтобы вместе бить фашистов. Сидел в фашистской тюрьме. «Переводчик» не понял слова «тюрьма», Фриц сделал из пальцев решетку.

— У него руки рабочего,— заметил комиссар Тихомиров.

Лед недоверия постепенно таял. Фрица оставили в отряде, чтобы проверить в бою.

Несколько дней спустя немцы повели наступление на деревню Курганово, где расположились партизаны. Фрицу дали бинокль и велели наблюдать. Рядом с ним на чердаке хаты пристроился с карабином молодой партизан, но вскоре его ранили в плечо. Фриц заметил, что один гитлеровец с гранатой в руке подбирается к соседнему дому, под крышей которого стоял партизанский пулемет. Шменкель вырвал у раненого карабин, тщательно прицелился и убил гитлеровца, потом вернул партизану его оружие, а сам

поспешил на помощь пулеметчикам.

После боя Фрицу торжественно вручили трофейный автомат—он стал полноправным бойцом отряда.

А однажды Фриц обескуражил Просандеева неожиданным вопросом:

— Командёр, это есть правда, что русские называют всех немцев «фриц»?

— Бывает,— уклончиво ответил тот.— Вот ты, например, и есть Фриц.

— Их бин ньет Фриц,— обиделся Шменкель и от волнения заговорил по-немецки:— Их бин Иван! Гут?— И попросил Просандеева издать приказ о перемене имени.

— Такой приказ я дать не могу,— улыбнулся командир.— Но могу сказать нашим партизанам, чтобы не называли тебя больше Фрицем...

Более года сражался Фриц Шменкель против гитлеровских оккупантов. Ходил в разведку, взял в плен немало фашистских солдат и офицеров. В отряде его дружески называли Ваней, а кто помоложе— уважительно Иваном Ивановичем.

— Да ну!— удивлялись местные жители.— Неужто Иван Иванович— немецкий солдат? И воюет против немцев? Видать, не так уж хороши дела гитлеровцев...

К лету 1942 года в отряде «Смерть фашизму» было уже около сотни бойцов, разбитых на несколько подразделений: разведывательное, пулеметное, минометное и другие. Установилась связь с Большой землей, со штабом Калининского фронта. Однако она поддерживалась нерегулярно, в отряде не было своей радиции.

Местные железнодорожники сообщили: в немецком складе на товарной станции Ярцево имеется мощная радиостанция. Но склад охраняется шестью солдатами под командой унтер-офицера, у ворот товарного двора день и ночь стоит часовая, а по соседству находится сильный гарнизон.

Шменкель предложил поручить захват радиостанции ему, обещая провести операцию без лишнего шума. И получив согласие, первым делом подошел по своей фигуре мундир фашистского лейтенанта медицинской службы, взятого недавно в плен.

...Группа из девяти партизан в немецкой форме заползла подъехала на грузовике к серому зданию станции Ярцево-товарная. Остановившись перед воротами, водитель дал три условных гудка. Из будки вышел часовой. Увидев «офицера» и «немецких» солдат, поднял шлагбаум. Водитель въехал во двор и остановился, не выключив мотора.

— Вы что, уснули?— спросил

Шменкель заспанного унтера.— Где вся ваша команда?

— Двое отдыхают, остальные охраняют русских, господин доктор!— Вдали несколько человек под наблюдением конвойных грузили что-то в вагоны.

Пройдя за унтером в складское помещение, Шменкель распахнул дверь, за которой жила охрана. При виде офицера трое солдат побросали на стол карты и вытянулись по стойке смирно.

— Кто из вас радист?— строго спросил Шменкель.

— Обер-ефрейтор Швальбе, господин лейтенант,— доложил один из них.

— Хорошо,— кивнул Шменкель.— А ты,— ткнул он пальцем в солдата с круглым лицом,— собери сюда всех остальных, да поживее!

— Извините, господин доктор,— подал голос унтер,— но там русские...

— Никуда эти русские не денутся!— небрежно бросил Шменкель.

Солдат тут же исчез.

— Где у вас радиопередатчик?— обратился Шменкель к унтеру. Тот показал в угол помещения. В этот момент трое партизан, стоявших позади Шменкеля, подняли автоматы и щелкнули затворами.

— Хенде хох!

Охранники замерли.

— Не двигайся!! Повернуться к стене!— приказал Шменкель. Ему подчинились. Один из партизан отобрал у них оружие. Через несколько минут прибежали остальные охранники, вызванные круглолицым по приказу Шменкеля. Они тоже не посмели оказать сопротивление.

Унтер-офицер показал, где лежат медикаменты и другие грузы. Потом спросил:

— Значит, Шменкель— это ты?

Теперь пришел черед удивляться Фрицу. Откуда унтер-офицеру стала известна его фамилия?

— Военная жандармерия разослала листовки с твоим портретом,— объяснил унтер.— Мне тоже прислали одну, велели наклеить в казарме, а я ее просто сунул в ящик. Можешь убедиться,— показал он на стол.— Она и сейчас там лежит.

Фриц высыпал на стол содержимое ящика, нашел листовку и сунул за голенище.

Партизаны погрузили в машину все необходимое. Пленных связали, заперли в подвале. Неторопливо садясь в кабину, Шменкель издал махнул рукой часовому. Тот кивнул и поднял шлагбаум.

— Ценят немцы твою голову, Ваня!— шутливы партизан, передавая из рук в руки листовку с портретом Шменкеля. «Лицо, поймавшее дезертира,— значилось там по-немецки и по-русски,— получит вознаграждение: русский— 8 гектаров

земли, дом и корову; военнослужащий вермахта — 5000 марок и четырехнедельный отпуск».

Вскоре отряд установил надежную двустороннюю радиосвязь со штабом Калининского фронта. С Большой земли прилетали самолеты, сбрасывали боеприпасы, продовольствие, медикаменты. А иногда садилась на партизанские аэродромы, забирала раненых и пленных.

В начале 1943 года при прорыве партизанами линии фронта Фриц Шменкель был ранен, хотя и неопасно. Лечился в госпитале. Получил короткий отпуск, побывал в Москве, попасть в которую мечтал с детства.

В июне Шменкелю был вручен орден Красного Знамени.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — написано на знамени, составляющем главную часть ордена. И это символично: сын рабочего и сам рабочий, Шменкель получил орден за подвиг во имя объединения пролетариата против фашизма.

...По просьбе самого Шменкеля его забросили на самолете в тыл немцев. Но, к сожалению, вскоре он был опознан и схвачен фашистской службой безопасности. Его допрашивали по многу часов подряд:

— Кто вас послал? С каким заданием? С кем вы связаны в Москве? В других населенных пунктах? Где радиопередатчик? Кто на нем работает? Знаете ли вы шифр?

Но Шменкель говорил только о своих убеждениях — тут ему нечего было скрывать. Ему предъявили обвинение в государственной измене — нарушении присяги и переходе на сторону врага.

«То, что я по собственному желанию перешел на сторону правого дела, это верно, — заявил Фриц в ответ. — Правда и то, что ненавижу войну, развязанную нацистами. Но обвинение в измене Германии и немецкому народу я отвергаю. Вместе с Советской Армией я сражался за немецкий народ, за мою родину — Германию, за ее освобождение от национал-социалистского ига».

Его лишили слова. Предъявленные обвинения сочли «доказанными». Приговор гласил: расстрел. Просить помилования Шменкель не стал.

Несколько дней спустя поздно вечером к нему в камеру вошел пожилой человек в офицерской форме без знаков различия.

— Я протестантский пастор, — представился он. — Милосердная рука церкви...

— Не тратьте слов, святой отец! — прервал его Фриц. — Я коммунист по духу и знаю, за что отдаю свою жизнь. Если вы действительно по-человечески хотите помочь мне... Я хотел бы написать жене. И просил бы вас переслать письмо частным образом.

Священник испуганно покосился на дверь, посмотрел в зарешеченный глазок: как будто никого!

— Хорошо. Я исполню вашу просьбу. — Он достал из внутреннего кармана блокнот и карандаш. Понизил голос до шепота. — После вашей смерти я отправлю письмо.

«Прости, если мое решение принесет тебе и детям обиду или огорчение, — вскоре читала Эрна. — Но я не мог поступить иначе. Я спокойно смотрю в глаза смерти, ибо умираю за правое дело».

Эрну фашисты тоже не оставили в покое. Обыск следовал за обыском. Нацисты требовали, чтобы она отреклась от мужа и вместе с детьми приняла добрачную фамилию, в этом случае ей выплачивалось бы пособие. Эрна отказалась.

«Нам было очень трудно, — вспоминала она позднее. — Но в эти тяжелые месяцы я узнала, что такое солидарность: почти ежедневно находила на своем столе в мастерской несколько ломтей хлеба, иногда фрукты и даже кое-что из детской одежды. Иностранные рабочие, отбывавшие трудовую повинность, приносили самодельные игрушки для моих детей. И я все лучше понимала моего мужа и прониклась гордостью за его подвиг».

В центре Минска на доме № 4 по площади Свободы установлена мемориальная доска с барельефом. В этом здании, где во время оккупации помешалась гитлеровская служба безопасности — «Зихерхайтсдинст» (СД), — был приговорен к смертной казни немецкий антифашист Фриц Шменкель. Не так давно я ходил по улице Фрица Шменкеля в Берлине, в районе Карлсхорста. Имя героя носил та улица, на которой представители вермахта поздно вечером 8 мая 1945 года подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Есть улица его имени и в городе Плауэн, где по сей день живут Эрна Шменкель, ее дочери Урсула, Эрика и внуки, и в городе Нелидово Калининской области. Это имя носит в ГДР полк Национальной народной армии, десятки школ и коллективов трудящихся, пионерские отряды в Харькове и в других советских городах, клубы интернациональной дружбы в нескольких наших школах...

Пионеры школы-десятилетки в Торнау (округ Галле) тоже долгое время вели поиск следов партизана Фрица-Ивана. Около двадцати лет назад школе присвоено имя героя, а вскоре учащиеся и их родители поставили здесь памятник отважному партизану.

Клуб юных историков в школе имени Фрица Шменкеля в небольшом селении Крейниц, расположен-

ном на берегу Эльбы, собрал богатый материал о легендарном партизане — выписки, альбомы, фотографии, рисунки, а также письма Эрны Шменкель и ее детей. Юные историки ведут переписку с пионерами СССР и других братских социалистических стран.

В мае 1984 года я встречал на Белорусском вокзале в Москве большую делегацию из ГДР, совершавшую поездку «По следам Фрица Шменкеля». Учителя и учащиеся, представители бригад и коллективов, солдаты и офицеры полка его имени встретились в Москве с воинами и партизанами — ветеранами войны, увидели в 53-й школе Сокольнического района столицы многочисленные документы, посвященные Шменкелю. Советские школьники и ребята из ГДР поделились опытом следопытской работы.

В составе делегации был и сын героя Ганс Шменкель с женой Мартиной и сыном-подростком Гайко. На встречу в школе пришла бывшая медсестра отряда «Смерть фашизму», ныне ученый-физик Н. И. Федорова.

«Я хорошо помню Фрица, — рассказала Надежда Ивановна. — Этому высокому крепкому парню было тогда лет 25—26. Он хорошо ориентировался по карте и на местности, умел обращаться с любым оружием, уверенно владел любой техникой. Воевал смело и дерзко, ненавидел фашизм, но не любил распространяться об этом».

Одним из интереснейших этапов поиска была поездка в Верховье. Здесь, в центре бывшего партизанского края в Вадинских лесах Смоленской области, не так давно открыт монумент и музей боевой славы, в котором также немало материалов, связанных со Шменкелем. В этот день музей пополнился еще одним ценным экспонатом: руководителем делегации учитель школы имени Фрица Шменкеля в городе Торнау Макс Зондерман передал директору музея М. А. Персидскому — бывшему партизану, лично знавшему Фрица Шменкеля, — барельеф с изображением героя, выполненный народным художником из Торнау.

Высокий темноволосый немец подошел к группе местных жителей, среди которых были и пожилые, сказал: «Здравствуйте». Ему так же вежливо ответили. Он пытался спросить что-то, жители не поняли. Выручил переводчик:

— Ганс Шменкель спрашивает: помнит ли кто-нибудь его отца?

— Конечно, помним, — откликнулась учительница Верховье-Мальшинской школы М. В. Романова.

Конечно, помним...

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

У ПОИСКА МНОГО ДОРОГ

Осенью 1942 года альпийские стрелки из немецкой дивизии «Эдельвейс» захватили одну из главных вершин в районе перевала Кизгич. Две попытки отбить вершину кончились неудачей. Тогда операцию поручили двенадцати спортсменам-альпинистам из 810-го горнострелкового полка. Отправляясь на задание, бойцы дали клятву: если кто-то сорвется со скалы — он должен молчать, чтобы криком не выдать товарищей. Вершина была взята.

Через сорок с лишним лет у легендарной Скалы молчания побывали туристы из Авдеевки Донецкой области. Они сняли фильм о героях-альпинистах.

Юные туристы, которыми руководит Юлий Болеславович Войнарович, сняли уже более трех десятков фильмов о своей поисковой работе, о дружбе с участниками боев за перевалы Кавказа.

* * *

Музей школы № 4 города Севана организован в 1979 году. За годы своего существования он приобрел этнографический профиль. Здесь свыше 270 экспонатов, рассказывающих о древней истории народа Армении: тарелки и старинные армянские карасы, ковры, хачкары, монеты, книги. Ребятам интересно узнать историю каждого экспоната, но, к сожалению, ученые школьный музей не жалуют. Лишь один раз побывали археологи из Еревана...

* * *

Учащиеся из города Ардатова Мордовской АССР собирают материалы о том, какой вклад в дело просвещения мордовского народа внес Илья Николаевич Ульянов, выдающийся педагог и просветитель, отец В. И. Ленина. А юных следопытов из Дома пионеров города Буинска Татарской АССР интересует работа И. Н. Ульянова в Татарии. Они собрали интересные сведения об открытых при участии Ильи Николаевича школах в бывшей Симбирской губернии.

* * *

В музее ордена Ленина средней школы № 1 города Ульяновска прошла выставка рисунков народного художника СССР Ореста Георгиевича Верейского. Она называлась «Детские и школьные годы Владимира Ульянова». Работы художника представил на временное экспонирование Центральный музей В. И. Ленина.

* * *

Одна из новых улиц Ярославля получила имя известного геохимика, члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Александровича Саукова. Школа № 52 стоит на этой улице. Ее ученики увлеклись поиском, связанным с жизнью и деятельностью известного ученого. Традиционными стали походы на родину ученого в деревню Чурилово Некоузского района, где сохранился домик, в котором он родился и рос. Ярославцы подружились с ребятами из восьмилетней Веретейской школы, где учился будущий академик. В прошлом году впервые проведен праздник улицы Саукова. На него приехали жена и младшая сестра ученого. Они рассказали о недолгой, но яркой жизни ученого. Приезжали ребята из Веретейской школы. Участники праздника улицы побывали в школьном музее, где собраны материалы о Саукове. Встречи на улице Саукова теперь будут ежегодными.

ИМЕНЕМ ВETERАНА-СЛЕДОПЫТА...

...Рудольфа Яковлевича Евилевича назван пионерский отряд Джиликульской средней школы № 1 Таджикской ССР.

В годы Великой Отечественной войны 20-летний лейтенант-сапер лишился зрения и почти полностью слуха. Но остался в строю: организовал в Куйбышеве один из первых в стране клуб красных следопытов «Десант». Следопыты-куйбышевцы дружат с джиликульскими следопытами из отряда «Дружба». Их связывают не только письма. У дружбы глубокие корни. Рабочие с берегов Волги помогли становлению Советской власти в Таджикистане. Посланцы нашей республики участвовали в Сталинградской битве.

В музее Джиликульской школы хранятся книги Евилевича «Наступление не отменяется», «Подвигу солдата поклонись!», «Доблести вечный след» и другие. Не только хранятся — помогают работать нашим ребятам, другим отрядам следопытов, школьным музеям.

К. БАЙМАНОВ,
руководитель отряда
красных следопытов
«Дружба»

ХРАНИТЬ ВЕЧНО!

В редакцию поступает много воспоминаний участников гражданской войны, Великой Отечественной, исследования краеведов, записки руководителей следопытского движения. Мы не в состоянии опубликовать каждую рукопись, но бережно сохраняем их в редакционном архиве, в «Золотом фонде». И намерены регулярно давать информацию для красных следопытов о содержании «Золотого фонда». Те, кого эта информация заинтересует, могут поработать в нашем архиве.

Итак, «Золотой фонд» — что в нем хранится:

С. Г. ШАТРОВ ИЗ ГОРОДА МИАСС ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: воспоминания о боях на Карельском фронте, о подвиге сапера-разведчика 1065-го полка Александра Острякова, о его боевых товарищах Иване Гребинном, Викторе Хватове, Иване Петренко, Викторе Макарове и других. О командире полка А. А. Мерешко.

А. А. РЯБОШАПКА, КРАЕВЕД ИЗ ГОРОДА ЗНАМЕНКА КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: рассказ о воинах-уральцах, погибших на кировоградской земле и захороненных в 24-х братских могилах. Данные о воинах, отдавших жизни за освобождение села Диковка, среди которых 9 урженцев Свердловской области, 8 — Оренбургской, 5 — Курганской, 3 — Челябинской.

Д. Т. ДОЛГОПОЛОВ ИЗ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: рассказ о Василии Александровиче Поспелове, первом председателе волостного исполкома Гаринского Совета (ныне — Гаринский район Свердловской области). О службе в армии с 1911 года, о вынужденном конвоировании политзаключенных царской России, среди которых оказался И. В. Сталин. Об участии в первой мировой войне в составе 411-го Сумского пехотного полка, в становлении Советской власти в Гарях. Об участии в партизанском движении в Сибири в составе отряда Зверева в 1919 году. Об участии в освобождении Иркутска от колчаковцев и аресте Колчака. Есть данные о родственниках Василия Александровича.

Три рассказа

НАТЮРМОРТ С РЫСЬЮ

Знобящего азарта убить, именуемого деликатно «охотничьим», не испытывал я даже в детстве, когда дружки мои деревенские, «пираты конопатые», палили из самодельных поджигов одинаково страстно как по ржавым консервным банкам, так и по вспугнутым с теплых яиц пичугам.

Зато я мог и поныне могу, правда, теперь не так уж терпеливо, часами караулить с фотоаппаратом где-нибудь возле заросшей озерной куры лесное зверье. Изредка мне везло. На тех моих первых снимках можно разглядеть ежика. Однажды снял седую respectableную ворону.

Однако мелкие, пусть и честно заработанные удачи не могли затмить мечту, ради которой перво-наперво и рвался я на лето к бабушке Зине — в деревушку углежогов Сак-Елгу, что, как форпост первопроходцев, одиноко курилась дымами на фоне синевато-угрюмых Таганайских хребтов.

Рысь. Рысь не давала мне покоя! Медведя в тогдашние тринадцать лет мне просто хотелось повстречать, так сказать, испытать свой характер (но не ближе, чем за километр, и чтоб был я на гоночном велосипеде). А вот рысь — именно сфотографировать!

О желании заснять зверя я ни разу никому не обмолвился, даже отцу. Он задал бы жесткий вопрос: «Почему непременно рысь?» — и потребовал бы убедительный, как доказательство теоремы, ответ. А я и до сих пор затрудняюсь однозначно отвечать на вопросы, касающиеся самого себя. Отчего, скажем, чахлый заболоченный ельник будоражит душу, тогда как березовый лес составляет совершенно равнодушным?

Молодой инженер из Челябинска Виктор Петров предложил нам эти рассказы еще в 1984 году. Однако они не были опубликованы в ту пору по независящим от редакции причинам. Сегодня мы публикуем их в том виде, в каком они были подготовлены к печати.

В прозе В. Петров работает недавно. Он известен читателям как мастер фотографии, печатался в центральных изданиях, был лауреатом международных фотовыставок.

Как передко оно и бывает, повзрослев, я охладел к былой мечте...

«С фотоаппаратом за ней по следу? Наивно да и небезопасно... Рысьюга осторожней, пожалуй, и волка, а ведь серый чует запах гаря из ружейных стволов аж за три километра...» — изредка с ленцой вспоминал я, наблюдая, как сынок Миша яростно бутузит уродливое чучело-игрушку, выдаваемое в магазине «Детский мир» за рысь.

Однако после знакомства с егерем Александром Михайловичем Рожковым неутоленная детская мечта снова напомнила о себе. Грех таить сейчас, добавилась к мечте, бескорыстной когда-то, сладостная мысль: ай обомлеют, ай позавидуют моим трофеям приятели-фотографы! Глядишь, на эффектные снимки и журналчик какой-нибудь «клянет»...

Мы уговорились с Рожковым: едва с раздольного востока через вершины Урал-Тау перевалит настоящая метельная зима и снега в тайге на горных склонах скопится достаточно, чтобы затаить в нем громоздкие капканы, егерь из ближайшего поселка Зуваткуль отпишет мне письмо.

Сам он живет в километрах четырех от Зуваткуля среди исполинского лиственничного леса. По случайности или жалости чьей (потребовавшей, видимо, немало мужества!) уцелел в беспощадные военные рубки остров — гектаров на десять, не более, — трехсотлетнего лиственничного бора. А еще раньше, оказывается, его щадил даже самые ярые истребители южноуральской тайги — углежогои, поставлявшие древесный уголь старинным металлургическим домнам горнозаводского края.

Если лайка егеря не залает, чуя прищельца, можно пройти по квартальной просеке совсем близко и за сливающимися в сплошную стену стволами не заметить поляны с кордоном в центре. Наверное, с вершины лиственницы дом подслеповатых бельчатом видится усохшим замшелым грибом. Самую толстую, поверну обугленную молнией, лиственницу опоясали скамеечки из еловых жердин. В стволе дерева сделан глубокий надпил, и ствол стесан так, что получился удобный полукруглый столик, за которым Александр Михайлович любит летом угощать гостей чаем из зверобоя и кипрея, зимой же вываливает остатки нищи для птиц.

После теплой затяжной метели оплывает ведущая к дому лыжня. Под свежей снежной толщей гаснут привычные запахи старых следов. Тогда лайка Топаз спешит оставить на слепящей глаз целине лимонно-желтые щели. Всякий раз недоуменно взвизгивает, если с облюбованного куста вдруг сорвется на нос ком тяжелого сырого снега.

В такие вот счастливые предвечерние минуты мне кажется, будто конура Топаза не возле стайки, где вместо коровы зимует мотоцикл егеря, а

в дупле высящейся подле самого крыльца лиственницы. Будто и мать Топаза родилась в этом дупле, и сам Топаз появился на свет в том же дупле и потому на правах хозяина встречает каждого, кто переступает порог дома Александра Михайловича.

Меня Топаз не признал: угрожающе скалил клыки, пока Рожков сам не вышел на крыльцо.

— А-а... примчался... Ну, думаю, балаболка к вечеру не явится — скормлю его порцию пельменей синицам, уеду вместе с жинкой к дочке в Сатку. Сижку как на иголках: и тебя нет, и лесовозы последние вот-вот пойдут на Сатку.

Егерь вымыл испачканные мукой руки, вытер их не как сподручнее хлопотушим на кухне хозяйкам — передником, а вынул из шифоньера белоснежное полотенце и лишь затем с достоинством протянул руку.

— В письме какой уговор? Позавчера быть! Этак дружба наша наперекосяк пойдет...

— Семья, семья, Михайлович, — скороговоркой отшутился я, не в силах скрыть радостное волнение: целых два дня предстоит мне прожить с этим насмешливым умницей, не признающим побасенок в оправдание несдержанному слову.

Пока в поселке Зуваткуль существовала школа-восьмилетка, Александр Михайлович занимался любимым делом: учил детей рисованию и географии. Потом, как он выражается, «ваньку с тоски валял»: работал то заведующим клубом, то киномехаником, то бухгалтером в леспромхозе и, наконец, очутился на должности егеря. Выбор учителя озадачил жителей Зуваткуля: предыдущего егеря браконьеры застрелили в упор. Нужно слышать, какая по осени беспощадная стрельба громыхает в здешних хребтах. Хоть сорока, хоть лосенок — ату его! — раскальвай ему череп!

Мое возбуждение Рожков истолковал по своему.

— Про рысь сейчас не трепыхайся — завтра! Сейчас мы с тобой пельмешками ублажимся, а после сюрприз у меня есть для тебя...

Что за сюрприз, я догадывался. Новые рисунки... Не мне, конечно, судить о степени талантливости, но рисует Александр Михайлович с упоением и очень много. Ребячью восторженность егеря перед каждодневным морозным узором на стекле, виданном-перевиданном тыщу раз, поначалу считал даже за фальшь...

Не скрою, мне льстит, что и к моим снимкам обычного любительского уровня он относится благоговейно, как к законченному авторскому произведению. Непременно требует к снимку название и дату, и роспись поразмашистей. Ни рисунки, ни тем более подаренные ему фотоснимки он не развесит на стене до тех пор, пока не выстрогает для них ладненькие рамки из красного лиственничного комля.

Помню, при нашем знакомстве поразили меня пять мальчишеских лиц в этих самых ладненьких

лиственничных рамках. Все пятеро братьев Александра Михайловича погибли на фронте, и рисовал он их не с фотографии, а по памяти.

Действительно, едва мы отобедали, как в руках у егеря оказалась папка с рисунками. Видимо, желая подогреть мое любопытство, словно нехотя показал сначала один — мужской портрет. Из обычных лицо: густые брови, подбородок массивный. Но Михайлович рассказывал о натурщике так упоенно, что я невольно усомнился в своем чутье на интересные лица.

— На Дегтярке повстречались — экскаваторщик с бакальского рудника, глухарик щупал. Молчун. Кряжистый. Физиономия сильная. Никаких ваших специальных бород! Пооблизывался я вокруг него пару минут и ребром ему вопрос. Или ты, сукин сын, позируешь мне час не колыхнувшись, или топай отсюда — охотиться в бору не разрешу!

— Так, так... И чем кончилось? — поддержал я, ждущего ответного интереса, егеря.

— Тем и кончилось. Он для меня утро попотел, а после друг над дружкой хохотали: дегтяркинское токовище-то местные давно вылушили!

Более удачными, по-настоящему самобытными показались мне рисунки зверей. Удивляли и подпisi к рисункам.

«Натюрморт с лосем». Вырисованная до объемной достоверности кастрюля с цветком алоэ на подоконнике. Облупленная оконная рама, стекло с потеками дождя и там, за стеклом, — мираж лося! Удивительная тоска!

Я ревниво вглядывался в рисунки, пытаюсь понять, в чем прелесть каждого.

Почему-то рыси не оказалось ни на одном листе.

— Животин рисую только вольных. На воле рысь лоб в лоб не встречал, — сухо ответил на мой вопрос егерь. — Рисовать, как она в капкане мечется, жидковата радость.

Мне послышался явный упрек в словах егеря.

— Так ты что, Михайлович, осуждаешь меня? — прямо спросил я.

— Прибыль мне какая судить тебя? У вас, нынешних, все равно в ушах сквозняк... Словчишь ведь ты! Чикнешь ее, будто и не в капкане она вовсе. Вроде как смельчак какой — на воле подстерег...

Забавные речи обескуражили меня. Стоило ли ему соглашаться, писать письмо, если сама затея съемки неприятна? Интересно, конечно, снять рысь на воле, но ей-ей глупо зависеть от редчайшего случая. И потом для сносного снимка секундной встречи мало. Нужно хотя бы точку съемки выбрать, выждать свет. Капканы? Он и без моих съемок их ставит...

— Михайлович, а напросись я к тебе ради охоты, и пристрелили бы рысь в капкане — лучше разве?

— Ты носом не води! Я и сам умею! — вспыллил вдруг Рожков. — То охота, а то — иску-у-уство...

Не найдя точных слов для хрупкой мысли, он словно выдохнул в слово «иску-у-уство» всю силу убеждения. Я же, решив блеснуть книжной эрудицией, как бы в отместку за упрек в непорядочности, изрек иронично:

— Художник Сезанн родную мать рисовал в момент смерти! Хотел поймать в красках, как лицо у нее остывает...

Егерь даже со стула вскочил.

— Вот подлец, а? Магушка умирает — и рисовать? Люди, люди все творят... Зверь на подлость не способен, — растерянно прошептал он.

— А возьми поэтов! — с индюшиным самодовольством продолжал я. — Целомудреннейшие, между прочим, пишут строчки... Можно сказать, целую страну учат нравственности! Но ведь смех чистый требовать, чтобы поэты и в быту точь-в-точь соответствовали своим строкам. Живые люди, куда тут денешься...

Обычно спорщик пластичный, не твердолюбо стоящий на своем, а жадно-внимательный к аргументам собеседника, Михайлович на сей раз был неузнаваем. Логика егеря казалась мне прямолинейнее, чем стволы окружающих его дом лиственниц:

— Фотографам и кинооператорам съемку скрытой камерой запретить! Бросил поэт жену с грудным младенцем — гнать его из редакций взащей! Художник равнодушно проходит мимо пацанвы, малюющей на заборе скверные слова, — лишать его звания художника!..

Утром, однако, отчужденности между нами как не бывало.

— Эй, засоня, пушки твои не откажут на морозе? — насмешливо гаркнул из кухни егерь, в темноте охлопывая снег с принесенных дров.

— С инеем мороз? — осторожно поинтересовался я. По суеверности и в мыслях не допускал я две роскоши сразу. Мало — сама рысь, еще и лес хрустально-белый!

— Глянь, выйди. Иней в городе у вас. У меня — куржак с ладонь.

Я мигом оделся и, прихватив оба «Киева», вышел на улицу.

Разбеливая черноту леса, утягивались заиндевелые колонны лиственниц в небо, пока еще фиолетовое, звездное, с выстуженным ломтиком луны в орнаменте ветвей. Остро пахло морозом. Ушей коснулось усиленное стылым воздухом эхо прогромыхавшего по автостраде первого лесовоза. Я легко представил себе дневное величие леса, когда самыми темными красками окажутся воздушно-голубоватые тени на снегу. «Возьму свое сегодня, — подумал я, — лишь бы затворы, миленькие, не подвели!» Желая еще раз убедиться в их надежности, я оставил «Киевы» висеть на ручке двери.

Завтракали вчерашними пельменями. Конечно же, охота — ремесло егеря, и зачем волноваться человеку перед привычным делом. Но все равно мне хотелось видеть Рожкова сейчас не таким будничным. Хоть бы посуровел как-то, что ли... Сам я хрустящие, с золотистой корочкой пельмени жевал без аппетита...

— Теперь и про рысь можно потолковать, — добродушно начал Александр Михайлович. — День сегодняшний так живем. Один капкан у меня по склону Мускаля — первым навестим. От него к Дегтярке. На Дегтярке два рядышком. Последний недалеко здесь, в овражке.

— Михайлович, нам бы до тех трех часов уложиться. После трех свет не съемочный.

— Ого, сказанул! Я-то на своих досках ходок. А ты?

Пришлось показать свои узенькие беговые лыжи.

— Соломинки. В избе оставляй, на лучину пуцу, — обидно пошутил егерь. Вынес из сеней валенки и широкие короткие лыжи с сырмятными креплениями, подбитые незнакомым мне мехом...

С непривычки к чужим лыжам я быстро устал, взмок и уже не ощущал мороза. Сталагмитовый лес с бело-хрупкими, позванивающими от мороза ветвями вызывал досаду: приличный кадр на ходу не сделать. Даже снимая для трестовской многотиражки портрет знатного бетонщика, целый час вымучиваешь из него обязательную улыбку «передовика», а тут для себя снимок. Для души...

Порой я всерьез задумываюсь, что скажет о моей честности фотографа сын Миша, когда вырастет и заинтересуется подлакированными снимками в подшивке хранимых мною газет. Ведь по ним составляется летопись треста!

Верно, улыбчив и обаятелен бригадир бетонщиков Вахтанг Тебридзе, но только это полуправда, ибо остальная часть правды в том, что, когда я приехал снимать Тебридзе, он был на редкость зол. Мел снег, в сырой снежной каше буксовали даже троллейбусы, а его бригаду перебросили в помощь дорожникам доделывать автостраду, ведущую к новому аэропорту, — укладывать бетонную подготовку прямо на слякотный снег... Близились красная дата календаря...

Конечно, легко напустить сыну тумана о правде фотоскусства, якобы не всегда совпадающей со столь сложной правдой жизни, а еще слаще впасть в амбицию: дескать, за какие снимки платили, те и делал, и денежки на тебя тратил, роденький!

Но если даже родному сыну говорить одно, а думать другое, тогда...

Занятый мыслями о будущем сына, я не сразу распознал в сизо-стальной еловой гриве на нестерпимо ярком голубом фоне начало хребта Мускаль. Еще минут десять ходьбы — и мы цели-

ком увидели взметнувшийся над тайгой оспеженный гребень.

На хребте отдельно искрилась каждая посахаренная инеем елочка, отдельным кораллом просматривался каждый валун в россыпях курумников. Поразительное отличие от того невысокого темнохвойного увала, каким увиделся Мускаль мне летом.

На склонах хребта снег стал особенно глубок, и мне, тропившему лыжню, пришлось теперь плестись вслед за Михайловичем. Завидя в прогале меж елями обширную поляну, я было свернул вправо — скорехонько обогнуть ее и снова оказаться впереди егеря, но тут Топаз глухо зарычал и, утопая в снегу, прыжками понесся к пню на поляне, искрящемуся гигантским снежным грибом.

Как потом рассказал егерь, слабинка рыси — любопытство. И коль лес глухой, нетронутый, с бесконечными одинаковыми елями, рысь обязательно исследует нарушающие однообразие пень, буреломину или стог сена.

Топаз крутился вокруг пня, но близко к нему не подскакивал.

— Горяч-горяч, а в капкан нос не сунет, — с теплым чувством сказал егерь, понимая, очевидно, что любой привычный ему пустяк сейчас интересует меня.

Он осторожно разгреб топором снег возле пня и указал лезвием на светлый полированный коготь, стиснутый железными губами капкана.

— Снегу лишка подвалило. Лапа не провалилась как следует, он ее и щекотнул за коготь... Видать сам не видывал, а читал: бывает и лапу отгрызает...

Меня охватил не то чтобы страх встречи со зверем, но жутковатое предчувствие. Ждать с раздробленной лапой пока «избавитель» однажды под вечер не приставит ствол ко лбу, — все четыре перегрызешь...

Егерь неожиданно зло прикрикнул на возбужденного Топаза. Скуля от незаслуженной обиды, кобель выбрался на лыжню за моей спиной, и до самой Дегтярки меня сопровождало его горячее дыхание. Причем стоило ускорить шаг, дабы настичь Михайловича, как Топаз начинал предупредительно рычать.

В детстве ко мне лънули все собаки, а сейчас самая худосочная псинка норовит ухватить за штанину, на худой конец — обляять...

Дегтярка оказалась бывшей деревушкой. Собственно, следовало догадаться еще раньше — по названию: жители когда-то занимались перегонкой дегтя.

Меня всегда трогает верность уральцев старинным названиям (в иных местах не жил и судить не могу). Скажем, исконо века гряда мрачных скал по-над речкою звалась у местных жителей «Жандармы», и решено эти самые скалы на щепень извести. Тотчас какой-нибудь скоро-

спелый начальнишко окрестит карьер трескучим названием вроде «Солнечный» или «Ударный». Такой, если потребуют от него, и собственную фамилию, доставшуюся от предка, гонявшего Наполеона, изменит на более благозвучную. А шагая в сторону карьера, «проголосуешь» водителю самосвала: «Товарищ, подкйнь малость, надоело пешком». Он в ответ: «Я до Жандармов. «Беломором» не богат?..»

Вдоль угадываемого под сугробами русла ручья серебрилось несколько срубов без окон, без крыш. На одном даже торчали уцелевшие стропила. Вот, должно быть, счастье на всю жизнь — подглядеть, как гибкие кошки прыгают по этим сказочным развалинам!

Однако Топаз bestолоково вертелся вокруг нас и поглядывал на хозяина.

— Порожняк, — с растяжкой сказал егерь, не то досадуя, не то радуясь пустым капканам. Экзотические развалины разом обесценились в моих глазах. Мало их, немощных деревенек-пенсioneрок, догнивает по всему Уралу! Нашел сказку...

Назад, к кордону, возвращались без спешки, с частыми остановками. Александр Михайлович разговорился, да что там, мне казалось — разболтался. Было теперь время и поснимать на цветные слайды сверкающий коралловый лес, но даже сама мысль о съемке раздражала меня.

К полудню мы пересекли старую утреннюю лыжню.

— Замерз? Может, сначала до избы проскочим — пропустим по маленькой? Согреешься, потом и проверим последний? — участливо спросил егерь.

— Как хочешь, Михайлович, мне все равно.

— Все равно, говоришь? — он постоял, раздумывая, резко свернул с лыжни.

«Обиделся», — равнодушно подумал я.

Вырвавшийся далеко вперед кобель огласил лес безудержным злобным лаем. Егерь сдернул с плеча ружье и, держа в правой руке стволом вверх, забалансировал им, спускаясь по крутому склону оврага. Отчетливо стало слышно шуршание потекшего вдоль склона снега. Я буквально впился глазами в спину егеря, пытаюсь по напрыгнувшей его фигуре предугадать, что сейчас произойдет.

На дне оврага, среди валунов, в вырытой в снегу яме лежала рысь. Лежала недвижно, как околевшая, уже присыпанная снегом дворняжка. Бросился в глаза нарост красного льда на перебитой капканом задней лапе. Сквозь палевый мех выпирала решетка ребер.

Егерь выстрелил в воздух. Рысь шевельнула кисточками ушей, с сонной ленцой зевнула и снова закрыла глаза. Я поразился: какие у нее на верхней челюсти между клыков сахарные младенческие зубки! Точь-в-точь такие в семь месяцев резались у моего Мишутки, помню, у жены слезы от боли выступали на глазах, если ему не хва-

тало молока и он требовательно причмокивал грудь.

— Зубы у нее, — прошептал я, — видел зубы у нее?

Егерь недоуменно, беспомощно как-то взглянул на меня.

— По тому, первому снежку попалась... Я ж не верил, что попадется... По первачу они сто-рожки...

Уже потом в автобусе, возвращаясь в город, я ломал голову — сколько дней она голодала и как, должно быть, все эти дни металась в капкане, дабы не заоченеть...

— Яму рыла недавно — смерть почуяла... Зверь умирать как попало не станет, — глухим сдавленным голосом сказал егерь.

Зная, что он сейчас сделает, я встал с валуна и, передвигая онемелые ноги, побрел назад по лыжне. Но чувство жгучего стыда порой вынуждает меня совершать абсолютно чуждые моей натуре поступки, для незнающего меня — внешне решительные. Возможно, это эгоизм, жаждущий самооправдания, или что-то другое, во всяком случае не сила характера. Я вернулся и взял у Михайловича ружье.

— Да не в лопатку, шкуру испортишь, — спокойно уже, деловито подправлял меня егерь. Я уткнул ружье в размытое палевое пятно и нажал сразу оба курка. Прикладом меня сбilo с ног. Барахтаясь в снегу, я пытался опереться лыжей о что-нибудь и встать. Встал наконец. Неотрывно глядя на рысь, потянулся к шапке, но Михайлович тихо похлопал меня по руке. Мол, не дури, простудишься.

хаил приносил в класс каждый день, однако сри-совать приемы позволял не каждому.

На автовокзале Мишу ожидала досадная весть. Оказывается, автобусы от города Златоуста до деревни Веселухи не ходили: неслыханно буйный для мелководного Ая паводок распатал бревенчатый настил старинного моста. Но не для того Михаил целый месяц готовился к путешествию, чтобы из-за ничтожных двадцати километров отказаться от цели — пешком так пешком!

Шагая по дороге, мальчик сочувствовал пластам последнего снега в придорожных ельниках, ведь солнце, под стать июльскому, в полдень испаряло пот и с его лица. Всякий зеленоватый камень в крупномолотой щебенке, устилающей дорогу, Миша принимал за малахит, отчего рюкзак его тяжелел и тяжелел, а косяки гальянов, снующих поверх белого брюха льдины, что затонула подле опоры моста, он счел за легендарных хариусов.

Дряхлый мост, равнодушный в отличие от Миши к суете сорной рыбешки, еще помнил и всплески настоящих килограммовых хариусов, охочих до кузнечиков, падаемых в воду с подвод, груженных сеном; помнил мост и ребристые шины «студебеккеров», когда обезлюдевшая за войну деревенька с похмельно-горьким названием Веселуха внезапно расцвела, как солдатская вдова после мужской ласки. Сотни расквартированных по деревне вчерашних фронтовиков рубили для разрушенных донбасских шахт необхватную горную сосну, острова которой еще и сегодня можно встретить на склонах Уреньги и Урал-Тау. Мылом разжилась деревенька, спички жгли не считая!

Жизни без мыла и спичек Миша не представлял, трудно в детстве переводить строчки учебника истории на язык реальной жизни, да и скучны для легкокрылого воображения копеечные пустяки, если вокруг тебя настоящая тайга...

Слева от дороги холмились увалы Урал-Тау. Спело-набухшая почка на березах окрашивала увалы нежнейшей лиловой дымкой, кое-где по каменистым куртинам еще белели лежки усталого снега, но отчего сердце путешественника совсем уж обмирало, — Урал-Тау не просто тянулся с севера на юг, а рассекал континент на Азию и Европу!

Справа мальчика сопровождала поднебесная цепь Уреньги. На дальних вырубках по склонам лесорубы сжигали сучья, молочно-белый от свежей хвой дым широким веером расплзался до самой дороги — будоражил Мишу ароматом охотничьего костра.

С каждым поворотом дороги взору мальчика распахивались новые и новые дали. Забыв, как регулярно срывал петушиным криком занудливые уроки пения, Миша громко запел песню, которую, окажись рядом с ним, подхватил бы,

ПЕСНЯ ДЛЯ ДЕДА

Миша Ветров ехал на электричке в тайгу за двести километров от родного Челябинска записать на магнитофон для слепого дедушки, как токуют глухари...

Ожидаемые мальчиком контролеры так до самого Златоуста и не появились. Миша сокрушено ругал себя за взятый билет: денег на поездку он ухитрился скопить от школьных завтраков, а портативный магнитофон одолжил ему одноклассник, потребовав взамен брошюру с приемами популярной японской борьбы. Эту книжонку Ми-

наверное, каждый из нерадивых певцов-одноклассников, — «Широка страна моя родная...»

На привале мальчика догнала подвода, груженная мешками с хлебом и ящиками, деликатно прикрытыми брезентом.

— Хошь, присаживайся, — предложил парень-возница в шляпе с ковбойски лихо загнутыми полями. На груди ковбоя поверх мятой рубахи красовалась на леске настоящая оржавелая подкова. Очевидно, весил медальон немало — возница то и дело поводил длинной шеей с пучком волосков на кадыке, как у неудачно ошпианного гусака.

— Чево раззявился? — перехватил он недоуменный взгляд мальчика. — Иль токо городским хипповать можно?.. В горку — пехом... Чихат Спутник в горку, бензин не тот!

— Корми лучше, — буркнула седая, худенькая, как подросток, женщина в кургузом мужском пиджачишке.

— Ух, шило в масло — корми! Кризис энергетической по свету, а ей — корми? Из своего кармана? Мож из твоево? Скудная ты баба, Дарья, без фантазий...

— Заткнись, трепло. Думаешь, не знаю, кому сенцо сплавил? В Веселуху, малец? — обратилась продавщица Дарья к мальчику.

— Ага, я в Веселуху, я из Челябинска. Я уже четыре часа иду. Пешком! Один! Представляете? Тайга мне нравится, просто прелесть! — выпалил Миша на одном дыхании.

Он удивился (откроет секрет — даже огорчился чуть-чуть): ни женщина, ни забавный ковбой не оценили его решительного поступка.

— Где она тебе приснилась — тайга? Околышки одни остались... Не дорубят никак окаянную... — ожесточенно сказала женщина. — Приснилось в Веселуху-то?

— Дело у меня, — сухо ответил мальчик. — Проводник требуется до глухариного тока. Хочу записать на магнитофон, как токуют...

Про дедушку Миша не добавил. Не по-мужски добиваться участия к себе за счет жалости к слепому деду.

— А никто тебя не доведет до токовища, — лениво отозвался возница. — Из маломощных мы, пенсионеры голимые... Избы свои уже начали продавать вам, городским, на дачи...

Миша не понял, почему такой вроде бы и добродушный ковбой вдруг с желчью подчеркнул его городское происхождение.

— К Жиганову если токо... Тот у нас скиталец по лесам... Дарья, а тебя, случаем, он не важивал под березку?

— Чего мелешь! Со всяким дерьмом я еще не гуляла! — с кокетством, столь неприятным в людях ее возраста, подзадрила Дарья парня и, воровато стрельнув взглядом на пунцовое лицо мальчика, затянула скабрзную частушку...

Жиганов оказался высоким носатым стариком

со вспухшими венами на неестественно огромных кистях рук. Крепкую кость черепа обтягивает кожа оливкового цвета, блестящая, словно на-масленная.

«Вовсе он и не дерьмо...» — подумал Миша, сопротивляясь заочной антипатии к старику, что невольно зародилась со слов хмельной парочки. Миша всегда терялся, если кто-то из взрослых за глаза охаивал человека: не верить словам взрослых он пока не смел, но ведь нечестно думать о человеке плохо, будучи даже незнакомым с ним.

Дальше порога старик их не пустил.

— Здоровеньки, Прохор, дело есть на сто тысяч! — развязно бросил возница старику, прижав шляпу к сердцу и чванно поклонясь. Миша смутился, робко пригнулся к косяку ворот.

— Ты, Спица, вроде мухи навозной, сначала по помойкам налижешься, потом к людям липнешь! — осадил лихача старик.

— Гони пьянь взашей! — раздался из стайки женский голос.

— Вам ли, баба Женя, пардон, кудахтать на меня? Если я улы вам на пасеку не выведу — завькобенываюсь! — тыщами убытки понесете! Съела? Кто из шоферов согласен? Сотню предлагай, а отплюнутся...

— Свои считай! — огрызнулась вышедшая из стайки грузная старуха с вилами в руках. Однако, как отметил Миша, пылу волю не дала — застыла в ожидании, опершись на вилы.

Мальчик и обрадовался, что кривляка Спицын получил «щелчок по носу», а в самом тайничке души и испугался — вдруг прогонят, где тогда искать проводника?

— Сыны много напобогались? Внучат в каком году в последний раз видели? — уже нахраписто перешел Спицын в атаку.

— Не маши крыльями, дело клади, — миролюбиво ответил старик, явно не желая касаться темы о сынах.

— Миньке помочь треба! — кивнул Спицын на покрасневшего мальчика. — Позарез ему глухарей записать на магнитофон. Учти, сегодня в ночь, завтра ему домой. С меня взамен — что хошь!

— Можно, — неожиданно торопливо согласился старик. — Только, чур, сегодня договаривайся с кем-нибудь из шоферни и завтра рамы для теплицы привезешь мне с юракской кузницы. Уголок в Юраке доставал, там и варил... Проводу бы еще доброго, метров пятьдесят... Ай, что вашей породе толковать, пуговицы на ширинке и те, видно, пропили... — обреченно махнул рукой старик на пьяного.

— А хошь и сейчас? Привезу! — с хвастливой удалью выкрикнул Спицын.

— Сейчас надобности нет. Завтра чтоб рамы были...

Условие, которое жестко поставил старик Спи-

цину, неприятно кольнуло самолюбие мальчика. Сердце Миши успело прочувствовать всю глубину неприязни старика к Спицыну, стало быть, рассуждал умудренный двенадцатилетним опытом жизни Миша, непременно стоило с гордостью отказаться от его услуг.

Та же гордость не позволяла мальчику попросить старика вышагивать помедленней. Обутый в болотные сапоги старик уверенно шел прямо по потоку талой воды, бушующему вдоль просеки, мощенной кварцитовым бутом, в то время как Мише приходилось терять силу в прыжках с камня на камень.

Чуткому к каждой гусенице и муравью Мише было непостижимо, как можно молчать в такие минуты — не подбодрить забавной историей, не подать руку!

Неожиданная тоска по матери вытеснила из души мальчика восторг, накопленный за день. А старик-молчун все шагал, шагал куда-то, забыв о малосильном спутнике и лишь изредка обращившись, ожидая, пока тот покажется из-за поворота.

В лесу порядком стемнело, когда Жиганов вывел мальчика на поляну хотя и влажную, но без стоячей талой воды. Только теперь Миша догадался, почему столь беспощадеи был старик в своей спешке — в темноте бы этого удобного для почевки места не сыскать.

Все пространство поляны сыро дымилось, дышало зимним холодом. Зримо догнивали вытаявшие из снега валежины, испуская терпкий земляной запах. словно лунный кратер, поляну окаймляли скалистые гребни, густо заросшие сосновым подлеском. На самом высоком гребне заманчиво чернела какая-то вышка, но у продрогшего мальчика едва хватило сил стянуть кеды с бесчувственных ног.

Жуткий, как колодец изнутри, сумрак леса взбудоражил фантазию Миши. Он не умел отличать мох от лишайника, но что-то пепельно-зеленое, клочковатое обильными лохмами свисало со скал, подсвеченных костром. Вон та залитая водой квадратная яма — наверняка шурф безымянных золотоискателей. Тень на скале от сосенки с широкой юбочкой ветвей дрожит — вот-вот перерисуется в силуэт знакомой девочки...

Щедрость собственного воображения порой угнетала Мишу. Однажды во сне эта самая девочка поцеловала его... На следующий день мальчик не мог поднять глаз на мать. Ни с того ни с сего вдруг принялся убеждать, как крепко любит он ее и ни за что не бросит, когда станет взрослым.

Спасаясь от нахлынувшей тоски по дому, Миша принялся помогать старику стелить по-

стель из лапника. Мать мальчика никогда не покупала к Новому году настоящую елку и сыну внушала — варварский обычай! Обходились разборной пластмассовой. Сейчас же пораженный Миша с чувством, близком к ужасу, вслушивался, как посапывающий от азарта Жиганов хрюкает топором, обрывая одну за другой юные лесные жизни.

Напряженное молчание мальчика, видимо, озаботило старика.

— Минька, страшок напал?

— Дедушка Проша, неужели каждый-каждый охотник рубит по столько деревьев на ночлег?

— Хе, Минька, на делянну тебя, разучишься жалеть... Чай не купленные рубим... Застудишь почки на земле — кому тогда нужен? Я-то человеческую породу знаю...

— Понимаю я, — покорно согласился мальчик, — жалко только очень...

— Есть как будем? В пай или по углам? — спросил старик. Сощурился с ехидцей. Вытащил из берестяного пестеря газетный сверток.

Мальчик слотнул в пересохшее горло слюну, но ответил с вызовом:

— Я не хочу!

— Оно и видно, святым духом сыт, камней набирал, хе...

— Я хотел в деревне что-нибудь купить, а в магазине такая очередь. Сказали, за вином...

— О, и я про то же! Не люблю голытьбу, — смачно сказал старик, деля содержимое на две равных части. — Жевани яичко-то, не про тебя речь! Раньше — да! Город сосал, с нас за тощую курицу драли. А нонче ли не жить? Соседку спрашиваю: раз я такой-сякой, зачем к такому-сякому за масличком прешься? И начнет нудить: «Разучились, Прохор Фролович, держать скотину. Мы лес валили, а ты охотничал. Обезручили мы. Отламываются рученьки...» Пьянствовать, сплетничать, воровать — не отламываются! Надо же пошло, овечку со двора не выпустить...

Будь Миша постарше, он понял бы, почему проживший жизнь человек начинает иногда запальчиво выговариваться едва знакомому мальчишке, не способному ему помочь ни делом, ни советом...

Старик сдунул с чая хвоинки и пепел, подал кружку мальчику.

— Говоришь, для деда токовище? Обещать не хочу, не стало птицы. Деда как кличут?

— Моего дедушку зовут Проклом, — сдержанно ответил Миша.

— Ну-у-у? Почти как меня. А лет ему?

— В ноябре исполнится шестьдесят девять.

— Ай, врешь! Спица подучил? Я ведь тоже ноябрьский, шестьдесят восемь стукнет. — Старик взялся рубить притащенную мальчиком сухую лесину.

— Девятого ноября? — уже утвердительно спросил он. Так провинциальный зритель в цирке, окончательно покоренный фокусником, ждет очередного чуда.

— Нет, одиннадцатого...

— Вот цэ дела-а-а... Ростом с меня?

— Пожалуй, и лысый тоже, — с гордостью теперь отвечал Миша.

— Здесь у деда никогда не болело? — ткнул старик дрожащим пальцем в голень левой ноги.

— У него осколок, только в правой и выше, в бедре. Он даже прихрамывает в дождливую погоду.

Старик судорожно, словно не чая, что Миша поверит на слово, закатал кальсонину выше колена. Мальчик поехал: от колена до пальцев ногу обезобразивал лоснящийся рубец ожога.

— Корову вывел с пожара... у беженки... Шесть ргов, куда без коровы, в петлю разве? Ай-я-яй, совсем братки мы с ним. А батька кем работает?

— Он не живет с нами, — уклонился от ответа Миша.

— Дед по матери?

— Нет, папкин папа. Его, как совсем ослеп, мама перевезла из деревни к нам в Челябинск.

— Врешь, врешь, — тихо, как заклинание, повторил старик. — Батька вас бросил, и она его отца-слепца приютила? Не поверю! Может, сберкнижка у него?

Мальчик задумался.

— По-моему, у дедушки нет сберкнижки. Мама занимала пятьсот рублей, свозить дедушку в Москву к глазным врачам.

— Пишет батька?

— Мама и дедушка запретили. Плохо помню его...

— Вот цэ дела... И ты, язви тя в душу, утек из дому, только чтоб записать для деда токовище? Что ж, он — охотник?

— Нет, кузнецом работал. Он говорит, чтоб не оглохнуть, обязательно нужно слушать глухарей! Пока жил в деревне, мы с мамой приезжали каждую весну, и он водил нас слушать песню...

— Песней, значит, прикупил вас с матушкой, — протяжно молвил старик, укрывая засыпающего мальчика своей телогрейкой. — Я ведь сынов тоже сызмальства таскал на глухарей. Кадушками мы их солили...

Показалось Мише, будто он и вообще не спал. Когда старик растормошил его, костер светился по-прежнему, лишь золы добавилось; по-прежнему ночь, жутковато, а спросонья еще и очень холодно.

Они обогнули дикий гребешок, на котором снова смутно чернела вчерашняя вышка, и по-

шли сначала сквозь чащобный сосновый молодняк, потом среди редких колоннадных сосен — вверх, и уж небо слабо залимонило за их спинами, а они все вверх, вверх, туда, где на пластинчатых уступах скал вдосталь вытаявшей прошлогодней брусники, а еще мелкая птичья галька, а еще сочная хвоя на сосенках-перволетках.

«А кто вообще знает, отчего и как рождается песня? Оказывается — песня...» — Жиганов матюкнулся, но с остраткой, опасаясь мальчика.

Здравым разумом он сознавал: чужь, конечно, не за птичье бурхтанье приютила невестка свекра-слепца... Тут, как говорится, фарт подвалил мужику на старости лет: невестка — золото, ну и пацаненок, ясно дело, в матку... Коль откровенничать, как на духу, да разве мыслил когда Прохор Жиганов, что родные сыновья перегрызутся между собой и забудут о нем, о родном отце. И плюгавые какие-то выросли, ни один не вымахал в его рост — женина кровь перебила детям стать, сильнее оказалась... Может, и в самом деле сглупил в свое время — не женился на Лизке Анфаловой? Но ведь и у слепца сын хорош, кобелина: уйти от такой жалостливой бабы, пацаненочка предать... Сам, небось, не сиротствовал после войны, стервец... — злорадно рассуждал Жиганов. Сознание того, что отец мальчика — баламут еще похлеще непутовых сынов, успокаивало старика.

После первых вздыбленных складок склон потянулся более полого, местами и совсем переходя в небольшие травянистые плато с редко раскиданными валунами по пять-шесть метров в поперечнике. Вспокоенно на весь лес забила крылом птица, в темноте невидимая, крупная, очевидно. У Прохора Жиганова комок подкатил к горлу: потная горячая мальчишечья ладонь цепко ухватилась за пальцы его правой руки, шекоча ногтями кожу, давно равнодушную к порезам и ожогам...

Вчера вечером, наблюдая, как пошатывается мальчик от усталости, он испытывал жалость к нему и одновременно сладостное удовлетворение — ишь, блажь нашла, глухарь для деда, даром не дается... Взмолись Миша о передышке — ни секунды не колебался бы — попер на загривке пока сил хватало! Но чем дольше проявлял Миша упорство, тем большее раздражение охватывало Жиганова, и он нарочно ускорял шаг, не вдумываясь в причину собственной жестокости, которую, однако, легко разгадает любой житель Веселухи. Вместо внучат-кровинок водит чужого мальчишку — дожил! Старик всхлипнул...

Когда задумываешься, какую жизнь создал себе к сегодняшнему дню, неважно — тридцать тебе или под семьдесят, но как трудно расплести переплетенное — распознать, когда удача действительно отворачивалась от тебя, а где, не лукавь, сам оплошал, оттого и пожинаешь... Но коль

допустить, что удача справедлива и дается в руки лишь достойным ее, то кому, как не Мише, суждено услышать любовную песнь петуха, единственного ныне на току, некогда кипевшем страстями.

Едва путники отдышались на очередном плато — чу! — в тугой колокольной тишине отозвался слабым эхом первый щелчок. Далекая песня звучала робко, с долгими перерывами, не сила страсти клокотала в ней, а как бы вопрос к соплеменникам — тык-тык, кто еще выжил? Тык-тык, тошно одному... Жиганов на полушаге замер, недоуменно этак приложил ладонь раковиной к уху, словно пытаясь с непосильным для старческого естества напряжением понять тех, чье племя всю жизнь солил кадушками...

У Михаила, ослабевшего в суровом ночном походе и мучительном томлении по глухарям, от радости захолонуло сердце. Он огляделся, пытаясь осознать место.

В предутреннем тумане, наползающем на плато с «висячих» горных болот, проступали карликовые елки, гнутые ветрами в одну сторону, за ними зыбкими силуэтами высились узкие, как лезвия, скалы-останцы. Они и породили эхо. Скорей всего петух засел не на земле, а на одной из скал, иначе звук ветшал бы в препятствиях и не давал чистого эха.

Мальчик бесшумно собрал из картонных выкроек раструб наподобие граммофонной трубы, оклеил стыки стенок липкой лентой и укрепил в горловину раструба микрофон. Пальцы хорошо слушались Мишу, ибо разочарование отчасти охладило его пыл, ведь петуха-запевалу не поддерживал целый хор, как слыхивал раньше Миша вместе с дедушкой Проклом.

Держа хрупкое сооружение над головой, словно планер, Миша крался вслед за Жигановым по направлению к останцам...

Туман меж тем напитывался светом утра, но не рассеивался. Мир для зрячего в такие минуты предстает цельными конкретными контурами — как бы самой сутью, очищенной от подробностей и красок.

Пожалуй, за всю жизнь не скрадывал Жиганов птицу с такой страстью, как сейчас. Сорвись затея, не удайся чужому мальчишке записать глухаря, он заплакал бы с горя как ребенок. На пергаментных щеках старика разгорелся румянец, колючим агатовым глазам вернулся горячий юношеский блеск. Или слух обострился до музыкального, или воображение проснулось в Прохоре Жиганове, проишачившем всю жизнь до седьмого пота, но он явственно слышал предсмертную тоску в гулком щелканье последнего петуха... Мальчик открался в сторону, чтобы не засорить будущую запись булькающим дыханием старика.

Так бывает, пень по весне, если его обогреть теплом и вдосталь поливать водой, может пода-

рить людям сочный зеленый побег, прежде чем окончательно превратиться в гнилушку...

Глухарь сидел на вершине скалы, торчащей из крутого склона, которым резко обрывалось плато. Старик показал знаком — ближе нельзя! Они залегли, однако не вытерпели и подползли к самому обрыву. По воздуху до птицы оставалось метров тридцать. Силуэт скалы напоминал конус вулкана и венчался птичьей шеей, задранной в небо. А дальше за скалой — от неба до самого дна лесистого распадка — туманом клубилась бездна. Когда глухарь умолкал, останцы еще гоняли эхо, и он, наверное, считая, что это петухи-забияки отвечают на его вызов, начинал трепыхаться — «чертить» крылами вокруг мнимого соперника, сметывая со скалы мелкие камешки и грухлявые сучки.

Все славные мысли мальчика, чувства его, буйной фантазией откликавшиеся на каждый шорох в лесу, на любой вздыбленный корень, слились сейчас только в слух: две песни, три песни, шесть песен... «Можно даже захлопать в ладоши, вспугнуть его, есть запись!» — мелькнула у мальчика шальная мысль. И он уже насытившийся, радостно умиротворенный, мечтал, как прокрутит запись деду Проклу.

Наконец солнечный луч прошел туманный распадок, соединив вершины хребта золотым жгутом. Слепленная птица мощно залопотала крыльями, дав круг над головами людей, грузно полетела вниз по склону, быстро превращаясь в точку.

— А ну... — хрипло попросил старик, кивнув на магнитофон. Миша включил запись. Старик застыл в нелепой каучуковой позе, будто подслушивал у чужих дверей. «Тык-тык, тэк-тэк», — раздалась отчетливая, но тихая песнь, гораздо тише, нежели наяву.

— За этим и ехал? — мрачно спросил старик. Он жадно курил, сидя на мокрой траве, широко расставив согнутые в коленях ноги, устало сутулясь. Мишу обескуражила перемена во взрослом человеке, дотоле пышавшем азартом, энергией.

— Нет, почему же? Я хитрый, мы дятла еще запишем, вы подуете в кулак — ветер получится, ручьи еще бы надо записать. Камень можно скатить вниз — камнепад получится. Потом я дома смонтирую как нужно, получится, что после каждого лесного шума будет петь глухарь...

Майский день остывал каплями росы на динковом корыте во дворе Жиганова, когда хозяин дома и мальчик, следуя ему, начали смывать грязь с обуви. То ли километры по таежной хляби сказались наконец, или счастье переутомило Мишу: ноги у него буквально подкашивались, корыто плыло перед глазами. А тут еще запах жареной картошки...

— Погодь, должник ведь мне Спица, — с желч-

ной растяжкой процедил и без того хмурый Жиганов. — А ну-ка, слетаем.

Миша, едва не плача, утенком на пораненных лапках поковылял вслед за Жигановым до лес-промхозовского барака, где жил Спицын. Старик бесцеремонно пнул калитку, а через минуту выскочил обратно, злобно, грязно ругаясь.

— Вот голытьба, вот порода... Нажрался, сволочуга, еще и издевки строит — спляши, старый хрен, тогда привезу рамы для парника! — Левая щека у старика дергалась в нервном тике, пальцы на руках шевелились неуправляемо, порознь каждый. — Пари, вот скажи мне, как жить с такими? Попросил меня по-человечески — я ему сделал! Так и ты отвечай по справедливости. Ни рамам мне, ни спасибо!

Подспудно копившаяся обида на взрослого, обязанного быть добрым ко всем, кто младше его — так Мишу воспитали! — вдруг переплывала в яростное чувство, и он, пугаясь этого нового в себе, предугадывая — еще чуть, с губ сорвется тон, которым мама категорически запрещает разговаривать со взрослыми, отвернулся, чтобы не видеть лица старика.

Не задерживаясь возле своего дома, Жиганов прошагал до следующего, крикнул в распахнутое окно:

— Дарья! Ты сюда завезла безотцовщину? Пусть и ночует! — и, не сказав мальчику ни слова, ушел.

Рано утром продавщица Дарья разбудила Мишу, заставила умыться. Крепкий сон ослабил печаль мальчика, загнал ее в тайники души. Он с удовольствием мылил шею, доверительно рассказывая, как ворчит дедушка Прокл, если внук, шоркая ему спину, расходует не хозяйственное мыло, а дорогую шампунь — мол, и так живу дармоедом...

А одинокая Дарья разглядывала ленок на худой мальчишечьей шее и покусывала губы...

На улице Мишу поджидал Жиганов.

— Минька, Минька, не такой я... Я после контузии нерв держать не могу, припадок бил ночью... снова... Вот, смотри, деду твоему, — трясущимися руками старик развязал платок и начал суетливо совать в руки мальчику, в карманы, за пазуху черные пористые куски, похожие на сухари. — Чага, Минька, чага, может, и поможет деду от глаз. Они ведь, дурачье, водку лижут, я чагой держусь... Заваривай деду и пейте вместе. Нас, стариков, кроха осталась, вместе мы должны держаться, — судорожной скороговоркой палил старик. — Чага, Минька, может, и поможет...

Подглядывающая из-за оконной занавески Дарья покачала головой: нашел чем задарить, нет чтоб медку бидончик...

БОБЕР

Трудно сказать, что надоумило бобра заплыть в Шершневское водохранилище, считай, к самым окраинам миллионного Челябинска. Первыми обессилевшего зверька обнаружили поселковые мальчишки — братья Горины. Бобер шлепанул хвостом о песок, но путь к спасительной воде уже преградили босые ноги.

— Хомяк, ага, Дим? — спросил самый младший Илька, тыча в фыркающего зверька удочкой.

— Сам ты щекастый. Куда тычешь? — Димка отвесил брату звучный подзатыльник. — Бобер это. Историчка рассказывала, что раньше мехов было завались. Она рассказывала, даже Евгений Онегин бобровое пальто носил.

— Дима, Димочка, возьмем бобррика домой?! — дружно, в голос заныли Илька и Санька.

— Дома сдохнет: ему осины валить надо.

Возможно, позабавившись зверьком, крепыши Горины и отпустили бы его, но от спасительной станции к ним уже семенил лодочник Иван Шинкаренко. И поселковых сорванцов, и кроликов, которых лодочник держал дома почти полсотни, он одинаково ласково звал хлопчиками. Из-за прожорливых любимчиков лодочник даже по воскресеньям не разгибал спины, что пчела-труженица, добывая им сладкие крохи: то мешок яблок свежих прямо с рынка, то телегу клевера, то иное сочное лакомство.

Забивал Иван кроликов не палкой по старинке, а собственноручно изготовленной электрической вилкой. При этом обязательно ставил пластинку с любимой песней «Арлекино», так что у соседей дребезжали стекла в окнах. Покончив с кроликом, лодочник тотчас терял к нему всякий практический интерес. Выделкой шкурки и продажей мяса занималась уже жена.

Верхом смелости у шершневских мальчишек считалось перелезть на территорию спасительной станции. Поначалу лодочник цепко держал пойманного смельчака за руку и одновременно ласково журил: «И-и... балуешь, хлопче?» Заведя же мальчишку в темную кладовую, где хранились весла, лодочник, с прикрытыми от наслаждения глазами, выворачивал тому ухо. На прощание нежно поглаживал плачущую жертву по голове и философски добавлял: «Та полно тэби, хлопче... Всяко оно в жизни буват...»

— И-и... хлопчики, яка гарна шапка. А от я его мигом! — лодочник обмотал курткой кисть руки и бесстрашно схватил бобра за удобный широкий хвост. Мальчишки зажмурились. Но лодочник не трахнул бобра головой о лодку, а просто с чувством тряхнул, после чего зверек бес-

сильно вытянулся, даже не пытаясь дотянуться зубами до руки лодочника.

— А от порадуя я жинку, — елеино прожурчал лодочник и поволок бобра к пивному ларьку.

Жена лодочника здесь же на пляже торговала пивом. Через стеклянные двери ларька так удобно приглядывать за мужем... «Ненасытный козел», как величала она его в душе, любил полюбезничать с пляжными богинями. Сама она из-за вредных пивных паров ходила с вечно свекольным опухшим лицом.

В поселке Августина Леопольдовна слыла, мягко говоря, за женщину находчивую. Впрочем, она не обижалась, если ее находчивость завистники путали с нахальством.

Узнав, что в городской мебельный магазин завезли финские гарнитуры, Августина Леопольдовна повесила на ларек табличку «Ушла повышать квалификацию» и, шугнув законную очередь, как щука пескарей, втиснулась в кабинет к директору магазина. После часовой осады взмыленный директор прошептал: «Ну, бабец...» Бескорыстные грузчики из числа ее покупателей восхищенно цокали языками. Полированное ореховое чудо стоило пять тысяч рублей!

В то самое утро, когда бобер оплошал и за доверчивость свою болтался вниз головой, Августина Леопольдовна тоже хандрила. Привычки двуногих, в отличие от бобра, она изучила прекрасно. В пасмурный, как сегодня, день специально за пивом на пляж никто из города не попрется, а местные, словно слепые, сдачу пересчитывают по нескольку раз.

— Августенька, а поглянь, солнышко, шо я тби принэс...

Без лишних слов Августина Леопольдовна вынесла мужу мешок, в котором обычно копила подобранные на пляже бутылки, и на том деловые супруги временно расстались. Напевая куплет из «Арлекино», счастливый лодочник поволок мешок с бобром домой, а Августина Леопольдовна устремилась в город — в ателье по пошиву головных меховых уборов.

Вопросы один жгучей другого роились в голове Августины Леопольдовны. Действительно ли мех красивый? Если да, то дороже ли чернубурки? Как шкурку выделывать? Можно ли раскроить и на шапку и на воротник? Сумеет ли сменщица Балагуриха достать такую же?

На невинные вопросы Августины Леопольдовны закройщицы почему-то переглянулись и позвали заведующую ателье. Та без предисловий начала с главного.

— Если не секрет, у вас шкурка или живой бобер?

Августина Леопольдовна почувствовала ловушку и со свойственной ей порывистостью ушла, не попрощавшись.

Пока не улегся испуг, посидела на скамейке в скверике, скормила голубям здесь же куплен-

ный стакан семечек, а потом бодро промаршировала до библиотеки.

В читальном зале было подозрительно тихо. Августина Леопольдовна зорко огляделась. Всего на десяток зевающих очкариков приходилось 36 инкрустированных, столь дефицитных, журнальных столиков и 108 добротных кожаных кресел. «Живут», — с завистью подумала Августина Леопольдовна. Она не удержалась и ковырнула ногтем позолоту на раме картины. «До наценки еще золотили. Сейчас бы шиш позолотили...» С картины на нее смотрел мужик с огромной неухоженной бородой в плохонькой рубашонке, опоясанный поперх обычным сыромютным ремешком. Августина Леопольдовна почувствовала себя увереннее: за двадцать лет в торговле и не на таких хануриков насмотрелась.

— Девушка, о бобрах что-нибудь свеженькое поступило? — кокетливо спросила она библиотекаршу. — В долгу не останусь...

Соблазнительное замечание библиотекарша пропустила мимо ушей.

— Вам достаточно Большой советской энциклопедии или вам специальную литературу?

— Да не... Мне о бобрах. Что за зверек, на что живет? — растерянно проговорила Августина Леопольдовна.

— То есть вас интересуют популярные знания? Тогда вот, пожалуйста, энциклопедия.

Увесистый том Августины Леопольдовны приняла в руки не без опаски. Однако, взглянув на цену, поразилась дешевизне мудрой книги и, уже смело мусоля палец, словно считая рубли, азартно залистала страницы до слова — «Бобер».

Из краткого сведения о бобрах Августину Леопольдовну заворожила фраза про детенышей. «Детеныши, 3—4 в выводке, рождаются зрячими, хорошо опушенные, через сутки способные плавать». Слово забродившее пиво, выбив пробку из бочки, фантазия Августины Леопольдовны выплеснулась наружу. А мечталось ей, как сегодня же вечером займется она размножением бобров. «Летом ест траву, ветки деревьев. Способен спливать толстые деревья».

«Голимые деньги! — охнула Августина Леопольдовна. — Жрут ту же самую траву, что и кролики. Деревья-я жрут! Да ей грузовик отходов с лесопилки выписать легче, чем левым локтем шевельнуть. Только недалновидный дуралей, вроде ее мужа, мог связаться с кроликами...»

Августина Леопольдовна взяла том на букву «К». «Миллионные стада кроликов опустошают поля австралийских фермеров...» Августина Леопольдовна тихонько застонала. Полжизни угрожать на грызунов, которых в какой-то там Австралии больше, чем мышей.

Желая отвлечься от горьких мыслей, она углубилась в чтение энциклопедии. Поразительная книга простыми словами рассказывала о непонятных ей вещах и, наоборот, привычное слово

раскрывалось для Августины Леопольдовны в новом значении. «Ближний Восток» — район, включающий север Африки и часть западной Азии. Вот ведь! А она-то, слушая в своем киоске радио, всегда недоумевала: ближний к Челябинску восток — Тюмень, за ней Новосибирск. В Новосибирске на барахолке ей с кроличьим пухом и полчаса не дали постоять. Расхватали!

Прочитав про бруцеллез, Августина Леопольдовна всплакнула. Заболевание молочного рогатого скота. Через некипяченое молоко передается человеку. Очень опасно. И ее последние годы изжога измучила. Врачи на нервы и переедание валят. Скрывают, наверное, правду...

После «бостона» Августина Леопольдовна стиснула зубы, чтобы не разрыдаться. Какая там Америка! Всю жизнь прошпачила, а он, крохобор, и на юг-то ни разу не отпустил. Самому письма внаглую из Ялты шлют...

Словно робинзоновский Пятница, выучившись читать, Августина Леопольдовна с языческим трепетом внимала написанному. Про биссектрису сначала пропустила — не понять. Потом все же попробовала — нарисовала треугольник и, точь-в-точь следуя написанному, провела палочку из угла до пересечения со стороной треугольника, используя для рисунка оказавшуюся в сумке накладную. «Просто-то как, господи!» Поверь она вовремя в свои способности, сейчас бы, как напарница Балагуриха, уже кончала торговый техникум.

«Битум». Битумом, оказывается, еще три тысячи лет назад в Вавилоне обмазывали зернохранилища. Она тоже двадцать лет назад помогала Ивану обмазывать битумом фундамент их дома. Тогда ей казалось, что их семейное счастье будет крепким, как тот фундамент.

Августина Леопольдовна желчно усмехнулась. Счастье... У единственной дочери разве что в ноздрях золотого кольца не болталось — все равно ушла. Голяком, без вещей. Даже записку родной матери не пожелала черкнуть!

Жену лодочника вдруг обожгла мысль: что, если в книге найти про это самое счастье? Но встать и попросить у библиотекарши книгу про счастье что-то ей мешало. Впервые за много лет Августина Леопольдовна залилась румянцем стыда.

— Девушка... я... извините... Доклад у меня на работе... Как понимать слово «счастье»...

Библиотекарша снисходительно улыбнулась чудачке и обтерла пыль с толкового словаря Даля.

Путаясь в старинных ятях, Августина Леопольдовна усердно, по слогам, прочитала посвященную счастью страницу. Из велеречивых расплывчатых формулировок она все-таки усвоила главное: счастье — к чему душа стремится! «Значит, — смекнула Августина Леопольдовна, — счастье для каждого — свое!» Вывод не понравился ей своей неопределенностью. К понятию счастья

цитировалось и множество поговорок. Две из них насторожили Августину Леопольдовну. «Счастье — палка о двух концах», «Счастье — коли стыда в глазах нет». Она тотчас отыскала значение слова «стыд». «Стыд — внешнее проявление совести...»

Забыв, что пора бы и пообедать, что дома ее ждет будущий бобровый воротник, Августина Леопольдовна настойчиво докапывалась до самой сути жизни. Суть жизни, как ей казалось, обязательно раскроется на слове «совесть».

Тем временем, как жена лодочника просвещалась в книжном храме, братья Горины тоже не теряли время даром. Правда, обратиться к поселковому милиционеру Василию без отца Димка не посмел. Василий наверняка догадывается, кто оставляет следы на его грядках с викторией.

Посоветовавшись в зарослях лопуха, братья решили: Димка споняет на велосипеде к строящемуся в городе цирку — за отцом, а рядовые бойцы — Санька и Илька — останутся в засаде наблюдать за домом лодочника.

Капитан в отставке Тимофей Горин одобрил правильные действия сыновей, только покритиковал за нерешительность. «Сглушили, сынки... Может, бобра и в живых нет? Не дожидаясь меня,

к Василию нужно было. Сразу! Василий — он человек...»

Участковый Василий в одних трусах и майке полел в огороде картошку. Узнав о случившемся, Василий в сердцах даже откинул тяпку.

— Ай, крохобор! Ай, негодяишка! Мало ему кроличьими шапками спекулировать?!

Димке же Василий сунул литровую банку с пахучими, давшими уже сок ягодами виктории и шепнул на ухо: «Еще раз самовольно залезете — разрисую в школьной стенгазете...»

Кончив полировать щеткой сапоги, Василий протрубил командирским голосом:

— Взвод братьев Гориных в одну шеренгу ста-но-вись! Капитан Горин, вам я даю на сегодня вечер отдыха.

И, чеканя шаг, повел взвод спасать бобра.

Эту отнюдь не шутивную историю мне с юморком рассказал отец мальчишек — Тимофей Галактионович Горин, прораб одного из челябинских строительных трестов. Еще не дослушав его, я уже пылко воображал себе конец истории. Вернее сказать, прикидывал наиболее эффектную концовку для почти готового рассказа. По наивности мне представлялось, что за день в библиотеке Августина Леопольдовна непременно перевоспитается и до прихода мужа, конечно же, отпустит бобра на волю. Или, например, если лодочник попробует свою электровилку на бобре, тот обязательно откусит ему палец.

Однако, как оказалось, наилучшую концовку для своих злоключений бобер придумал сам.

После того как лодочник зашвырнул мешок с пленником в дом, бобер отдохнул часок-другой, прогрыз в мешке дырку и принялся за привычное бобровое дело. Для начала он перегрыз две ножки у серванта из финского орехового гарнитура. Грузенный хрусталем, что разбойничий верблюд — краденым добром, сервант, разумеется, рухнул, но не очень-то и напугал зверька. Иначе чем объяснить, что вслед за сервантом бобер играючи расправился с замысловато выгнутыми ножками тумбочки, на которой стоял цветной телевизор. К сожалению, с шифоньером бобер, хоть и умный зверь, но дал маху. Шифоньер он начал с ближних к стене ножек, и шифоньер не рухнул, а всего лишь завалился в угол.

Когда Василий распахнул дверь, в доме уже царил гробовая тишина. Августина Леопольдовна сидела в единственном уцелевшем кресле и, мусоля палец, машинально листала чудом не угодившую за годы в утиль когда-то подаренную дочери в школе книжку со стихами Чуковского.

Светлана
МАРЧЕНКО

Б. ПАСТЕРНАК

Штрихи к портрету

Глаголами долго он душу пытал
И цветом глушился свои крики.
Но тайны не вызнал, а лишь начертал
Природы бунтующей лики.
Любил он качельные взлеты до звезд —
За прочный предел амплитуды.
И клетот орлиный в гортани пронес,
Судьбой обозначив причуды.
Врожденный бунтарь — не сносить головы! —
Огромный свой дар не осилив,
Он мир населил трепетаньем листьев
И шумом взметнувшихся крыльев.
Линялое небо связав в узелок,
Однажды он вышел из дому,
Поверив, что сложное он превозмог, —
Осталось пробиться к простому.
И там, где лиловая хлещет гроза,
Где слез и сирени в избытке, —
Неутоленно нам смотрит в глаза
Мастер великой п о п ы т к и.

* * *

Ветра нет. А штора пузырится...
Звуками падений дышит дом,
Будто бы невидимая птица
Кружит и сбивает все крылом.

Абажур поплыл ленивой рыбой —
Свет размазал, тени раскачал...
Ненадежен слух, и воздух зыбок,
И во сне ребенок закричал.

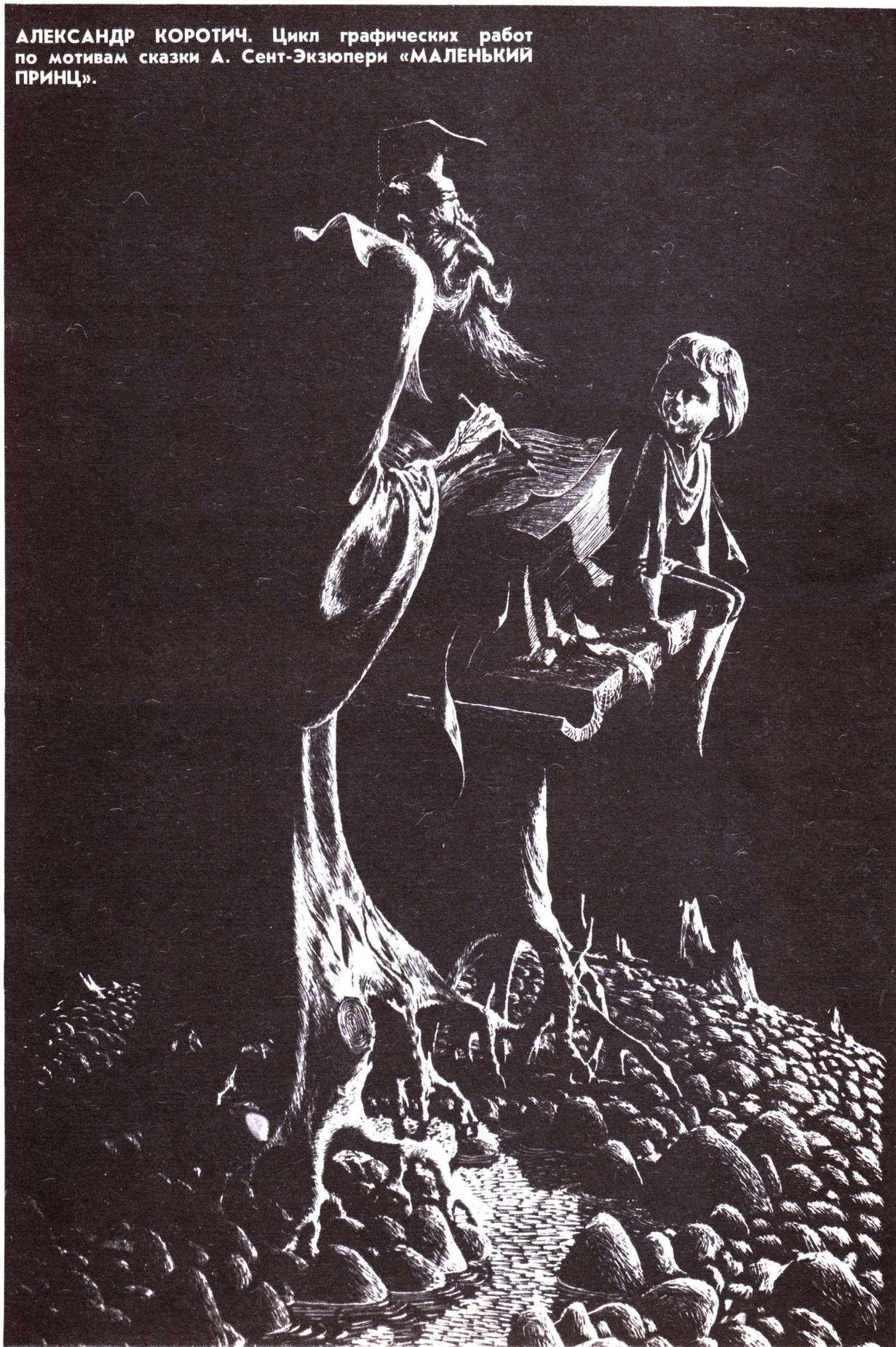
Трезвой воли упустив поводья,
Вдруг почуем мы, впадая в транс,
Как, сочась сквозь нас, по дому бродят
Дуновения иных пространств.

* * *

Так противились мы притяженью!
Распаленные жаркой игрой,
Утоляли свирепое жженье
В омутке с лягушачьей икрой, —
Все таинственно было и просто,
И значителен каждый пустяк...
Словно латы, сияли коросты
На коленях и острях локтях.
Мы носились сквозь зной по откосу,
Будто птицы, не чуя земли...
Нам на спины садились стрекозы
И гудели над нами шмели,
И жуков драгоценная тяжесть
Так светло холодила ладонь...

Я уже никогда не отважусь
Прыгнуть с прясла в крапивный огонь.

АЛЕКСАНДР КОРОТИЧ. Цикл графических работ по мотивам сказки А. Сент-Экзюпери «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ».

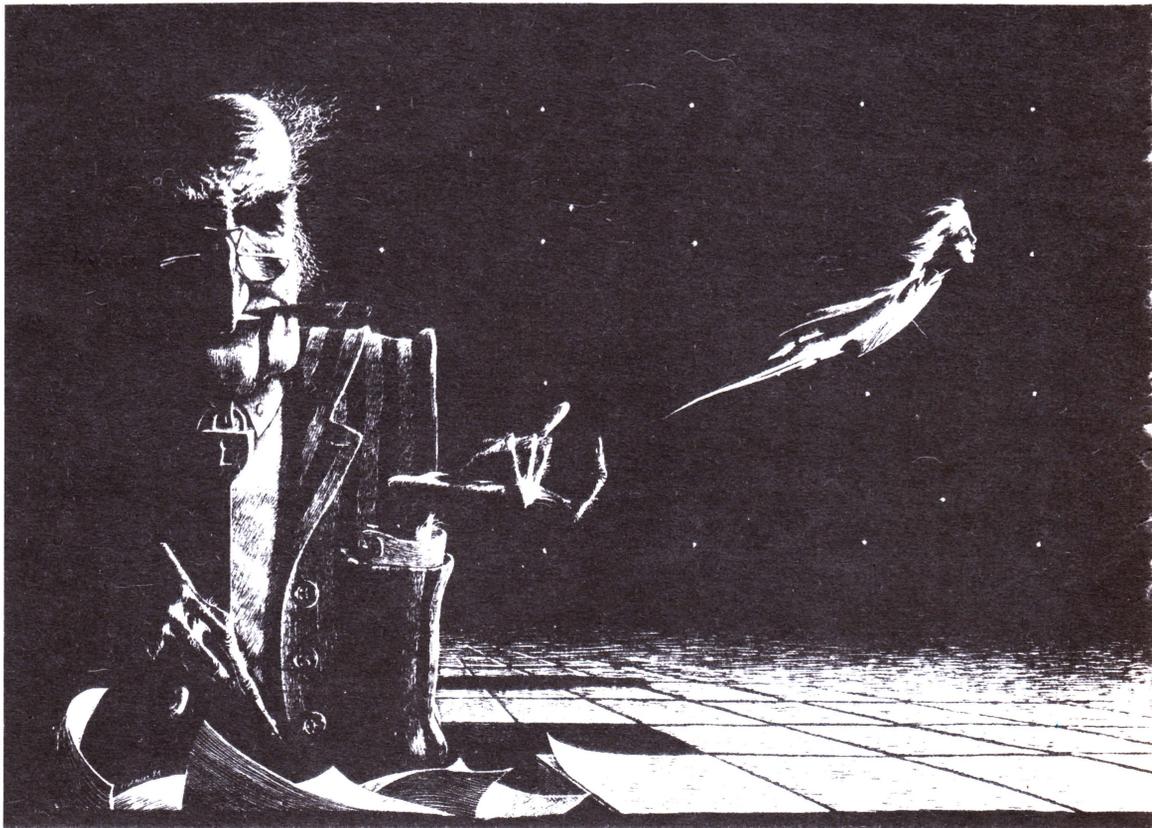
— Что это за огромная книга! — спросил Маленький принц.

На следующей планете жил пьяница.

Четвертая планета принадлежала деловому человеку.

Все это загадочно
и непостижимо.
Вам, кто тоже
полюбил
Маленького принца,
как и мне,
это совсем, совсем
не все равно:
весь мир становится
для нас
иным оттого,
что где-то
в безвестном уголке
Вселенной
барашек, которого
мы никогда
не видели,
быть может,
съел
незнакомую
нам розу.
Взгляните на небо.
И спросите себя:
жива ли та роза
или ее уже нет!
Вдруг
барашек ее съел!
И вы увидите:
все станет
по-другому...
И никогда
ни один взрослый
не поймет,
как это важно!

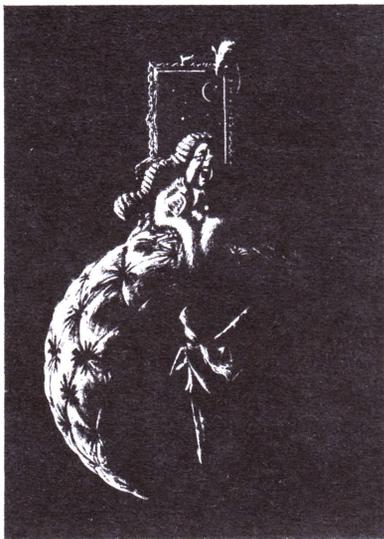

— Ничего тут нет забавного,— возразил фонарщик.— Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

— И всё это ваше! — переспросил Маленький принц.
— Да, — отвечал король.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

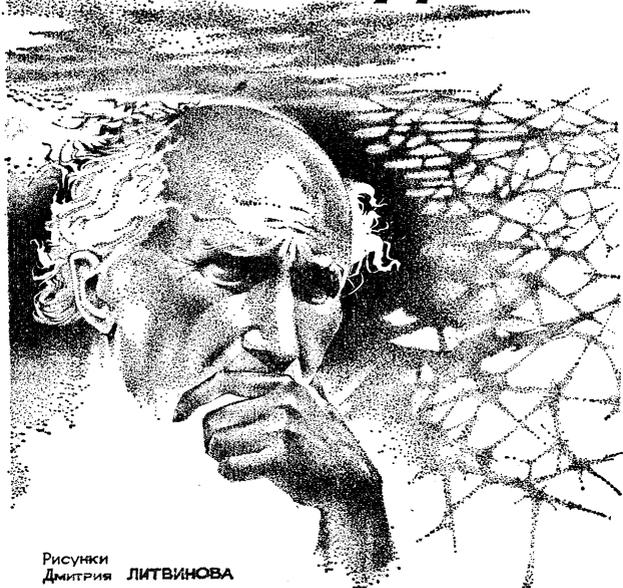
— Прощай,— сказал Лис.— Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце.

ГЕОРГИЙ
ГУРЕВИЧ

повесть

ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ

Рисунки
Дмитрия ЛИТВИНОВА

И на экране появилось другое лицо, удлиненное, со впалыми щеками и тяжелыми усталыми веками. Лицо женщины лет тридцати семи, пожилой, с моей тогдашней точки зрения.

— Как ты, Лиз? — спросил артист. — Ты и в самом деле собиралась звонить мне?

— Позавчера я видела тебя в «Отелло», — сказала она, уклоняясь от прямого ответа. — Ты выглядел усталым. Мне показалось, что тебе уже трудно играть африканские страсти.

— А ты все ждешь меня, Лиз, — грустно улыбнулся он. — Я же обещал тебе и могу повторить еще раз: как только выдохнусь и устану от сцены, я прибегу к тебе, виляя хвостом. И мы заживем мирно в твоём мирном саду, сажая гладиолусы или хризантемы. Или крыжовник — по Чехову.

— Этого никогда не будет, — возразила она. — Ты отравлен сценой безнадежно. Ты согласишься на роли старых лакеев.

— Может быть, может быть, Лиз, по всей вероятности ты права. Я не уйду со сцены, меня унесут. Но если унесут живым, то к тебе, так я распорядился. Вопрос в том, примешь ли ты меня тогда?

Продолжение. Начало в № 5, 88 г.

(111)

Занятый своими переживаниями, я не очень вслушивался в этот интимный разговор, но запомнил его механически. К тому же Тернов добавил пояснения. Всем нам хочется поделиться с живым человеком, хотя бы с чужим и даже лучше с чужим — незаинтересованным. Недаром люди так откровенничают в дальней дороге.

— Это моя первая жена, — сказал Тернов, когда экран погас. — Очень хорошая женщина, достойная женщина, надежный друг, но у них, у женщин, своя логика. Артиста выбрала она, но артист ей нужен для себя лично, даже не для себя, для детей, чтобы задатки им передал и пестовал, как няня. Она меня за муки полюбила, но не разрешает мучиться дальше, не хочет, чтобы я играл, дико ревнует к сцене и к кулисам. И мы разошлись. Но вот ждет она, чтобы я сдал и сдался, потому и позвонила, что показалось ей, будто я уже начал сдавать. Да, мне трудновато, но Лиз права, я навек отравлен сценой. И я молодую, я оживаю у рампы, откуда силы берутся? Меня вдохновляет полутемный зал, сотни смутных лиц в партере. Я ощущаю напряженное ожидание и впитываю это напряжение, черпаю в нем силы и возвращаю их в зал, выкладываю все, все и сверх того! Это мой долг и моя радость. Я могу одарить зал. Ты понимаешь, что значит делать подарки?

Я кивнул. Я понимал.

— А вот Лиз не понимает. Хочет, чтобы все подарки я нес только ей. И не столковались мы. Я человек слабый или же жадный, люблю благодарные улыбки. Хочу одаривать многолюдье, дарить и тем, кто выпрашивает не всю мою жизнь, а минутки, как эта наивная девочка с торчащими глазами. Ну, не велик труд был выслушать ее, а она же счастлива теперь. Я нужен был ей для полного счастья! Ты понимаешь, что это значит: «нужен!»

Я опять кивнул. Я понимал. Я-то был ненужен.

— А Лиз никак не хочет понять. И ждет, чтобы я стал ненужным. И не знаю, буду ли я ей нужен тогда, выжатый и высосанный сценой, кожа от лимона, сморщенная кожа бывшего артиста...

Он тяжело вздохнул, тряхнул головой.

И тут экран снова зажегся. Сильва появилась на нем. Смуглое скуластое личико с нежным пушком, чуть прищуренные глаза над тяжелыми монгольскими скулами, длинная шейка, подбородок, вскинутый с горделивым достоинством.

— Меня зовут Сильва, — сказала она. — Я рядовая зрительница, но не рядовая ваша поклонница. Я потрясена вашей игрой, в особенности в «Первой любви» и больше всего в сцене, где поете «Будь моей!»

Алига-88

Даже и тогда, в ту страшную, возможно, самую страшную минуту моей жизни, я отметил редкую выдержку Сильвы. Все мы, молодые и неопытные, смущались, обращаясь к великому Тернову. Я от волнения мямлил, путался и повторялся, круглоглазая тараторила, видимо, не понимая, что произносит, не ощущая смысла слов. Сильва же каждый звук выговаривала четко, подавала слова с достоинством, не развязно и не униженно.

— С моей стороны нескромно,— продолжала она,— обращаться к вам с большой просьбой. У меня день рождения сегодня, день моего совершеннолетия. И я прошу, чтобы вы сделали мне лично подарок, спели бы для меня «Будь моей!» Не поймите меня буквально, я не прошу, чтобы вы пели специально для меня, это был бы чересчур дорогой подарок. Но я хотела бы, чтобы в следующий раз, исполняя эту арию на сцене или на репетиции, вы подумали бы, что на этот раз поете для меня, для девушки по имени Сильва.

— Вы хотели бы от меня услышать «будь моей»? — переспросил Тернов, подчеркивая каждое слово.

— Может быть,— отчеканила Сильва, еще выше вскидывая голову.

Тернов глядел на нее, прищурясь.

— Сегодня я не выступаю,— сказал он.— Сегодня я репетирую дома. И буду петь. И спою «Будь моей». Для вас. Можете прилететь к семи вечера?

А я сидел, заматавшись в занавеску, съжившись, обхватив плечи руками, и все слышал, все видел, лицо Сильвы видел, и видел ее глаза, глубокие, томные, ласковые, ласкающие, восхищенные, торжествующие и счастливые, глаза счастливой влюбленной. В первый раз в жизни видел такие глаза и в последний.

— Интересная девушка,— сказал артист, протистившись с Сильвой.— Сильный характер. И, оглянувшись, увидел мою странную позу.

— Она? — сразу догадался он.

— Нннет!

— Наверное, она все-таки! Ну-ка быстро давай ее номер, не упрямясь! Я позвоню, отменю приглашение.

— Нет, не она,— твердил я.— Мою зовут Искрой (назвал первое вспомнившееся имя). Просто я не видал, никогда не видал, как это бывает в жизни.

Много раз и в тот день, и впоследствии спрашивал я себя, почему же я отрекся от Сильвы.

Не обдумывал я, инстинктивно брякнул, но почему же инстинкт сработал так?

Потому ли, что с раннего детства мне твердили: право выбирать предоставлено женщине, она слабая, ей труднее? А в старших классах

объяснили: «Она выбирает отца для будущих детей, не мешайте ей выбрать лучшего».

Потому ли, что Тернов показался мне совсем не скверным человеком и этот нескверный расшатал мое мнение о том, что Сильва губит себя, бросаясь в его объятия?

Нет, не потому.

А потому, что увидел глаза Сильвы, глубокие, томные, нежные, ласковые и ласкающие, влюбленные, упоенные любовью, счастливые глаза счастливой возлюбленной. И не посмел отнять у нее это счастье.

Позже добавилось: я ей такое счастье дать не могу. Я могу у нее выпросить, вынудить любовь, приучить к себе, заставить оценить мое постоянство и преданность. И оценит она, согласится, но годы и годы, всю жизнь, возможно, будет сожалеть и попрекать в минуты раздражения, что не позволил ей однажды быть счастливой.

Нет, не твердое, не окончательное было у меня решение. Сколько раз в мыслях своих я переиначивал тот роковой день! Ну что бы стоило мне раскрыть рот и сказать артисту: «Да, это она, та самая, оставьте ее в покое, для вашего огня найдутся другие бабочки!» Растерявшись в ту секунду, я же мог, уходя, обернуться и на пороге объявить: «Извините, я обманул вас, на самом деле это она, не пойте ей!» И даже если бы я промедлил и в тот момент, я же мог дожидаться Сильву в семь вечера у его дома, перехватить ее, переубедить, не пустить силой!

Мог был! Не сказал, не обернулся, не дождался.

Потому что не на меня она смотрела счастливыми глазами.

Немало я размышлял тогда и после, хорошо ли поступила Сильва, правильно ли по отношению ко мне и по отношению к себе? И хорошо ли поступил Тернов? Взрослый, сложившийся человек, он должен был бы оказать сдержаннее юнцов обоего пола. Но сейчас не о том речь. Я о себе размышляю. Не почему не помешал, а почему не заслужил любви? Вел себя неправильно, или же были во мне какие-то изъяны, врожденные недостатки характера, препятствующие личному счастью? Так пускай мне исправят эти изъяны! Вот в чем цель всего этого горестного отчета.

Что было после? А ничего.

Я твердо решил никогда-никогда в жизни не встречаться с изменницей. Хотя почему, собственно говоря, я считала ее изменницей? Сильва ничего не обещала мне и не нарушила обещаний. Первое время мне удавалось выдерживать характер отчасти потому, что мое отношение к Сильве резко изменилось. Преж-

де она была недостижимой мечтой, для меня стояла на пьедестале, более того — на вершине горы, — этаким ангел небесный. Но вот небесный ангел становится падшим, недостижимая и неприкосновенная сама кидается в чьи-то нечестные объятия. И почтительная любовь сменяется разочарованием, обидой, чуть ли не презрением. Эти античувства помогали мне не звонить, не унижаться на экране.

Но все же их вытеснила жалость. Себя я начал упрекать. Пусть недостижимая оступилась, упала, испачкалась. Плохо ей теперь, грязь на душе и на теле, а поддержать, утешить некому. И она вспомнит обо мне, самом близком из друзей, которому можно любую тайну доверить, такую, что не доверишь ни подругам, ни сестре, ни родной маме. И я стал ждать звонка Сильвы, заготовил наставительную речь о самоуважении, потом заменил ее утешительной речью о целительном времени, потом решил просто пожалеть, посочувствовать... Потом еще что-то придумал. А Сильва все не звонила. Не просила ни поучений, ни сожалений.

Тогда я доказал себе, что обязан позвонить сам. Все-таки от мужчины ждут инициативы. Позвоню и буду молчать, не покажусь на экране. Догадается же она, что это лучший друг о ней тревожится.

Позвонил. Свой экран закрыл ладонью.

Не догадалась.

Еще раз позвонил. В ответ раздраженное:

— Опять вздыхатель какой-то. Я же слышу: пыхтит кто-то! Пауль, это ты? Ну говори, если дело есть.

Пауль какой-то! Обо мне и не вспомнила.

И больше мы не виделись. Вскоре я окончил школу и уехал на Тихий океан, случайных встреч быть не могло. Стороной до меня донесли сведения, что Сильва была женой Тернова, но недолго. Очень уж неравная пара — тридцать лет разницы. У него талант, у нее характер, кому уступать? Не знаю, кто кого отверг, сплетничать не буду.

А встретились мы не так давно, на курорте Гран-Канария. Она узнала меня, а я — нет. Передо мной была полная малоподвижная женщина с отеками ног и непрочной прической, космы все выбивались у нее из-под платка.

— Видишь, какой я стала, — вздохнула сидя Сильфида, бывшая Сильва. — Ты же не узнал меня.

Я забормотал какие-то извинения, вымученные комплименты, утешительные слова о том, что омолаживают сейчас безупречно, моя жена, например...

— Нет, я подожду, — сказала Сильва твердо. — Я еще не все, что причитается, перепробовала.

И с увлечением начала рассказывать, какая удачная у нее третья внучка, так хорошо держит головку на воде, так рано пошла, так рано заговорила. Выдающийся младенец!

— А у тебя есть дети?

Краснея, я признался, что нет, к сожалению.

— Для себя живешь, — отрезала Сильва. — Эгоист. А у меня трое: два сына и дочь. И внуков уже три. Конечно, заботы. А заботы не красят.

— Я был здорово влюблен в тебя, — признался я. Почему-то мне казалось, что надо утешить ее хотя бы прежними чувствами.

— Ты был зеленым мальчишкой! А я искала героя.

— Нашла в Тернове?

— Тогда я считала его героем. Неопытная была, наивная. Но ведь и ты на героя не тянул. В дальнейшем-то вытянул? Как считаешь? Я только руками развел.

А она ушла, выцветшая, растрепанная, но с гордо поднятой головой, уверенная в правоте; в своей жизненной логике. Некоторое время эта резкая женщина заслоняла в моей памяти прежнюю Сильву, но постепенно стерлась.

Внуков у меня нет, однако на судьбу я не жалуюсь, судьба меня не обделила. В свое время женился благополучно, даже отбил жену у соперника. Не только поражения были в жизни, бывали и победы. Но жена — это особенная женщина, не праздничная, не вечерняя, не ночная: круглосуточная, круглогодичная. Это товарищ, соратник, сотрудник, пара твоя в семейной упряжке. И мы тащили эту упряжку без малого тридцать лет. Бывали у нас размолвки, бывали и радости. Дружью считали, что мы счастливы в браке. Наверное, такой спокойный брак и считается счастливым.

ГЛАВА 2-А

Задача сформулирована: хочу восхищенные глаза.

С такой нескромной претензией иду в центр омоложения.

Оказывается, я там уже на учете. И у меня есть прикрепленный омолодитель, куратором его здесь называют, не лечащим врачом. Эгвар его имя. Пожилой, рыхловатый, подчеркнута медлительный, склонен растягивать слова и делать долгие паузы. Мне нравится его вдумчивая неторопливость. Я и сам человек уже солидный, мне не хочется обсуждать свою судьбу с порывистым мальчишкой, даже с семидесятилетним, омоложенным. Нравится и кабинет куратора, больше похожий на заводскую комнату отдыха: мягкие кресла, темные шторы на

окнах, а на стенах стационарные молчаливые картины—не утренние будоражащие «муви», какими мы взвинчиваем себя после сна: шумный прибой с брызгами, мчащийся поезд, тараторящий на рельсовых стыках, или бегущий олень, или хоккеисты в атаке... смотрите каталог киноковров. И так, комната вдумчивого отдыха, не медицинский кабинет, где ты осажден техникой, гудящей, сверкающей, ораторствующей на смеси латыни с алгеброй, где тебя переводят на цифры, описывают таблицами, где чувствуешь себя телевизором в ремонтной мастерской.

— Спасибо, что потрудились с ленто-записью,—сказал мой куратор.— Спасибо, вы очень облегчили нашу беседу. Но давайте не будем торопиться. Человек вы здоровый, в срочном омоложении не нуждаетесь. Дайте мне дня три на размышление, я прочитаю, перечитаю, обдумаю, поищу добрые советы. Ведь о благополучии целой жизни думаем, ну не всей, целой второй жизни.

И я согласился. В самом деле, зачем торопиться. Обдумать жизнь полезно.

С того и начался у нас следующий разговор, три дня спустя.

— Торопиться не будем,—сказал Эгвар.— Характер—не пиджак: склеил, поносил, не понравился—выкинул в мусоропровод. Себя выбираешь надолго, лет на тридцать—сорок. Можно, конечно, и подновить, но это манипуляции долгие и небезвредные. Лучше все обдумать заранее. Как говорили древние: семь раз примерь, один раз отрежь. Давайте займемся примеркой. Вы говорите: «Хочу восхищенные глаза, какими девушки смотрели на артиста Тернова». Приблизительно примем гипотезу: вы хотите быть таким, как Тернов. Но вы видели его со стороны, надо бы побывать в его шкуре. К счастью, мы в состоянии предоставить вам такую возможность. Тернов омолаживался лет двадцать назад, записи его воспоминаний хранятся в архиве. Память мы всегда списываем при омолаживании, это необходимо для подчистки характера, у вас спишем тоже. Между прочим, Тернов не захотел во второй жизни стать артистом. Он не захотел, но вы, возможно, пожелаете. И вот я запросил у Тернова разрешения подключить вас к его памяти. Он любезно согласился, только спросил—мужчина вы или женщина. Женщин в свои интимные переживания не захотел допускать.

— Интимные тоже записаны?—переспросил я с удивлением.

Куратор усмехнулся.

— Все это спрашивают почему-то. Ну не самые интимные. Физиология исключается автоматически. К тому же мы будем направ-

лять тематику. Устроим как бы интервью с его памятью. Это даже лучше, чем личная беседа: образнее, точнее и откровеннее. Так что настраивайтесь и приходите, лучше с утра на свежую голову, процедура довольно утомительная. И не откладывайте: разрешение получено, нет основания тянуть, лучше потом обдумывать дольше.

Я не стал тянуть. На следующий же день в девять утра полулежал, откинувшись, в кресле вроде зубо-врачебного. Тут уже был настоящий медицинский кабинет, не комната отдыха. Таблицы, табло, экраны, большие, маленькие и средние, прозрачные и полупрозрачные, бегущие цифры, мелькающие лампочки, пульта с тройными рядами клавиш, рупоры машин, изрекающих латинские термины вперемешку с формулами и параметрами. Все как полагается. И я успокоился, чувствуя себя телевизором, поставленным на ремонт. Я—в руках мастера.

На голове у меня надет мягкий шлем с бесчисленными иголочками, тонкими и очень колючими, и на веках были иголки, и в мочках ушей иголки, и на переносице иголки, все хотелось чихать из-за них, с трудом удерживался. А передо мной на специальной подставке лежал оклеенный фольгой футляр в виде черепного свода—это и была память Тернова. Позже куратор пояснил, что память можно было сделать и поменьше, с наперсток размером, ведь в мозгу ей отведена только часть и не самая большая. Но поскольку она разлита по всей коре, на всякий случай при записи и копируют всю кору, опасаются, отсеивая, нарушить связи.

Итак, мы уселись с Терновым визави, череп к черепу. Эгвар расположился рядом, подмигнул для бодрости, спросил:

— Настроились? Ну тогда поехали. Глаза закройте. Включаю.

Тут в глазах, закрытых, замелькали какие-то цветные обрешетки, как в калейдоскопе. Они ссыпались и рассыпались, составляя мгновенные картинки, вроде бы и осмысленные, но слишком уж мимолетные. В ушах при этом тараторили разные голоса, не сразу я догадался, что один из них—голос Тернова, забыл за столько лет. Потом до меня донесся вопрос Эгвара:

— Вы артист Тернов?—спрашивал он.

И тогда возник внятный образ. Искрящийся экран дисплея, на нем печатные буквы: «фамилия—Тернов, имя—Валерий, возраст—68 лет, отец—Сократ Тернов»... Анкета какая-то.

Тут же она сползла, появилась рамка дисплея, темно-коричневая, под полированное дерево. Уже не рамка, а ящик; я (то есть

Тернов) нес его по аллее, любовно поглаживая гладкую поверхность; видимо, мне (Тернову) нравилась новенькая вещь. Вдоль аллеи стояли деревья с глянцевыми листьями и крупными белыми цветами. Это магнолии,— сказал себе Тернов. «Это магнолии,— подтвердил загорелый садовник с жилистой шеей.— В наше время никто не интересуется природой. Мы ленивы и нелюбопытны. Курортники сплошные. Лежим на травке, гремся на солнце». «В самом деле, а о солнце что я знаю? — подумал Тернов.— Есть солнце и на нем пятна. Пятнышко на вороте рубашки. На сцене-то незаметно, а в гостях неудобно. И к чему мне эти гости. Надоело хождение. Женщина с пышными формами сказала: «Я по призванию характерная». Характерная или характерная? Ударение меняет смысл. А иногда произношение: осёл осел. Прочтешь и спутаешься. На сцене бывало и не такое. Великая Ермолова воскликнула: «Кто стрелял? Мой мух?» Мух — это кто? Самец мухи? Мух летит во весь дух»...

Вот так вязались мысли в записанной памяти, перескакивая в самом неожиданном направлении. И уж не знаю, куда бы улетел пресловутый мух, но куратор мой напомнил:

— У вас была молодая жена Сильва.

И Сильва возникла перед моими закрытыми глазами, как живая возникла. У Тернова оказалась точная зрительная память, даже родинку на верхней губе он вспомнил, я-то забыл про эту родинку. Тернов мысленно нарисовал лицо, но не на родинке, на тонких бровях задержал внимание, а там пошла опять круговерть: брови — парикмахерская — дорога у входа — моторолики — катятся под горку — с большой горы и на крутой вираж — вираж над пропастью — за скалы зацепились облака — «ночевала тучка золотая на груди утеса великана» — рано погиб Лермонтов, сколько успел бы написать до старости — а я успел достаточно? — бессмертие вечная мечта — а у нашего гримера мечта о парусной яхте... И так далее.

— Молодая жена Сильва, как вы познакомились с ней? — напоминает куратор.

Память артиста послушно возвращается в прошлое, чтобы через мгновение снова сбиться и унести невесть куда.

К концу сеанса голова у меня распухла, под теменем ломило, глаза саднило, будто тер их беспрерывно. В детстве бывало так, когда в свободный день развернешься и прокрутишь подряд весь сериал «Тайны звезды Хурр» — 36 двадцатиминутных кассет.

Так и тут: 36 или 360 ассоциативных цепочек мечущейся мысли. Запомнить все невозможно, записывать бессмысленно, слыш-

1151

ком много шелухи. Приходилось сортировать задним числом, из обрезков склеивать связную картину. Впрочем, и в жизни мы занимаемся тем же самым: просеиваем и отсеиваем, не всегда правильно. Так и я отсеял и склеил главное для себя, не ручаюсь, что главное для самого Тернова.

— Молодая жена Сильва, как вы познакомились с ней?

Знакомство Тернов помнил точно. Смуглое личико на экране, тон, преисполненный достоинства, и удивительные глаза: томные, ласковые, ласкающие, гордые и восхищенные...

И я вспомнился. Возник рядом с Сильвой тощий узкоплечий юноша, совершеннейший мальчишка с бледным пятном вместо лица. Черты забылись, уши торчали только, совершенно карикатурные уши, никогда не был я лопухим. А жест остался: за плечи держал себя, как будто замерз.

И всплыло в памяти Тернова, отдалось в моей голове:

«Страдает мальчишка, ничего не поделаешь. Не подошла его очередь на счастье, не созрел для ответной любви. Пока его участь — ходить под окном, сочинять стихи о жестокосердной, вздыхать и зубами скрежетать. В прошлом веке ему посоветовали бы выпить, даже перепить, чтобы одурел, чтобы тошнило, выворачивало, желудочные страдания заглушили бы сердечные. В наше время не принято пить, но я попробовал, для сцены понадобилось. Когда это было? Барона играл в «На дне». Мерзопакостное ощущение».

Действительно, мерзкое! Я тоже испытал, мне же передавались все ощущения Тернова: мутная головная боль, крутеж в желудке, спазмы в пищеводе. Я чуть не подавился. Вымолвил кое-как:

— Тот юноша, которого пожалели...

— Пожалел. Явно о самоубийстве помышлял, бедняга. Надо было отослать к нему Сильву, тогда еще легко отослал бы... да ведь не пошла бы. Уперлась бы, как моя Лиз. Женщина выбирает... и упряма в своем выборе.

Тут воспоминания перескочили на первую жену. Лиз, не зрелая, какую я видел, с острыми скулами и худыми щеками, а молоденькая, пухленькая, лежала на кровати. Белая простыня, белая подушка, белые стены, кровать тоже белая. Больница была, видимо, судя по назойливой белизне. И услышал я рыдающий голос женщины: «Ну что тебе в этих ночных бабочках? Они же не тебя любят, ты для них герой-любовник, сказочный принц в балетных туфлях».

— Лиз, это профессиональная вредность:

Не могу я быть невежливым со зрителями. Для них же работаю на сцене.

Снова рыдающий голос женщины:

— Для них на сцене, для них за кулисами. И поздно вечером, и до глубокой ночи. И до утра.

— Лиз, ты преувеличиваешь, настраиваешь себя на обиду, нагнетаешь ревность. Ничего же не было серьезного.

Голос утешающий, а в мыслях раздражение: «Чего она хочет, собственно? Чтобы я сидел, припильенный к ее юбке? Ни с кем не встречайся, не разговаривай, не оглядывайся! Может, и на сцене не целоваться? Нет уж, если я актер, не миновать мне обижать женщин: либо одну, либо всех остальных. И что же справедливее?»

Снова Лиз, теперь на экране, с безнадежно унылым видом:

— Как чувствуешь себя? Видела тебя в «Отелло», выглядишь усталым. В твоём возрасте уже трудно играть с надлежающей страстью.

А в голове у меня раздраженное: «Так ей хочется жалеть меня, так хочется, чтобы приполз к ней на костылях, лежал бы на кровати несчастный, рот разевал для

(116) ложечки с микстуркой. Экая санитарно-медицинская любовь! Эх, все они — каждая по своему!»

Мгновенная смена декорации — и Сильва, моя Сильва, его Сильва стоит посреди комнаты, заложив руки за спину, вскинув голову; глаза мечут молнии:

— И такому человеку я отдала свою молодость! — кричит она. — Пустышка ты, пустышка!

— Сильфидочка, я не понимаю, в чем дело. Я люблю тебя, никого никогда не любил так...

Опять слова утешающие, тон просящий, а в голове — раздраженное: «Вечные капризы, вся во власти настроений. Точно ветер в предгорье: с моря — к морю, с моря — к морю, ливень — солнце, знай себе крутит. А в чем дело, собственно? Не могу же я 24 часа в сутки изображать влюбленного юношу, возраст не тот. И почему вскинулась? Был нейтральный разговор: сумею ли я сыграть старого ученого в «Совести XX века». Да, трудная для меня роль. Но ведь сумел же. А сомневались, не верили...»

Сдернута картинка. Сильву сменил полный мужчина, горбоносый, густобровый.

— Я тебя понимаю,— он прикладывает руки к сердцу,— я тебя очень понимаю, Валерий. Ты нам и себе доказываешь, что нет для тебя невозможного. И ты сыграешь, сможешь. Но старый ученый — не твоя роль. Ты будешь себя приглушать, обеднишь свой талант. Подожди, когда сам будешь старый.

— А я артист,— твердит Тернов.

— Ну, я умываю руки. Поговори с автором. Откажешься сам.

Следующий кадр памяти. Вместо горбоносого грузного — суетливый коротышка. Разговаривая, все время привстает на цыпочки.

— Главный герой «Совести» — сложнейшая фигура,— объясняет он наставительно.— Его следует ощутить всесторонне. Альберт Эйнштейн был скромнейшим человеком, добрым и застенчивым. Но он создал теорию относительности, направил всю космогонию на новый путь, при жизни стал олицетворением всепобеждающего разума. Скромнейший стал знаменитейшим, всемирным авторитетом, с ним считались правители. Один хотел его уничтожить, другой по его совету запустил производство атомной бомбы. Все это вы должны показать: великого и скромного, разумного и доброго, мягкого и авторитетного, ответственного за свои советы и ощущающего ответственность — совесть XX века.

«Доброго я могу показать,— думает про себя Тернов,— скромного покажу, покажу авторитет и совесть. Труднее изобразить великого ученого. Был бы эмоциональный, всплескивал бы руками, по лбу хлопал, пританцовывал бы, сделав открытие... накопилось всякой такой театральной пошлости. Какие жесты у скромного открывателя? Довольно улыбаться будет, усы поглаживать, волосы ерошить, что ли? Не сценично. Надо поехать по институтам, послушать, как ученые спорят между собой. Это я сделаю. Вот последняя сцена меня смущает. В ней загвоздка».

Последнюю сцену «Совести» я помнил и без Тернова. В ней изображалась встреча Тернова с Мбембой, которая, конечно, произойти не могла: Мбемба родился ровно через сто лет после смерти создателя теории относительности. Но на сцене разрешается всякое. Автору очень хотелось свести Эйнштейна с современными физиками, он и свел его... на подмостках и поручил автору «Объяснимой физики» (все мы ее проходили в 9 классе) объяснить великому предшественнику, что у него бывали ошибки не только в жизни, но и в науке. И безумно непонятную «новейшую физику» XX века, непонятностью которой так гордились ее создатели, в XXI веке научились трактовать иначе — просто, разумно и понятно. И единое уравнение поля, которое мечтал найти Эйнштейн, перестали искать, такой фи-

лософский камень, математическую панацею. Перестали, потому что природа бесконечно разнообразна и не сводится к одному уравнению.

Для великого же старика единая теория поля (если верить автору пьесы) имела не только физический смысл. Сведя материю в единое уравнение, он надеялся построить в конце концов математический каркас всех законов природы — и естественных законов человечества. Отказаться от надежды всей жизни трудно, и вот он вступает в спор с Мбембой. Спорит же по-своему, привычно выписывая убедительные уравнения и приговаривая:

— Вы же видите, здесь корень из минус единицы. Мнимое время, мнимая величина.

Именно этот диалог не удавался Тернову. Что такое мнимое время? Почему «мнимое»? При чем тут время вообще? И что такое время в формулах? И какой в нем смысл?

Не понимал, не понял, но подслушал интонацию. Уловил скороговорку специалистов. Научился подражать ей. И с торжеством горючил Сильве о своей удаче:

— Понимаешь, на сцене я ученый, а не учитель, не школьный урок физики веду, а разговариваю со знатоком, для которого все эти корни и мнимые величины привычнее, чем тебе таблица умножения. Я изображаю беседу понимающих людей: они убеждены в правоте, они сомневаются, ищут доводы, они растеряны, они возмущены... Показываю чувства ученого, а не его эрудицию.

Тернов гордился своей находкой. Объяснить не способен, а изобразить объясняющего может!.. Он-то рассказывал с гордостью, а Сильва слушала без внимания. Даже перебила:

— Ну и когда же мы полетим на гавайские вулканы? Опять провороним извержение?

Я улыбнулся, вспомнив (я, а не Тернов), что была у Сильвы мечта пролететь над кратером. Она любила сильные ощущения.

Тернов выразил недовольство:

— Удивительный взгляд у тебя, Сильфида, косою какой-то взгляд. Я — артист, рассказываю тебе о работе артиста, а тебе скучно. Зачем же замуж шла за артиста?

— А ты не артист! — закричала Сильва. — Ты имитатор, мастер заученных жестов! Жесты, слова выучил, а в душе — ничегошеньки!

— Сильфидочка, что с тобой? — А в голове: «Капризы! Капризы! Да что с ней спорить. Обниму — и успокоится».

— Отойди! Руки убери!

— Сильфидочка, я люблю тебя, никого не любил так, больше жизни люблю, прикажи сейчас, брошусь в воду...

— Слова, слова! Слова Ромео, слова Три-

стана, слова Меджнуна, слова, заученные наизусть. А сам пустышка, пустышка!

Тернов в смятении. Он сбит с толку, он подыскивает слова, цитаты мелькают в голове. Опять о любви... но о любви все сказано. Обнять? Вырывается. Стать на колени? Театральная поза. Броситься на диван, закрыть лицо руками? Тоже поза.

Потом он стоит у окна, прижав лоб к холодному стеклу. За окном скудно освещенный сад. Виден силуэт Сильвы, она волочит чемодан, слишком тяжелый для крыльев. Краем чертит по песку, с трудом переваливает, пристраивая на багажник одноместного мота, входит в кабину, зажигает свет. Светлый полуовал удаляется прочь от дома, съезжается, превращается в фонарик, в светлячка, в звездочку... Погас! Тьма!

Тернов всматривается в тьму, напрягает, таращит глаза. Возникают и гаснут кажущиеся искорки. Нет, обман зрения. Не передумала. Не возвращается. Не вернется!

Не один день просидел я в шлеме с колючими иголочками, разбираясь в воспоминаниях Тернова. Память его прыгала из прошлого в настоящее и обратно, со сцены в книгу, на городскую улицу, на пляж, за облака, в людное сборище, в пустынное болото, в школьный класс. Ассоциации по месту, по времени, по фасонам, по мелодиям, по цвету переплета, по сходству, по полному несходству. А мне приходилось быть настороже и все время напоминать: «Стоп! Не туда поехал? Назад! Про Сильву давай! О Сильве вспоминай! Теперь про театр. Какие там с «Совестью» были трудности?»

И постепенно вырисовывался для меня стиль жизни Тернова — и крепко решение: «Я ему не завидую. Не хочу быть таким!»

Так и сказал я Эгвару на очередном сеансе:

— Таким я быть не хочу. Не нужен мне талант артиста.

— Почему? — спросил мой омолодитель.

Я не сразу сумел ответить. Решение сложилось раньше, чем доводы. Пришлось заняться самоанализом.

Пожалуй, история с ролью Эйнштейна смутила меня больше всего. Я человек очень жадный. Возможно, другие не замечают, потому что внешне это не проявляется. Я не на вещи жаден, да и кто в наше время польстится на вещи, если любую доставят со склада через час? Я жадно любопытен, мне хочется все испытать, все пережить. В школе до окончания так и не сумел выбрать специальность. Хотел стать садоводом, конструктором, шахтером, космонавтом, полярником, хирургом, климат программировать, дороги проклады-

вать. Как прочту книгу — хочу прожить жизнь героя... Конечно, Тернову я позавидовал потому, что Сильва его полюбила, но ведь не одной любовью дышит человек. Мне казалось: артист на сцене проживает сотню жизней, он и садовод, и конструктор, и шахтер, и космонавт, и великий физик. И вот выясняется: нет, он — лишь как бы физик, лишь внешне физик. Не дано ему счастье открытия, торжество разоблачения загадок природы. Не дано радоваться, дано изображать радость. И даже любить, как Отелло, ему не дано. Дано изобразить безумную любовь на сцене, заколоться картонным мечом и тут же ожить в ожидании аплодисментов. Но это все костюмерная, это маска, грим, скорлупа... и близкие понимают это. Лиз поняла, и Сильвия быстро поняла при всей своей юной неопытности. Нет, не возражайте мне, Эгвар, я не отрицаю сцену. Театр нужен, театр необходим людям... но сам я хочу быть подлинным. Не вижу никакой радости в том, чтобы хлопотать себя по пустому лбу, как будто там возникла стоящая идея, или бить в грудь, словно там кипят страсти.

— Но это относится ко всякому искусству: к литературе, к художеству... к портным-модельерам, даже к вам — архитекторам, строящим дома, где вы не живете. Все мы работаем для других, — напомнил Эгвар.

— Согласен, но хочу, чтобы меня любили подлинного, а не загримированного. И чтобы не проклинали домашние, когда я сотру грим.

Эгвар задумался. Мне нравится его манера не отвечать сразу заготовленными штампами. Чувствуешь, что собеседник уважает тебя, и сам себя уважаешь: значит, не банальности говорил.

— Собственно говоря, вы и не хотели стать артистом, — сказал он. — Вы пришли ко мне с иной мечтой: «Хочу, чтобы женщина смотрела на меня восхищенными глазами».

Теперь и я задумался.

— Да, мечтал. Но я не знал, что в том восхищении — самообман. Сильвия жаждала любви необыкновенной, искала ее у артиста, играющего любовников на сцене. А он и в жизни играл — вероятно, не способен был к необыкновенной. Но вот теперь я спрошу у вас, у психолога: что такое «необыкновенная» любовь? Очевидно, не заурядная, может быть, даже не нормальная, болезненная, неразумная, безумная... Выходит, что, любя необыкновенно, я должен всю жизнь посвятить служению женщине. А вы уверены, что женщине понравится такое служение, что она будет уважать мужчину-слугу, восхищенными глазами смотреть на обезумевшего от любви?

— Женщин восхищает не только необык-

новенная любовь,— возразил Эгвар.— Женщины восхищаются и подлинными героями. Вас никогда не тянуло к героическому?

— Было такое,— признался я.— Но это уже на следующем этапе жизни.

ГЛАВА 3

Все эти страдания с Сильвой обрушились на меня в самое неудобное время: накануне прощания со школой, перед окончательным выбором жизненного пути.

За аттестат я не волновался. При выпуске из школы случайностей не бывает. Учителя меня знали не первый год, мнение обо мне сложилось. И какую бы глупость я ни сморозил на экзамене, я не поколебал бы свою многолетнюю репутацию. Старательный середняк, звезд с неба хватать не будет, положиться можно в любом деле.

Вот и предстояло мне выбрать любое дело.

Кончали-то мы все мотористами. И работал я мотористом. Но не было у меня тяги в большую технику, не было любви к бессловесным трудягам-машинам.

Мама хотела, чтобы я стал учителем: твердо была убеждена, что нет на свете дела важнее, благороднее и почетнее. Я и сам серьезно подумывал о школе: с детишками возился охотно, умел утешать малолеток, дарить любил и люблю, обожаю загоревшиеся глазенки. Но это все развлечения на отдыхе, не на уроке. А педагог должен ежедневно вдалбливать всякое по программе: и скучное, и нудное. Но скучное скучно мне самому. И мне неприятно заставлять людей делать неприятное. Вообще предпочитаю делать, а не командовать... стесняюсь напоминать, уговаривать, надоедать, лучше я сам, мне не трудно.

Педагог не может же сам решать задачи, ему нужно научить и приучить.

Подумывал я и об архитектуре, об истории архитектуры точнее, увлеченный всякими закомарами и аркбутанами. И снова сомневался: с одной стороны, увлекательно, а с другой... Ну, буду я облетать памятники, описывать, открою даже что-то до меня не замеченное. Но где тут мое, где «я сам»? Экскурсовод при чужом мастерстве, вторичная какая-то работа. Пусть не обижаются на меня искусствоведы, без искусствоведения я и сам не понимал бы искусства. Но мне лично хочется вручать человечеству, человечкам всяким собственноручные подарки: это я сам сделал, сам!

То не идеал и это не идеал. Однажды спросил себя: «А собственно, есть ли занятие, ко-

торым занимаюсь с наслаждением?» Ответил: «Крылья! Больше всего люблю летать за облаками». Если бы была такая профессия — крылатый почтальон, с удовольствием выбрал бы ее! Но нет же такой профессии, пневмопочта повсюду. И даже крылатые спасатели — альпийская скорая помощь — работают на струелетах. Пойду я на струелет? Но там же главное не транспорт, а медицина, там надо иметь дело со сломанными костями, кровью, гноем. А я жалостлив, но брезглив. И крови не переносу совсем. Вот если бы словом можно было лечить: «У вас, больной, неполадок в печени. Сосредоточимся! Печень, печень, будь здорова...»

Так что колебался я. Прочту интересную книгу, хочу быть похожим на героя. Слетаю на экскурсию в сады, на завод, на энергостанцию — хочу садоводом, инженером, энергетиком...

Колебался, то с одним товарищем сговаривался, то с другим, а выбрал под влиянием отца.

Как раз он вернулся в ту пору на Землю. С Титана или Тритона, не помню уж точно. Еще не старым вернулся, но окончательно. Ведь у них, на Титане и Тритоне, рабочий день ненормированный, сколько надо, столько и дежурят. Не посылать же в космос шесть смен — по четыре часа обязательных на каждую! Космонавты трудятся плотно, без выходных... В общем, отец накопил лет десять отпусковых — до самой пенсии.

Он появился у нас в доме неожиданно и как-то сразу помирился с матерью. Видимо, любила она его, всю жизнь одного любила... Устав от долгих странствий, он охотно занимался домашними делами, что-то переставлял, налаживал, перестраивал и дома, и в нашем палисадничке, и в материнском детском саду. Руки у него были золотые, все-то он умел сделать сам. И зачастили к нему в дом люди в серебряной форме космопроходцев или же с серебряными кантами отставников. Обычно они собирались к ужину и засиживались до полуночи. Не так уж много съедали и выпивали, больше вспоминали и похихивали:

— Хэм, не хочешь ли салат с луком? Свежий, зелененький!

— Ха-ха-ха!

— Сюэ, у меня что-то трубка засорилась. Продуй, будь другом!

— Ха-ха-ха!

— Друг-хозяин, а ты очки завел? Это хорошо, предусмотрительно. А то призрак глаза выколет!

— Ха-ха-ха!

— А помните, как Энд Ган поехал на Луну верхом на ракете?

— Да уж, было дело. Я сам обомлел, ва-
режка нараспашку...

Они пересмеивались, а я все впитывал,
сидя в углу. Постороннему, конечно, трудно
было следить за их беседой, переполненной
намекми на стародавние приключения. Но,
запомнив реплики, я на следующий день тре-
бовал у отца пояснений.

Оказалось, что у Хэма при посадке на Га-
нимед облучился весь продуктовый склад.
Пришлось питаться остатками от предыдущей
смены, а остались у них сахар, кофе и лук.
И три месяца до следующего корабля Хэм
жевал кофе, заедал его луком репчатым или
же, для свежести и разнообразия, зелеными
перьями. На всю жизнь наелся лука.

А Сюэ в своем рейсе чуть не задохнулся.
У него была система жизнеобеспечения с ре-
генерацией: хлорелла вырабатывала кислород.
Хлорелла была, но процент кислорода все
снижался. Сюэ, будучи биологом, все искал,
чем же болеет хлорелла, чего ей не хватает.
Менял подкормку, температуру, добавлял ви-
тамины. Для дыхания был установлен рацион;
вся команда лежала в лежку, чтобы дышать
экономнее. Финишировали на грани гибели,
а на Земле выяснилось, что трубы обросли

(120) изнутри каким-то мхом, кислород проходил с
трудом.

С призраками, выкальывающими глаза, свел
знакомство мой собственный отец в самом
первом рейсе, когда был новичком и не знал,
что, ложась спать в невесомости, надо руки
заткнуть за пояс, чтобы не болтались во сне.
Проснулся... и обомлел: кто-то в глаза ему
пальцы тычет, выколол норовит. Всполошил-
ся, кричит:

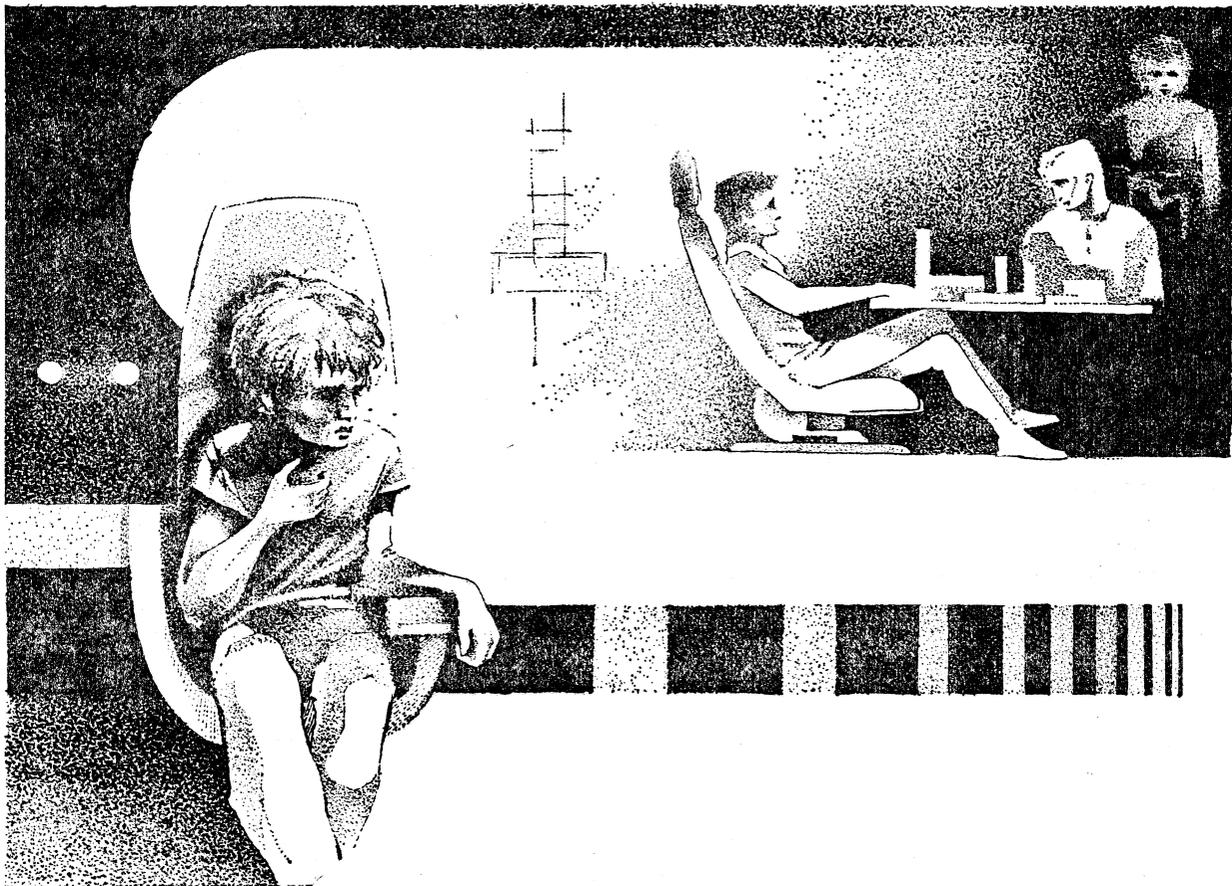
— Кто в кабине? Кто залез? Осторожно!
Мои глаза!

А это были его собственные пальцы.

История же Энда Гана, вылетающего вер-
хом на ракете, была просто страшной.

Ракета готовилась к взлету, и что-то не
ладилось с радио. Ган вылез наружу, чтобы
поправить антенну, а автоматы по ошибке
включили зажигание. Ракета вздрогнула; Ган
глянул вниз, увидел клубы дыма, озаренные
пламенем изнутри. Подумал, естественно, что
ракета стартовала. «Все! Конец! Смерть!»
Инстинктивно вцепился в скобы мертвой хват-
кой. Через минуту ракета была бы в страто-
сфере, даже если бы и не сорвало, все равно
задохнулся бы. К счастью, двигатель отклю-
чился, пламя погасло. Гана же едва оторвали

Аэлиты-88

от скоб. Он ничего не соображал, окаменел, держался мертвой хваткой. Но между прочим, через две недели улетел-таки на Луну...

Я понимал, что Гану солоно пришлось от этой верховой езды на ракете, но всей душой мечтал быть на его месте. И получив диплом, записался в космическую отрасль, даже отпуск не стал использовать. Уже через неделю вылетел на космодром. Выбрал дальний тихоокеанский Паго-Паго на островах Самоа.

Некоторую роль в спешке сыграла и Сильва. Очень хотелось мне помочь самому себе выдержать характер, сделать невозможными унизительные бдения под ее окнами, даже и радиовывозы затруднить. Ведь Самоа на другой стороне планеты, там день, когда у Сильвы ночь. Схватишься за браслет, вспомнишь, что время неподходящее. Отложишь на полдня и одумаешься. Отчетливо помню, что я это учитывал сознательно.

Моторист — универсальная профессия, для моториста дело нашлось и в Паго-Паго. Посадили меня за пульт малого портового крана, научили присасываться и отсасываться, кантовать, переставлять и укладывать ящики малогабаритные, крупногабаритные и средние. Вот я и кантовал их двадцать четыре часа в неделю, кантовал, поглядывая из-под навеса на плакатно синий, ненатурально синий тропический океан, весь в сплящих бликах от жестокого солнца. Четыре дня кантую, три выходных — полная свобода.

Даже растерялся немного. Свобода эта больше всего смущает после твердых рамок школьного расписания. В школе у тебя уроки, лекции, лаборатория, практика, домашние задания, общественная работа, шефство над младшими, обязательно спортивный час, библиотека — все за тебя продумано, предусмотрено. И вот внезапно, без всякого перехода — ливень свободных часов. Делай, что хочешь, а если хочешь — ничего не делай, плавай, валяйся на пляже, летай над стеклянной лагуной, высматривая рыб в прозрачной воде, ныряй между коралловыми рифами, в пальмовых рощах прогуливайся. Претензий нет. Свое отработал.

Райская жизнь в райском уголке.

Очаровал меня Паго-Паго. Но и разочаровал.

Я-то шел в космическую отрасль в наивной надежде стать космонавтом, серебряным, как мой отец. Но в Паго-Паго я узнал, что и вообще-то едва ли один из ста жителей космограда работал в космосе, а уж серебряного и не каждый день встретишь на улице.

Задним числом знаю: таков дух всех вокзалов — сухопутных, морских, воздушных и космических. Есть там проезжающие и есть провожающие: чем дальше и труднее дорога,

тем больше процент провожающих. Как у нас говорили, «один у штурвала, подсобники навалом». Почти все молодые приезжали в Паго-Паго с мечтой о планетах. Кто же с юных лет собирается остаться мотористом? Но космос принимал один процент, и то не в серебряные, в голубые — в монтажники космических городков. Остальные оставались на Земле, смирялись, женились, работали на складах, на ремонте, на учете, на обслуживании. Я работал с ними в порту, жил рядом, в гости ходил, без особого энтузиазма. Наш школьный класс был разнообразнее, даже содержательнее, пожалуй. Возможно, таково свойство старших классов вообще. Ребята разные, разные интересы. Этот рисует, рассуждает о композиции и колорите, тот хочет быть организатором, изучает психологию лидеров и ведомых. Да и предметы разные: то анализ, то биохимия, то теория искусства. А в Паго-Паго все вокруг портовые работники, и разговоры у них портовые. Или же семейные — про жен и детишек, а где детишки, там и заботы. И у всех примерно одинаковые.

Возможно, и я со временем стал бы таким же: натанцевавшись, женился бы на какой-нибудь смуглой, погрузился бы в заботы, семейные и портовые, если бы не новый друг мой Виченцо.

За малый рост величали его Малышом, не карликом был, но маловат для двадцатилетнего. Ноги у него были короткие, но тело стройное и пропорциональное, а лицо впечатляющее, на редкость выразительное: напряженные горящие глаза, лоб высокий и высоченная шапка черных кудрей. Подозреваю, что Ченчи нарочно не стригся, чтобы казаться повыше.

По натуре Ченчи был неуступчивый спорщик, фанатичный борец за недостижимое. По-моему, космос и привлек его своей недоступностью. Не мог он примириться с тем, что каждую ночь видишь над головой звезды, но ни одну нехватишь рукой. В отличие от меня, собравшегося в космос перед самым выпуском, Ченчи мечтал о небе с младших классов. Он наизусть знал учебники астрономии, летописи космических полетов, начиная с Юрия Гагарина, читал дневники космонавтов, рассказывал тысячи увлекательных историй об альфах, бетах и гаммах любого созвездия.

Хотя в Солнечной системе до наших дней не обнаружили никаких намеков на маломальски сложную жизнь, Ченчи был глубоко уверен, что разумные и мудрые цивилизации повсеместно распространены во вселенной, только ищут их не там и не так. Высокоразвитые братья по разуму не шлют к нам никаких кораблей, им это не нужно. Они умеют

воспринимать наши мысли на расстоянии и передавать свои. Почему мы их не слышим? Потому что не прислушиваемся, не натренированы, да еще земная атмосфера насыщена радиоболтовней, заглушающей тонкие послания звездожителей. В особенности сейчас, когда у каждого на руке браслет, все галдят по пустякам, загромождают эфир. И Солнце мешает со своим радиоизлучением. Чтобы услышать мудрых, надо удалиться в дальний космос, лучше всего за орбиту Плутона, на худой конец — на астероид, на обратную сторону спутника, экранированную от солнечного и земного радиошума, а там — настроиться и сосредоточенно ждать. Сам Ченчи уже умеет настраиваться, научит и меня.

Ченчи сразу подкупил меня своей целеустремленностью. Ведь я выбрал специальность, как мальчишка, как большинство мальчишек. Они хотят «быть» — быть художником, быть командиром, быть космонавтом. Но что рисовать, как и зачем командовать, куда лететь, об этом как-то не думается, не представляется ясно. Ченчи же твердо знал, что он намерен делать в космосе. И я, плывущий вслепую, наугад, охотно присоединился к видящему цель.

И сколько же часов провели мы с ним, мечтая, как высадимся на Плутон, как будем любоваться звездным небом в безмолвии, как начнем прослушивать звезды одну за другой (список был составлен) и как мы услышим однажды... и что же мы спросим, и что ответим от имени Земного шара... У друга моего был заготовлен вопросник, целая анкета. Называлась «Горизонты и белые пятна». По энциклопедии составлялась. Например:

В космосе астрономия дошла до... Что дальше?

В микромире физика дошла до... Что глубже?

Земля произошла из... Солнце из... Вселенная из... Что было раньше?

Мы посетили планеты, у нас есть планетолеты... Как построить звездолет, галактолет... метавселенолет?

И так далее, по всем отраслям знания, по всем проблемам техники. Две с лишним тысячи вопросов, и список пополнялся непрерывно. Я тоже предлагал дополнения, больше по делам житейским, скажем: как сделать, чтобы все люди были счастливы в любви? Как добиться, чтобы не было споров и столкновений? Как сделать всех красивыми и умными?... В таком духе.

Ченчи морщился, мои проблемы казались ему детскими, ненаучными, недостойными вселенской дипломатии, но из дружбы он вносил их в регистр, не в первые номера, в двухтысячные.

[122]

К сожалению, только я единственный уверовал в его теорию. Никто не хотел организовать экспедицию прослушивания звездных мыслей. Ченчи приходилось пробиваться в космос самостоятельно. Стать серебряным он не рассчитывал при своей тщедушности, слабосилии и склонности к простудам, хотя и боролся героически с собственным телосложением: с детства закалял себя, купался в ледяной воде, ночевал в спальном мешке на снегу, мучил себя многочасовой зарядкой, превращая жилы в мускулы. Силы не прибавил, но стал ловким и проворным, как обезьянка. Правда, выдыхался быстро, но при случае мог напрячься и рвануть. Как и я, прибыв в Паго-Паго, Ченчи был разочарован, узнав, что нет никаких шансов попасть в серебряные. Разочарован, но не обескуражен. Выяснил, что космические курсы здесь все-таки есть, не серебряных готовят, а голубых — космических монтажников, строителей околоземных и окололунных поселков, летающих обсерваторий, лабораторий, заправочных, электростанций.

— Ладно, сначала буду монтажником, — решил Ченчи, — важно выйти в космос, а там пробьюсь и на планеты.

И конечно, я тоже решил стать монтажником. Но даже и в голубые не так легко было попасть: десять желающих на одно место! Отбирали исключительно по здоровью. Ведь монтажнику и не требуются чересчур сложные знания: среднее образование, старательность, добросовестность, как у меня. Нужны сила, выносливость, ловкость, терпение, понятливость, сообразительность.

Отбирали простейшим способом — надо было за год сдать стоборье. Если не все сто норм, то девяносто, восемьдесят — сколько успел, сколько сумел. Были в списке нормы мускульного спорта — бег, плавание, ныряние, нормы снарядные — велосипед, ролики, ласты, акваланг, крылья, нормы технические — авто-, гидро- и аэровозждение и так далее, смотри «Наставление по сдаче норм стоборья». И так, включился я. Свободное время было заполнено, цель обозначена. Отныне ежедневно, смыв рабочую пыль в прибрежной воде, отправлялся я на стадион в сектор номер 1, номер 2, номер 3... По графику.

Конечно, можно было провести все эти испытания и быстрее, не обязательно же через все сто норм проходить. Но тут у конкурсной комиссии был свой расчет. В сущности, сдавали мы еще и сто первое испытание: на твердость характера, на стойкую любовь к космосу. Нестойким не хватало терпения, они отпадали через месяц-другой, застряв на десятой норме.

А мне стоборье пришлось по душе. Понра-

Аэлита-88

вилась зримая наглядность достижений. Сегодня ты сдал седьмую норму, через неделю восьмую и девятую. Идешь вверх со ступеньки на ступеньку и точно знаешь, сколько прошел, сколько осталось. Всю жизнь меня привлекала работа, поддающаяся измерению: километры, часы, страницы, в данном же случае — нормы. Восьмая норма — восемь процентов дела, девятая — девять. Зримое движение.

Нравилось преодолевать трудности. Не ценил я легкие нормы: пришел, поднял, даванул — и поставили галочку. Интереснее было чему-то выучиваться, осваивать, набирать умение, оскандалиться раз, другой, третий (сдавать разрешалось хоть десять раз), но все же победить сантиметры, секунды и самого себя. Дешевый успех не радовал, трудную норму я побеждал с гордостью.

Нравилась и присущая нормам независимая самостоятельность. Вот тебе цифра, вот задача, вот рубеж, бери его. Ты и задача лицом к лицу, никто не поможет и никто не помешает. Засучивай рукава... С детства любил я самолично засучивать рукава.

Да и радость тела привлекала. Мускулы порботали, налиты здоровой усталостью, в голове сознание исполненного долга. Пускай сознание это ложное: не долг выполнял, упражнялся, готовился к исполнению долга. Но чувство такое: «Я поработал. Я силен. Я могу. Молодец!»

Я даже заколебался. Может, в том мое настоящее призвание: радоваться радостям тела, учить неумеющих радоваться? После очередного успеха, 24-й или 27-й нормы, спросил совета у тренера. Помню, на пляже был этот разговор. Плавание у меня шло хорошо, похоже на крылатый полет, движения сходные, а на полетах-то я натренировался. Помню, как тренер смотрел на меня прищурившись, седоватый, шоколадный от загара, грузный несколько.

— Не советую, — изрек лаконично.

Я пытался спорить:

— Понимаю, у меня средние данные. Но я терпеливый и трудолюбивый. Вы же видите, как я стараюсь. И подвигается дело!

— Не советую, — повторил он. — В спорте распалиться надо. Разозлиться. На себя даже.

— На себя я часто сержусь, — уверял я.

— Все равно не выйдет. В спорте толкаться надо иногда. А ты уступчивый. Уступишь. И отвернулся. Отсек вариант моей спортивной жизни.

Я возвратился к своей лестнице, ведущей в космос.

Ступенька за ступенькой. Первый раздел... второй... третий.

Первый раздел был чисто цифровой: мы

боролось за показатели, побеждали сантиметры и километры, вписывались в секунды. Здесь отпали самые неуклюжие, ленивые или нетерпеливые. Треть отсеялась. Надежда забрезжила.

— Дойдем! — сказал Ченчи. — Дали клятву, обязаны дойти.

Второй цикл норм принимался на природе: на горных склонах, на извилистых дорогах, на волнах, за облаками. На природе день на день не приходится: сегодня дует ветер, завтра его нет. Значит, и цифры не очень определенные, соревнуешься не с нормативом, а друг с другом. Идет десять человек, первая пятерка сдала экзамен, прочие непригодны. Здесь тоже разрешались повторные попытки. К тому же Ченчи избрал маленькую хитрость, обман, если называть вещи своими именами: там, где он был слабее, а я сильнее, я ему поддавался. Стало быть, не пять человек, а только четырех надо было ему обойти. Все-таки небольшой шанс, облегчение успеха. Правда, совесть моя тревожилась немножко, но Ченчи меня убедил. «Когда мы свяжемся с неземными, человечество будет благодарить нас за находчивость», — уверял он. Жульничество называл находчивостью мой друг. Непреклонный был фанатик.

И второй цикл миновали мы. Еще треть соперников за бортом. Не так уж много нас осталось, примерно три человека на одно место, но зато самые сильные. И впереди уверенно шла группа предусмотрительных, тех, что выбрали космос много лет назад — заранее знали, что им предстоит стобсрье, и тренировались в школе. Конечно, они должны были захватить большинство мест. Но и для нас — средних — была некоторая надежда. Она сводилась к турниру четверок (двое выбывают, двоих допускают к экзамену), а в четверку могли попасть и не самые сильные. И надо же: мы с Ченчи оказались в одной группе — прямые соперники!

Целую ночь мы обсуждали тактику. Двое выбывают, двое остаются. Чтобы остаться, надо набрать очки — больше половины возможных. Но вот беда: мы и друг с другом соревнуемся, друг у друга будем очки отнимать, трудиться на пользу соперников.

— Надо бороться по-честному и в полную силу, — говорил я.

— Но мы будем себя изматывать, противникам помогать, — возражал Ченчи. — Давай лучше условимся, кто кому проигрывает на ковре, в воде, в небе. Силы сбережем, по крайней мере.

— Мне противно уславливаться, — твердил я. — Лучше я просто откажусь от борьбы, сниму свою кандидатуру.

— Ерунда! Это ничего не даст, — волно-

вался Ченчи.— Если откажешься, включат в четверку кого-то постороннего, может быть, самого сильного. Нет, пусть хоть один из нас пройдет. Устроится в космосе, постарается вытянуть второго.

И поспорили мы, и поругались, и дали торжественное обещание не терять дружбу, сохранить верность идее, жизнь положить, но связаться со звездожителями.

— Чего мы кипятимся? — сказал Ченчи.— Ради курсов монтажников? Монтаж — предварительная ступень для нас. Все равно на стройке у них радиогвалт, звездного шепота не услышишь.

А я сказал, что и у монтажников бывают тихие часы. После смены можно выйти в свободный полет. Так что лучше, чтобы Ченчи победил, он сразу сможет услышать что-нибудь, а мне еще учиться этому. Ченчи же сказал, что лучше победить мне: он все равно пробьется в космос, а я могу и не выдержать характер. А я сказал... а он сказал... и к утру мы решили вести борьбу по-честному, но с остервенением, так, чтобы завоевать и первое и второе место.

Как нарочно, организаторы выбрали такие виды спорта, чтобы действительно мы боролись в прямом смысле слова: лицом к лицу. Какие-то соображения у них были о готовности к непредвиденному в космосе, проверке стойкости, находчивости при встрече с каверзами природы. Пять игр предложили нам — на ковре, на земле, на воде, в небе и в космосе... да, и в космосе. И все лицом к лицу. Вот он — Ченчи, и ты его кладешь на лопатки.

И конечно, я его положил на лопатки. Неравная борьба была, я тяжелее и сильнее. Чтобы шансы уравнять, надо было бы устроить что-нибудь во вкусе гладиаторов: один с мечом, другой с сетью. Возможно, юркий Ченчи запутал бы меня, неторопливого. Я даже предложил тренеру такой вариант, но он сказал, что в космосе нужна и сила. Я и придавил Ченчи, получил очко за силу.

Затем последовало испытание ловкости. На волнах мы играли в пятнашки. Обычная детская игра: на подошвах иисуски, в руках краскомет, кто кого забрызгает краской. Пляшешь на волне, с гребня на гребень перепрыгиваешь, равновесие держишь, а тут еще и целиться надо, и от прицела увертываться. Конечно, я проиграл моему шустро-другу. Опомниться не успел, как он раскрасил меня с ног до головы.

После этого был лесной кросс с ориентировкой. Я очень рассчитывал отыграться, потому что дистанция была порядочная, километров пять по горным склонам, и все

вверх-вниз, вверх-вниз: полагал, что Ченчи выдохнется. Но он пришел намного раньше, встретил меня у финиша с насмешливо-торжествующей улыбкой. Похвалялся: «Этакую дорогу нашел!» Но не объяснил, которую. Вероятно, пошел на смертельный риск, срезал серпантин, спустился в пропасть, хватаясь за надежные лианы. Нам запретили это, можно было опростововать, но я не стал. Друг же, хотя и соперник.

Еще были крылья. Но в воздухе-то я был хозяином, конечно. И получился у нас счет равный, могли бы и в самом деле не стараться, поделить очки пополам.

Но впереди было решающее соревнование — космический слалом. Во многих отношениях решающее. Своего рода экскурсия в будущую жизнь: выезд на спортивную базу космонавтов. Стационарная орбита, высота 35 тысяч километров, всего три дня на акклиматизацию и сразу же три схватки с соперниками по четверке.

Я даже ворчал: что это за срок — три дня! Тренер сказал: это испытание гибкости человека, умения приспособляться к новизне. И еще дал совет: «Юш, запомни, не надо спешить. В космослаломе нужна точность и плавность. Не спеши! Потренируй себя на точность».

Я передал эти слова Ченчи. Он что-то хмыкнул невнятное — в том смысле, что не банальными ходами выигрывают партию.

Слалом был решающим и потому, что положение в четверке сложилось очень острое. Мы вели борьбу с остервенением, но и противники наши — тоже. Сейчас я даже имен их не назову. Помню, что был в нашей четверке американец, плотный и флегматичный, то ли ленивый, то ли равнодушный, то ли притворялся равнодушным, все твердил, что ему важна не победа, а игра. И еще японец — долговязый длиннорукий акселерат, почти два метра ростом. Вот этот длиннорукий и набрал восемь очков, практически был близок к успеху, у меня же было шесть очков, а у американца и Ченчи — по пяти, так что каждая встреча играла роль.

Так или иначе, хотя в космонавты я не был пока принят, но в космос попал. Перегрузка в пути на базу была не слишком большая, пассажирская, трехкратная, но с непривычки лежал я в изумлении с открытым ртом, не мог понять, почему воздух застрял в горле, не выдыхается и не вдыхается. Потом лоб приклеивал к иллюминатору, изумлялся на цветной глобус — родную планету. Россия-то была во тьме, Паго-Паго я пытался разглядеть. Да где там! Исчезла соринка в океанской синеве... Потом невесомость была. Не очень понравилась мне: оказалось, что я

«кошка» на космическом жаргоне. В отличие от собак, рассчитывающих на зрение, кошки, великие мастера равновесия, худо переносят невесомость, где отказывает их вестибулярный аппарат. Вот и меня малость поташнивало, но чуточку, а Ченчи основательно — он позеленел, всю дорогу до базы не выходил из туалета... по-моему, и на базе валялся полдня, хотя там уже было подобие тяжести: не полный вес, десятипроцентный, но все-таки отличали мы пол от потолка.

А я не уходил с наружной галереи. Все любовался и не мог налюбоваться родимой планетой, рассматривал многоцветный глобус и в бинокль, и в телескоп, и невооруженным глазом, угадывал очертания материков под густыми завитками циклонов и антициклонов, выискивал световые пятнышки городов.

День дали нам, чтобы перевести дух, а на другой приступили к тренировке; да и тренировкой это не назовешь, ознакомление. Вывели в свободное пространство, вручили реактивный пистолет, повторили раз десять, пока в голове не засело: «Рука вытянута, пали с вытянутой руки, только вытянутая рука обеспечит правильное направление. Вытянутой рукой, вытянутой, не коси, не коси! Рука над головой — тормоз, рука за спину — ускорение, рука направо — поворот налево, рука налево — поворот направо. Ты отталкиваешься, отталкиваешься, отталкиваешься! Как на лыжах, как на лодке, как на крыльях».

За полдня освоили мы пистолет. Сначала на привязи упражнялись: гоняли нас по кругу, как лошадей на корте. Потом отвязали, проводили на слалом. Тут же возле базы его раскинули; стандартная дорожка — шесть колец и спирали: две коленчатых, две трубы прямых и две трехмерные улитки. Покрутился я час-другой и понял всю резонность советов нашего тренера. Действительно, кольцо можно и даже нужно проходить в темпе, можно разогнаться и в прямой трубе, но для колен и извивов улитки необходима аккуратность. Я и отрабатывал ее, сживался с пистолетом, чтобы стал он продолжением руки, чтобы привык я дулом его, как ладонью, отталкиваться от прозрачной черноты.

Получалось.

И потому еще получалось, что раздобыл я один секрет. Постоянный работник базы поделился, разговорились мы с ним на наружной галерее. Тоже суперглобусом любовался... Заметил он, что меня подташнивает, посоветовал подручные средства: глоточек одуряющего, чтобы мозжечок приглушить, и три капли белладонны, расширяющей зрачки. Еще фонарик дал усиленный, чтобы ярче высвечивались кольца. В общем, весь рецепт:

125] глаза напрягай, глаза, ориентируйся на зрение, не прислушивайся к телу!

Я тут же побежал к Ченчи, но он глянул на меня волком и отвернулся, словно мы уже не друзья и даже не соперники, а дуэлянты. И спать ушел в другую комнату, и на тренировках все держался в отдалении. Я в спирали, он в улитке, я — в улитку, он — в спираль. Может, какой секрет таил, не знаю. Я даже обиделся немного. Решил: навязываться не буду. Врозь так врозь. И пусть, как принято говорить, победит достойнейший!

День и еще день дали нам на освоение. И притерпелся я, даже приохотился к космосу. Пустота не угнетала больше. Собирался поутру как на работу, как на свой мотокран в Паго-Паго. Там халат с нарукавниками застегиваешь на молнию, тут скафандр... Вышел из шлюза, оторвался от фала — и словно в воду нырнул. Рука за спину, прямым ходом на снаряды. Заблудиться невозможно: сверкают на черном фоне солнцем вычерченные кольца, спирали, хитроумные улитки.

Почему-то не волновался я на старте. Если Ченчи победит — это по справедливости, ему космос нужнее. А не победит, сам виноват: мудрил, дулся, советов не слушал. К тому же не последняя у нас схватка: еще с японцем, еще с американцем.

Правда, перед самым стартом узнали мы, что ситуация обострилась до крайности. Долговязый наш Судзуки (вспомнилось: Судзуки его имя) обошел американца, набрал девять очков, обеспечил себе выход в финал. Значит, на троих осталось одно место. Тут нельзя было терять очки ни в коем случае.

Внимание! На старт!

Тело вытянуто, условно лежащее положение, правая рука нацелена на кольцо, левая заведена за спину, палец на кнопке.

Марш!

Вынеслись! Жму на кнопку, нагнетаю скорость. Первое кольцо приближается, расширяется, надвигается, надевается на меня. Но правее выходит что-то круглоголовое. Понимаю: Ченчи впереди. У него свой козырь: он легче, а пистолеты стандартные, малую массу разгоняют лучше. Тут ничего не поделаешь, единственная моя надежда на аккуратность. Заранее надо обдумывать, куда целить, когда тормозить, поворачивать. «Тише едешь — дальше будешь» — закон для спиральной улитки. А для колец другой: «Гони в хвост и в гриву!»

И кольца Ченчи проскочил раньше меня... Но чуточку вкось. Второе плечом задел. Я же сзади шел, хорошо его видел. Задел, и пришлось выравниваться, зигзагами Ченчи пошел, чуть не проскочил мимо третьего кольца. Не так уж много выиграл на прямой.

Тогда я совсем успокоился. Понял, что Ченчи обязательно запутается в улитке.

И кольца прошел он нечисто, и в трубу прицелился плохо, все время задевал проволоку. Возможно, старался дорогу мне загородить, косо держался и меня заставлял притормаживать. Может, именно этот прием подсказали ему на базе, но другу моему мастерства не хватало, он и сам стенки царапал. В первом же колене ударился на повороте, всю скорость растерял. Однако я не сумел его обойти, его поперек развернуло. И во второе колесо он нырнул все-таки раньше меня, и в улитку тоже. Но там подряд шли сплошные кривые и сопряжения кривых, в одной плоскости и в другой, перпендикуляры и полные обороты. Тут уж я намеренно заставил себя отстать, «шепотом» шел, готовый к неожиданному развороту. И вот вижу: впереди, даже не впереди, а рядом — вспышки, вспышки. Засел мой Ченчи, влетел в проволоку с разгона, застрял, как муха в паутине, и бьется, бьется, и в панике уже запутался, толкает себя наугад направо, налево, вверх и все глубже влезает в спираль. А я тихонечко выплываю на простор. В каком-нибудь полуметре от него проплываю, почти вплотную скафандр к скафандру. И вижу его лицо, страшное лицо: рот раскрыт, губы поджаты, зубы оскалены, а глаза выпучены, зрачки расширены, сплошные зрачки от верхнего века до нижнего, и отчаяние в зрачках, паническое отчаяние.

И тогда... тогда, вытянув руку наискось, я выпалил куда попало. Выпалил, завертело меня и уткнуло головой в сетку. А я все палил и палил, глубже забивал себя.

Мгновенное решение было. Ничего я не успел взвесить, ничего не обдумал. И не помнил о великой всегалактической задаче Ченчи, и о дружбе не помнил, и о клятвах товарищества не помнил. Не мог смотреть в эти отчаянные глаза. Пусть будет как будет. Я ему мешать не стану.

Но все равно проиграл он: и японцу, и американцу. По той же причине: спешил, суетился, обогнать хотел и запутывался.

И я проиграл. Как-то остыл. Не старался.

За битого двух небитых дают. Небитый, победив, гордо шествует вперед, битый задумывается — на той ли он дороге?

Вот и я задумался — на той ли я дороге?

Работаю в космической отрасли, где 99 обслуживающих на одного летающего. Я и есть служба — моторист, кантующий ящики. Могу и дальше кантовать, это нужное и полезное дело. Но мне не нравится, как скантовалась моя судьба. Я рвался вверх, а остался внизу — при ящиках.

Остался потому, что побеждает достой-

(126)

нейший. Нас было десять желающих, я оказался четвертым. Мог бы стать и третьим, если бы не отчаянные глаза Ченчи. На будущий год буду третьим или вторым, может быть, и первым, если повезет, если вложу все силы души в тренировку.

Тренировка мне приятна. Тренировка — это игра мускулов, это радость тела, приятное ощущение проделанной работы. Но... Есть еще радость ума, и она почему-то мне кажется более достойной. Понял, объяснил, додумался, открыл, предложил, изобрел!.. В нашу умственную эпоху радости ума общественно-полезны. Радости тела эгоистичны. Какая польза окружающим от того, что я пробежал стометровку за десять секунд с десятками? Беговая дорожка — всего лишь дорожка, куда-то прибегаешь по ней. И куда же я могу прибежать, если... если... если? В монтажки, в голубые. Серебряный скафандр мне даже и не светит: нужно еще и еще тужиться годы, чтобы из достойных выбиваться в достойнейшие. Но я и не выбьюсь. Потому что я «кошка», потому что меня поташнивает в невесомости. Поташнивает!

В сущности, я и монтажник был бы никомушний. В лучшем случае — моторист по искусственной гравитации на базе. Опять обслуга! Увы, непригоден я к тому даже, чтобы сваривать балки в космосе.

А если непригоден для космоса, могу сваривать те же балки на Земле. И не обязательно в космограде, где это занятие второстепенное. Есть на Земле места, где строительство — основа.

Так я рассуждал.

И расстался я с Паго-Паго. Ушел на земное строительство.

Ченчи же держался за свою мечту. Подавал и в голубые и в серебряные — через год, и через год, и снова. И все проваливался: браковали его по состоянию здоровья. Тогда, обнародовав свою секретную теорию, стал он добиваться командировки в космос для связи со звездожителями. Добился, к моему удивлению. В наше время уважают фанатиков науки... Ченчи прожил два месяца на спутнике. Слег. Не выдержал двухмесячной тошноты. Отлежался на твердой Земле, сделал себе операцию — испортил вестибулярный аппарат. Добился отправки на Плутон. Что-то услышал — то ли услышал, то ли вообразил, проверить было невозможно: кроме него, не слышал никто. Специальная комиссия вычитывала и сличала его протоколы, пока не обнаружила противоречия. По-видимому, Ченчи что-то чудилось, но он забывал, что именно чудилось в прошлые разы. Получалось, что звездожители сами себя опровергают.

Аэлита-88

Все это я узнал уже от третьих лиц. Наша дружба с Ченчи распалась, как только искренность исчезла из нее. И сам он меня обманывал, и почему-то не поверил, что я нарочно поддался ему в улитке. Даже обиделся. Ему не хотелось быть обязанным мне. И Ченчи начал избегать меня, а потом я уехал из Паго-Паго в Сибирь. Встретаться не довелось, а вызывать человека на браслет без дела не хотелось. Еще в школе приучали нас не звонить попусту, не покушаться на чужое время без необходимости.

Итак, ушел я из космической отрасли в строительную. Там и работал до сего дня. Жил на удобной, уютной, благоустроенной Земле, не в космической пустыне, строил удобные, уютные, благоустроенные города в Западной Сибири и у Аральского моря, на Балхаше, на Байкале, в Монголии. Учился. В строительстве учатся все желающие. Конкурса нет, на строителей спрос повсюду. Выучился, работал, продвигался. Ценили, уважали, советовались со мной. Чувствую, что потрудился с толком, была отдача. Но все-таки осталась в сердце заноза. Чего-то недобрал в жизни, что-то упустил существенное. Не довелось мне щеголять в серебряном мундире с сотней в петлице, питаться кофе с зеленым луком, задыхаться из-за труб, заросших мхом, и прижиматься к ракете, думая, что она уносит в космос. Не довелось!

Но ведь конституция некосмическая. «Кошка»!

Так что, пожалуй, в следующей молодости попрошу я космическую конституцию: железное здоровье, как у моего отца, могучий рост, как у Судзуки, и «вестибули» послабее, чтобы не мешали мне на космическом слаломе.

С тем и отправился я в центр омоложения.

ГЛАВА 3-А

Пришел к дорогому моему куратору и заявил напористо:

— Я прошу справедливости, больше ничего. Отец подвел меня, не передал своих отличных генов. Какие-то бабки или деды всучили никчемную кошачью наследственность... На этот раз хочу быть чуточку выше нормы. В прошлый раз ниже, а теперь выше, так будет по справедливости. Даже согласен дать торжественное обещание в третьей молодости не рваться в космос, уж если там нет места для всех желающих. Но один раз мечта должна быть выполнена. Потом я уступлю, обещаю уступить.

[127]

Я волновался, размахивал руками, повышал голос — наверное, в глубине души чувствовал сомнительность своего желания быть выше нормы. Эгвар же молчал, сонно помаргивая глазками; возможно, даже напустил на себя сонный вид, чтобы сбить мой напор.

— Давайте мне ваши записки, пожалуйста, я почитаю и подумаю. Очень прошу, предоставьте мне время, денька три на размышление. Я человек медлительного ума, — сказал он. И добавил с легкой улыбкой: — В следующей молодости попрошу себе скоропалительную сообразительность. Неудобно же пациентов задерживать.

Меня передразнивал, что ли?

А три дня спустя мне было сказано:

— Значит, вы хотите быть похожим на собственного отца. Вероятно, и примерку пожелаете, как в прошлый раз с артистом. Угадал, правильно? В таком случае, можно и не откладывать. Мы связались с вашим отцом заблаговременно и получили разрешение подключить вас к блокам его памяти. Он не возражал... хотя и удивился. Сказал: «Мне кажется, я ничего не скрывал от сына».

— В самом деле, не скрывал, — подтвердил я, устыдившись своей бесцеремонности. — Может, не стоит подключаться?

— Решайте сами, — мягко сказал Эгвар. — Но считается, что каждый человек оценивает факты по-своему. Отец честно рассказывал вам о событиях своей жизни, но вы то же самое увидите другими глазами.

И вот опять я сижу в кресле вроде зубо-врачебного, колющий шлем на голове. Футляр с памятью отца, оклеенный фольгой, попросил я убрать подальше, загородить хотя бы. Знал, что отец жив, омоложен, а все же неприятно было смотреть на копию его черепа. С Терновым не был так щепетилен.

И опять обрывки, обрывки воспоминаний, как обрезки, пересыпающиеся в калейдоскопе. Пытаюсь их склеить, что-то понять, голова трещит от усилий, пока не начинает вырисовываться что-то членораздельное.

— Космос! — твержу я, направляя ассоциации отцовской памяти. — О космосе расскажи. О космосе что запомнилось? Самое важное?

К удивлению, при слове «космос» у отца прежде всего всплывали картины прибытия на Землю. Действительно, говаривал он мне в свое время, что в путешествии самое приятное — это горячая ванна после возвращения.

Но вспоминал он возвращение по-своему, не так, как я. После неудачного моего дебюта мне доводилось еще бывать в космосе, осматривать с высоты сначала Центральную Азию, а потом Австралию. Конечно, тогда я летал на пассажирском корабле, без невесты и без тошноты. Мог спокойно прово-

Аэлига-88

дить целые часы у обзорного окна, неустanno рассматривать величественный глобус, расступший, расползающийся, напирющий, все заслоняющий. Глобус, заслоняющий небо,— вот мое возвращение. Для отца же возвращение — это подготовка к посадке. Хотя частенько летел он как пассажир, но на космических кораблях никто не считает чужим серебряного, его привлекали к подготовке, а подготовка к посадке — это прежде всего проверка. Да, сажают планетолет земные диспетчеры, наземная автоматика, но управляет-то она аппаратурой корабля, которую и надо опробовать согласно инструкции по списку: блок № 1, блок № 2, блок № 3... агрегаты, аппараты, приборы, грузы, контейнеры А1, А2, А3... усыпляюще монотонно, но с неослабным вниманием. Порядок, порядок, порядок, порядок... но вдруг! И прежде всего вспомнил отец тот рейс, где, перепроверяя проверяющих, обнаружил, что в каком-то баке не центрировано топливо, нагрузка на правый борт больше. В пределах нормы перекос, но риск все-таки. Однако перекачивать было уже поздно, и перекос в пределах нормы, и риск невелик; все обойдется, если ноги выдвинутся безупречно... и почему бы им не выдвинуться безупречно? Ноги тоже проверены, не заедают. Риск невелик, а все-таки риск... В итоге, когда все стопроцентные пассажиры сидели в креслах с блаженными улыбками, предвкушая объятия с родными на космодроме, отец, закрыв глаза, напряженно прислушивался, не качается ли корабль, одинаково ли ревет пламя справа и слева. Конечно, тут ничего не поделаешь, что будет, то будет. А все же человеку хочется знать, что у него впереди... И вот толчок. Справа. Качнуло. А как же левые ноги? Второй толчок. Замирающий гул. Тишина. Равновесие. Фухх! Отлегло!

Потом головы, головы, головы, пестрые плакаты, яркие плакаты: «Привет покорителям Ганимеда!». Привет оседлавшим Каллисто! (Стало быть, это была экспедиция на спутники Юпитера). Немножко кружится голова, отвык от земного яркого освещения, от щедрых красок, от зелени, от многолюдья. Глаза режет, хочется спрятаться в тень, но — нельзя: эти люди послали его на Ганимед и Каллисто, его благополучное возвращение — итог усилий. И отец машет, машет обеими руками, старается улыбаться, не морщиться от солнца и головной боли, улыбается — и среди всех, всех, всех радостных лиц ищет единственное, юное, розовое, кругленькое, с блестящими (счастливыми!) глазами.

Мама!

Вот уж никогда я не видел ее такой молодой. Для меня мама всегда «большая»,

(128) взрослая, немолодая. Защита, прибежище, утешение и исцеление, источник подарков, кушаний тоже, разумеется, но еда для детей не радость, а обязанность. Мама, кроме того, командир, мама — закон, карающий шлепок, в общем, нечто могучее. А для отца это «моя девчоночка», видя ее, он ощущает щемящую нежность.

Сколько же ей лет было тогда? Двадцать шесть? Двадцать семь — не больше.

Потом он входит в переднюю. Первая мысль: «Наконец-то дома!» Вторая: «Какой кавардак! Завтра же наведу порядок!» И действительно, с утра начинает наводить. Комнаты пустеют, квартира становится непривычно просторной. Вещи разбредаются по углам, шкафам и полочкам. Все стены обрастают полочками с закрытыми ящиками. Отец сам мастерит их, напевая, что-то свинчивает, склеивает, спаивает, прилаживает. Мама смотрит с неодобрением, потом приносит солидный фолиант с иллюстрациями — «Каталог заказов», говорит наставительно: «Слушай, ты же не на забытом всеми богами Ганимеде! Здесь культура, мастера, склады. Выбирай любой шкаф, доставят через час». Но папа отмахивается, ворча: «Не безрукий, сделаю, как мне удобнее».

И сколько обиды, когда самодельную, аккуратненькую, собственноручно раскрашенную тумбочку, три рабочих дня потрачено, мама заменяет невыразительной заводской!

— И ребенка вырастишь белоручкой, — упрекает папа.

У мамы готовый ответ:

— Ребенок — член общества. Смысл общества в разделении труда.

Папа молчит. Он не согласен, но не хочет спорить. Он думает: «Может, я и в самом деле оброс мхом в космической глуши. Там свои порядки, на Земле свои — земные».

— Если некуда время девать, погуляй с Юшиком, — говорит мама, оставляя за собой последнее слово.

Помню я эти прогулки — величайший праздник детской жизни.

Ребенку остро необходима новизна. Его жизненная задача — ориентироваться в этом мире. Нужно увидеть как можно больше фактов, предметов, не вдаваясь в глубину. Название, назначение, короткая характеристика: хороший или плохой, добрый или злой и опасный. И скорее дальше-дальше-дальше, к следующему предмету, человеку, явлению, событию. Не все взрослые понимают эту тягу за горизонт, ворчат: «Ребенок не умеет сосредоточиться, бросает игрушки, поиграл разок, надоело». Да так и следует! Зачем же сосредоточиваться на одной игрушке? Мир

осмотреть надо сначала, весь мир, игрушечный и настоящий.

Как я сейчас понимаю, у папы сохранилась эта ребяческая жажда нового, тем более что на Земле он чувствовал себя приезжим, все ему было любопытно, все хотелось обследовать. Бросится в глаза вывеска, сразу: «Давай завернем!» Давай завернем на выставку цветов, на выставку собак, на аттракцион, на стадион, на ипподром, в зверинец, в музей древностей, просто за угол зверинец, посмотрим, куда приведет эта улица! Как она называется? Счастливая? Ну-ка, изучим Счастливую улицу!

Идем и едем куда глаза глядят. Счастливая улица выводит на озеро. «Юшик, ты катался когда-нибудь на лодке? Пошли, научу гребти. Никогда не греб? Это же позор для мужчины!»

И папа снисходительно улыбается, глядя, как я зарываю весло.

Но тут приходит сигнал радиопищалки:

— Юшик, где вы там с папой? Марш-марш, домой немедленно! Обедать пора.

Папа включает свой браслет:

— Ольга, прилетай лучше к нам. Мы на озере. Здесь чистый воздух и тонны аппе-

(129) тита. Я вижу кафе на острове. Если не придешь тотчас же, мы с сыном кутнем похолостячки.

— В кафе? Ты с ума сошел. У Юшика режим, у него диета. Накормишь невесту чем.

— Ольга, послушай...

— Я слышу, что ребенок хрипит. Простудишь его окончательно.

И тут я вмешиваюсь:

— Папа, не спорь. Маму надо слушаться.

— Слушаться? Всем? Мне тоже?

— Обязательно! Мама — самая главная.

Я-то сам забыл этот разговор, но в ту пору был убежден, что маму надо всегда слушаться. И без особых эмоций изрек эту аксиому. Однако на папу мое наставление произвело впечатление. Запомнилась ему эта стенка: голубая лодка на голубом озере, стенка камышей у островка и на фоне камышей малыш с наставительно нахмуренным лобиком.

— Мне тоже слушаться?

Тогда я не понимал, сейчас понял, что папа очень не любил подчиняться. Дисциплину признавал, приказы выполнял безукоризненно, порядок уважал... но предпочитал сам устанавливать.

Аэлига-88

Вслед за сценкой на озере в его памяти всплыли «уродцы».

Свободного времени у него было предостаточно, и, обстроив все стены полочками, папа взялся за прислугу. Напрасно мама протягивала ему «Радиокнигу», твердя, что не в пустыне живем, кругом люди, специалисты, в любой момент можно вызвать мастера по ремонту кухонных или садовых агрегатов. Папа отмахивался от «Радиокниги», ворчал, что сам не безрукий, не привык дожидаться мастеров на Ганимеде, справится лучше любого техника.

В результате наш дом и сад густо населили комнатные, кухонные, садовые и прочие роботы, моющие, копающие, клюющие, подающие, проверяющие и объявляющие громко на разные голоса о том, что они готовы приступить, приступили к работе, выполнили работу или разрядились, недовыполнив. А так как папа был глубоко уверен, что природу превзойти нельзя, роботы его и были похожи на животных. По стенам ползали у нас механические ящерицы, личинок из-под коры выковыривали механические дятлы, трубы прочищали механические змейки, канавы копали механические кроты. Были и всякие невиданные звери: гвоздилка чердачная, хамелеон клеязыкий и прочие, будто бы обитавшие на Ио, Ганимеде, Титане, Тритоне... Очень выразительные были звери, помню их, и у каждого было свое имя и кровожадные похождения, которые кончались тем, что папа выслеживал зверя и уничтожал его. Я с упоением слушал эти истории, но к механическим чудищам боялся прикоснуться и, ложась спать, просил маму не тушить свет и не уходить. Все мне воображалось, что «уродцы» самовольно оживают ночью и ходят за стенкой, заглядывают в щелку под дверь или по карнизу пробираются к окну, вот вскочат, вот схватят меня. Особенно боялся я змееныша двухголового, предназначенного всего лишь для прочистки труб и снабженного двумя головами, чтобы не надо было разворачиваться... В общем, я начал кричать во сне, мама устроила мне допрос, выпытала, чего я боюсь, и решительно выкинула папино творчество в мусоропровод.

— Культурные люди на Земле читают книги в свободное время,— объявила мама.— В космосе у себя плоды уродцев, а здесь не за чем.

Папа уступил. Как и я, он считал, что мужчина обязан уступать: женщина слабее, ей труднее приспособиться к непривычным условиям, к «другому стереотипу», как говорят психологи.

Так на что же время тратить? Гулять с сыном нельзя, у него режим и диета, монти-

ровать уродцев нельзя—ребенка пугаешь. А романы читать папа не любил, не уважал романы, считал, что писатели слишком много «мудрят» с чувствами. Я слышал это от него сам в пору моей горестной любви, когда все романы о любви читал с упоением, даже самые сентиментальные.

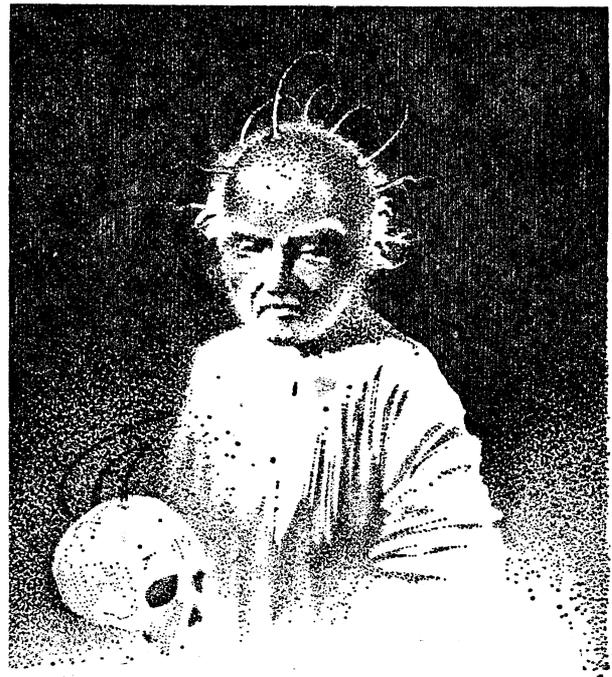
— Мудрят!—отмахивался отец.— Ерунда какая! Стоило писать три тома о бабском капризе. Если не хотела любить, зачем замуж пошла? Ломается? Ну так оставь ее, свет велик. Уезжай в космос, в другой город хотя бы. И ее надо было в космос заслать. Узнала бы, почем фунт лиха, забыла бы капризы.

Или же:

— Мать меня в театр затащила. Целый вечер смотрел нудную историю, как одну любили двое. Ей нравился сильный, но она предпочла слабоватного, чтобы его поддерживать. Ерунда какая! Выходить надо за сильного, род человеческий не портить, не разжижать хлипкими генами. А слабака отправить в космос, выжить захотел бы, закалился бы, позабыл, как за юбку держаться. Ерунда какая!

Как почтительный сын, я не спорил, хотя и не всегда соглашался. Но мама знала истину твердо и отклонений не терпела.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

ЕСЛИ СКАЗКУ ЧИТАЕТ ХУДОЖНИК...

Антуан де Сент-Экзюпери, как известно, сам проиллюстрировал знаменитую свою сказку о Маленьком принце — и сделал это мастерски. Но исключает ли это самую возможность попыток иного прочтения, иной передачи событий и персонажей повести?

На вкладке перед вами — работы Александра Коротича, молодого художника, окончившего в 1984 году Свердловский архитектурный институт, ныне — аспиранта Московского архитектурного. Думаем, гостям нашей «Аэлиты»-87 надолго запомнились эти необычные, сложные по технике исполнения (тонирующая бумага, игла) графические листы, равно привлекающие и своеобразным — предельно конкретным в деталях, но одновременно и приподнято-романтическим — видением мира.

Надеемся, что эти работы придутся по душе и вам, наши читатели.

Надеемся также, что эта первая — в рамках нашей НФ тетради — встреча с А. Коротичем не будет последней.

Фантастика — сказочная, условная, романтическая — явно влечет к себе художника. Он обращался к повести С. Лема «Маска», к «Вину из одуванчиков» Р. Брэдбери. Сейчас А. Коротич работает над новой большой серией по мотивам известной сказочной трилогии Д. Толкьена...

КТО УСЛЫШАЛ РАКОВИНЫ ПЕНЬЕ...

Читая приключенческо-фантастический роман ленинградского писателя А. Балабухи «Нептунова арфа» (М.: Молодая гвардия, 1986), сразу чувствуешь — книга эта рождена большой и давней любовью к морю.

Литература о морях и океанах воистину безбрежна. И тем не менее, как это ни парадоксально, мы до сих пор знаем о них не намного больше, чем о далеком космосе. А. Балабуха передает читателю свою увлеченность океанскими просторами, заливами, бухточками, подводными пещерами, течениями и рассказывает обо всем этом немало такого, что не почерпнешь ни в энциклопедиях, ни в самых подробных лоциях и специальных трудах.

Это уже немало. Но информативностью в НФ литературе сейчас никого не удивишь. Главным достоинством книги, мне кажется, следует считать собственный взгляд автора на вещи, вроде бы хорошо известные, чуть ли не тривиальные.

Загадочно оставленные экипажами кораблей... Каких только гипотез не выдвигали ученые и фантасты по этому поводу! А. Балабуха предлагает свое решение проблемы (в рамках сконструированного им «Аракеловского клина»), и оно представляется художественно убедительным. А если со временем выяснится, что это возможно и чисто «технически»? Ведь и такое бывало... Разгадка таинственной гибели подводных лодок в темноте водной пучины лежит и в основе другого эпизода романа.

Одно из неменных условий популярности современной НФ — напряженность действия. Этому требованию «Нептунова арфа» вполне отвечает: здесь есть и трагическая ситуация, и идеологические поединки, и сцены погони. Соблюдая основные «правила игры» НФ, автор, впрочем, не делает ставки на чистую развлекательность: экстремальные события для него не самоцель, а средство продемонстрировать духовные и физические возможности человека.

И самая невероятная фабула,

и самые сверхоригинальные идеи требуют ныне от фантаста непрерывного овладения художественной формой: НФ литература давно имеет и свои традиции, и свою классику. Нельзя не заметить, что А. Балабуха уверенно владеет и стилем, и приемами психологического анализа.

И еще один, может быть, самый важный аспект «Нептуновой арфы» — озабоченность будущим нашей пока еще голубой и зеленой планеты. Море, утверждает писатель, «полигон надежды». На море мы уже научились жить так, как подобает человеку — с тех пор, как перестали считать океан театром военных действий и неисчерпаемой кладовой. Где больше всего международных работ, проектов, организаций? На море. Где, случись с тобой что, на помощь придет любой? Опять же на море. Здесь мы все просто люди, а потом уже австралийцы, русские, японцы, американцы... Здесь мы больше всего ощущаем себя человечеством — то, чему на суше нам еще учиться и учиться. Море — это модель нашего завтра. Тень грядущего...» Если бы уже сегодня (действие «Нептуновой арфы» отнесено в будущее) такая убежденность определяла человеческие отношения во всем мире, жизнь наша стала бы куда богаче, красочнее и счастливей.

Кто услышал раковины пенье, Бросит берег — и уйдет

в туман...

Эти строки Э. Багрицкого взяты в качестве эпиграфа к «Нептуновой арфе». И если книга А. Балабухи, попав в руки юного (да пусть и не слишком юного) читателя, заставит его заинтересоваться морем и людьми, в него влюбленными, подтолкнет воображение и чувства, побудит оглянуться вокруг себя и поразмыслить над причинами и следствиями вроде бы уже примелькавших явлений, — можно будет считать, что автор достиг своей цели.

В. МЕЩЕРЯКОВ,
г. Симферополь

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

В феврале этого года в серии брошюр «Космонавтика, астрономия» общества «Знание» вышла работа П. Амнуэля «Звезд-

ные корабли воображения». В ней подробно обсуждается роль НФ литературы в прогнозировании развития технической и научной космонавтики — ведь писатели-фантасты «проникли» в космос задолго до реальных аппаратов. Работа П. Амнуэля была бы, вероятно, интересна и в том случае, если бы содержала лишь констатацию этого обстоятельства и экскурсы в историю НФ. Но автор сделал значительно больше.

Вводная часть брошюры отведена кратко, но очень точно и понятно описанию прогнозирования вообще. Здесь излагаются методы новой науки — прогнозники, приводятся примеры удачных и неудачных прогнозов.

Далее автор разъясняет, что же это такое — научно-фантастический прогноз. При этом проводится очень важная мысль о том, что «своими идеями, пусть далеко не всегда верными и... научно оправданными, фантасты ломают психологические барьеры в сознании ученых. К новой идее... можно прийти, споря с идеей,

которая заведомо неверна». (Отвлекается, чтобы добавить: так следует оценивать не только идеи авторов НФ, но и работу всех вообще бескорыстных любителей науки — дилетантов).

НФ писатели определяются автором брошюры как «многочисленная, хотя и разнородная группа экспертов». В этом положении, которое развито и убедительно обосновано П. Амнуэлем, есть, на мой взгляд, и нечто очень важное для КЛФ. Ведь если писатели — группа экспертов, то читатели — громадный массив экспертов! Изучая НФ литературу, вдумчивый читатель может находить прогнозные идеи, систематизировать их. А это может привести к генерации идей уже самим читателем — ценная реакция идей! Полезными окажутся здесь текстологические викторины — поскольку позволяют накопить опыт внимательного чтения и перейти к викторинам прогнозных идей.

Центральная часть брошюры посвящена исследованию приемов разработки НФ писателями представлений о науке и технике будущего. Рассматриваются вза-

имотношения фантастики и науки, разбираются палеовизиты и другие популярные темы современной НФ. Не забыта автором и «презумпция естественности» — важный методологический принцип, введенный в оборот И. С. Шкловским.

В заключительных главах П. Амнуэль излагает методику морфологического анализа, приемы построения «морфологических ящиков» и фантограмм. Эта часть книги представляется мне наиболее ценной для деятельности КЛФ. Ведь клубы могут строить свои собственные фантограммы, и не только по космофантастическим проблемам (которыми вынужденно ограничивается автор брошюры), но и на материале любых других областей НФ. Главное — изложена методика! Можно устраивать соревнования по фантограммам, конкурсы идей, извлеченных из фантограмм...

Не пропустите же эту бесспорно интересную и полезную работу, не дайте ей затеряться в безбрежном книжном океане!

В. ЧИСТЯКОВ,
г. Каменск-Уральский

ПЕРВЫЕ ЕФРЕМОВСКИЕ

...Странно было попасть из предвесенне-неуютного Свердловска (где, правда, сошел снег, но среди голых тополей более чем волюготно чувствовали себя пронзительные наши ветры) в мир свежей, чистенькой зелени, выстлавшей все вокруг, в мир, где вот-вот, утверждая приход весны, должны были зацвести — и действительно зацвели — абрикосовые деревья. Впечатление показалось символическим: весеннее обновление, похоже, впрямь коснулось наконец в нашей стране и мира фантастики.

Только-только, месяц назад, отшумело первое — официальное, под эгидой ЦК ВЛКСМ (!!!) — всесоюзное совещание КЛФ в Киеве; ровнехонько через месяц, 13 мая, маячила впереди чуть отнесенная нынче во времени «Азита»-88 в собственном нашем Свердловске; а вот сейчас, в День космонавтики, открывались в Николаеве первые Ефремовские чтения, на языке документа обозначенные как Всесоюзная научная конференция-семинар, посвященная творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики.

Как все первое, конференция неизбежно рождала вопрос: почему именно в Николаеве? Да, судьба забрасывала И. А. Ефремова и в эти места — воспитанником авторы 6-й армии он участвовал в походе к Перекопу, был контужен при бомбардировке Очакова интервентами... Но био-

графическая привязка — деталь чисто внешняя, суть же — в ином. Этот южный портовый город, его общественность не только выступили инициаторами, но и оказались готовы к проведению чтений. Помог опыт: на базе Николаевского пединститута уже проводилась в прошлом научно-теоретическая конференция союзного значения, среди других вопросов вполне успешно поднимавшая и проблемы фантастики; силами преподавателей-энтузиастов с 1975 года здесь, в НГПИ, читаются спецкурсы и ведутся спецсеминары по НФ литературе...

Около пятидесяти иногородних гостей — писателей, критиков, литературоведов, вузовских преподавателей, издателей, журналистов — участвовало в работе конференции. С. Снегов, О. Ларнонова, В. Михайлов, В. Савченко, И. Росохватский, Н. Беркова, А. Бритиков, П. Амнуэль, А. Балабуха, В. Головачев, Ф. Дымов, В. Захарченко, Ю. Медведев, Л. Панасенко, П. Чудинов, В. Гопман, Е. Званцева, Н. Черная... Не всех я, разумеется, перечислил — да и из перечисленных выступили на пленарных и секционных заседаниях далеко не все (впрочем, зато и выступили не только те, что здесь перечислены); хочется верить, что материалы чтения лягут в основу специального ефремовского сборника, который хоть чуть-чуть восполнит остро ощущаемую у нас нехватку подобных книг. В короткой заметке нет смысла и пересказывать содержание отдельных сообщений: стоит ли выделять кого-то, обижая всех остальных? Ведь каждый, будем верить, искренне стремился внести свой вклад в общее дело изучения ефремовского наследия и того вида лите-

ратуры, которому писатель посвятил свое творчество. Отмечу лишь чисто субъективное ощущение: выступления писателей — С. Снегова, В. Михайлова, В. Савченко и некоторых других — были, пожалуй, более впечатляющими (во всяком случае, на слух!), нежели доклады специалистов-филологов: интересные, бесспорно, но все-таки зачастую чересчур заакадемизированные.

Отмечу также, что самое активное участие в конференции принимали и читатели НФ. И не только члены николаевского КЛФ «Арга», вместе с областными организациями общества книголюбов и СП УССР деятельно помогавшие пединституту и его киевским кураторам в поистине титанической работе по подготовке чтений. Не отмалчивались, вовсе не были пассивными наблюдателями и представителями 16 иногородних клубов.

...В высших сферах решается вопрос: быть ли Ефремовским чтениям ежегодными или раз в два года? И где быть следующим, вторым: в Ленинграде, в Москве?

Вопросы эти, надо полагать, решатся в ближайшем будущем.

Будем надеяться, что николаевцы, достойно приветив первые Ефремовские, уже в 1991 году получат возможность упрочить свою славу зачинателей столь необходимого для нашей фантастики научно-теоретического семинара, проводимого систематически и на самом высоком уровне.

Проблемы, требующие теоретического осмысления, разумеется, не решаются голосованием. Главное — заговорить о них вслух.

Как это и было в Николаеве.

В. БУГРОВ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

Александр
КУЗНЕЦОВ

Фото автора

1. Разбудил меня громкий и пронзительный крик геккона: «О'кэй! О'кэй! О'кэй!». Эту милую тварь, серо-голубоватую, с белым раздувающимся горлом, желтыми глазами и беспокойным розовым язычком, здесь так и зовут — О'кэй. В длину геккон бывает больше тридцати сантиметров, а пальцы на когтистых лапах у него снабжены присосками, позволяющими бегать по потолку. Он живет здесь почти в каждом доме, не боится ни многолюдья, ни стука, ни криков. Геккона не было видно, спрятавшись где-то в прихожей.

Я подошел к большому окну, пробитому пулей, попытался его протереть. Но не тут-то было. Это у нас окна отпотевают изнутри, а здесь наоборот. Дырка от пули и расходящиеся от нее лучами трещины заклеены. Умывание оказалось тоже не совсем привычной процедурой, высота раковины не рассчитана на наш рост. К зеркалу пришлось наклоняться, изгибаясь вопросительным знаком. Краны текли, лампочка в туалетной комнате не горела, горячей воды не было. И не надо. Здесь без нее вполне можно обойтись.

Открыв дверь, из которой так и пахнуло жаром, я вышел на балкон. Пномпень называли жемчужиной Юго-Восточной Азии. Город спланирован французами, он почти весь состоит из двухэтажных вилл, роскошных, с просторными террасами, оплетенными яркими цветами.

Французское владычество в Кампучии длилось без малого сотню лет и окончилось в 1953 году. Город в таком виде, каким мы сейчас его находим, начал складываться уже в нашем столетии.

От старого Пномпеня почти ничего не осталось, разве что несколько старинных пагод. Да и те в большинстве своем были разрушены полпотовцами в 1975—1979 годах. А город древний, основан в XIV веке. Столицей Пномпень впервые стал при короле Понхва Ят, после того, как было закончено строительство стен города, окружающего его рва и старого королевского дворца, ныне не сохранившегося. Король дал тогда новое и очень длинное имя столице, она стала называться так: «Столица четырех рукавов, счастливая госпожа всей Камбоджи, наделенный богатством, благородный город Индрапрастаха, граница королевства». Именно тогда в новый и быстро растущий город, расположенный на перекрестке водных

путей, приехало множество китайских купцов. Они прибыли торговать, но условия для торговли оказались здесь настолько благоприятными, что китайцы осели навсегда.

Как всякий индокитайский город, Пномпень полон специфических запахов. Пахнет вяленой на солнце рыбой, крабами и креветками, подгоревшим растительным маслом, соевым соусом и другими острыми приправами. Остается в памяти специфический запах имбиря и сандалового дерева, одуряющий запах цветов гелиотропа. Есть еще один трудно определяемый запах, который оказался неистребимым. Скорее всего его можно назвать запахом сырости и плесени. Возможно, мы привезли его из Вьетнама, где попали в дождливый сезон, но он до сих пор хранится в моем чемодане и в вещах, которые нельзя постирать, — скажем, уже больше месяца так пахнет от чехлов моих фотоаппаратов.

На тротуарах люди сидят на корточках, что-то продают, что-то едят, ведут разговоры и просто сидят и покуривают, посматривая на прохожих и на проезжих. Город принадлежит велосипедистам. Едут мужчины и женщины, дети и старики, едут вдвоем, втроем, везут малых и даже грудных детей. Пассажиры сидят легко, свободно, ни за что не держась. Едут в трусах и неудобных для велосипеда саронгах (кусок ткани, обернутый вокруг бедер в виде длинной, до щиколоток, юбки). Бывает, сталкиваются, падают. Но кхмеры на удивление добродушный народ: сшибутся, упадут, но тут же поднимутся, отряхнутся, посмеются и едут дальше. Ни разу не видел, чтобы кто-то когс-то упрекнул или обругал. Нет! Только улыбаются. Улыбались ли так при Пол Поте?..

Осатаневший деспот по имени Пол Пот и его клика называли себя коммунистами, ратовали за «стопроцентную, полную революцию» и объявили, что быстрее всех построят «радикальный, чистый социализм», общество без городов, без собственности, без рынков, без денег, без семьи. Первые строки введенного Пол Потом нового государственного гимна гласили: «Равнины Кампучии обгарены алой кровью, кровью рабочих и крестьян...» В другом переводе они звучат так: «Алая кровь орошает города и деревни Родины Кампучии, кровь рабочих, крестьян, великая кровь борцов революции!.. Мы объединимся, чтобы строить Кампучию и новый социализм, демократию, равенство и справедливость, чтобы идти по пути предшественников в борьбе за полную независимость». Так или иначе, слова его гимна оказались пророческими: равнины Кампучии при режиме Пол Пота были залиты кровью. В 1975 году в стране жило 8,4 миллиона человек. За три последующих года и восемь месяцев фактически уничтожено три с половиной миллиона. Сейчас здесь называют именно такую цифру. В первую очередь истреблялись интеллигенция, буддийское духовенство, студенчество. Хорошо, если среди них осталось в живых один из сотни. Затем право на жизнь теряли представители национальных меньшинств. Мусульманский народ чам, например, уничтожен на 90 процентов. Потом наступила очередь и крестьян. «Равнины Кампучии обгарены алой кровью...»

Александр Александрович Кузнецов начал свою деятельность актером. Затем, оставив театр, долгое время работал тренером по альпинизму и горным лыжам, стал мастером спорта СССР. Работая в горах, он увлекся изучением птиц, окончил географический факультет пединститута и сделался орнитологом. Кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник МГУ, автор многих книг о птицах, в том числе полевых определителей птиц и таких монографий, как «Птицы СССР» и «Птицы разных материков».

Перу А. А. Кузнецова принадлежит более двадцати книг, в том числе «Визу — Сванетия», «В северном краю», «Люди и горы», «Восхождение», «Купина», «Ордена и медали России». Статья об орденах Российской империи, опубликованная в 1977 году, удостоена премии журнала «Уральский следопыт» как лучшая публикация года.

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

2.

Знакомство со столицей Кампучии мы, как и полагаются, начали с посещения самого древнего места города — пагоды Пень. Она стоит на холме в центре города, неподалеку от взорванного полпотовцами банка. Высокая лестница с множеством поднявших свои семиглавые головы змеев Нагов, храм с различными изображениями Будды. Главная фигура сидящего на лотосе Будды — бронзовая и огромнейшая, под самый потолок. Естественно, храм овеян различными поэтическими легендами. Наш добровольный экскурсовод Татьяна Федоровна Калашникова рассказала о происхождении храма такую легенду: многоголовый змей Наг имел дочь в человеческом облике. «Она была тонка и гибка, с благородной осанкой, с миндалевидным разрезом восхитительных черных глаз, взгляд которых горяч и нежен, с длинной шеей, округлыми нежными плечами, красивой полной грудью» (портрет современной молодой кхмерки). Змей жил на этой горе и выдал замуж свою дочь за приезжего принца. Отсюда и пошли кхмеры, так появился город.

К счастью, эта пагода осталась цела, хотя в годы полпотовщины было разрушено и снесено большинство пагод и буддийских монастырей. В оставленном жителями городе за три года и восемь месяцев вся она заросла тамариском и ржавыми побегами лопуха. Ее почти не видно под одевшими стены лианами-сорняками. Пустой город, город-призрак, город-привидение зарастал быстро. Даже сквозь асфальт проросла густая растительность в полметра и выше.

Пномпень опустел в два дня. Трудно сказать, сколько в городе было жителей к 17 апреля 1975 года. Сведения разноречивы. По одним из них в городе находилось от 2,5 до 3 миллионов жителей, по другим, — к этому времени здесь скопилось половина всего населения страны, т. е. около четырех миллионов человек.

Американский ставленник генерал Лон Нол и его проамериканское правительство не пользовались поддержкой большинства населения страны, поэтому вступающих в столицу «красных кхмеров» встречали цветами. Улицы запрудили ликующие толпы, всюду раздавались крики: «Победа! Победа!». Ребятишки возбужденно сновали среди толпы, хлопали в ладоши, кричали: «Мир! Конец войне! Победа!». Женщины улыбались солдатам Пол Пота и махали ручками.

Но скоро произошло непонятное. По главной улице города ехал открытый джип и стоящий в нем военный громко объявлял через мегафон: «Всем покинуть город! Немедленно всем уйти из города! Скоро начнется бомбардировка! Все жители должны уйти из города сейчас же и навсегда!» Солдаты в черной форме стали выгонять людей из домов, насильно разували и под дулами автоматов выводили колоннами из города. Сопrotивляющихся убивали на месте. Брать с собой ничего не разрешалось; супруги, родителей с детьми разлучали, строили в разные колонны. Тех, кто не мог идти, двигаться, приканчивали на месте. Людям не объясняли, зачем и для чего нужно уходить из города. Ответ был один: «Таков приказ «ангки». Горожане никогда не слышали о пресловутой «ангке», но дуло автомата, направленное в грудь, было весомым доводом. До сих пор никто толком не знает, что такое «ангка», слово это может переводиться как «организация», «тайный союз», «командование», «центр». По существу, это власть верхушки во главе с Пол Потом. Сколько человек входило в «анγκу» и кто — неизвестно. Называют только Пол Пота, Иенг Сари и их жен, Кхиеу Самфан, Ху Нима и Тхуна Пратхита.

«Куда нам надо идти?» — спрашивали пномпенцы. Им отвечали: «Подальше от города, и чем дальше, тем лучше для вас. Там вам все скажут». Сотни тысяч людей выходили колоннами из города. Обочины дорог были покрыты трупами. Их никто не убирал, а в апреле стоит самая большая жара... На следующее утро солдаты в черном прочесали опустевший город. Тут они уже совсем

не церемонились. Да и спрятавшиеся жители поняли, что остаться — значит быть убитым.

Говорят, паразительное зрелище представляли из себя мостовые и тротуары города. На них стояла обувь. Тысячи и тысячи пар брошенной мужчинами, женщинами и детьми обуви. Дорогие дамские туфельки на высоком каблуке и стоптанные сандалии рикш, детские башмачки и дорогие мужские штилеты...

Обувь — выдумка капиталистов. Веками обходились без нее, в деревнях она и сейчас не нужна, ее придумали в городах в угоду заморскому дьяволу. Город — рассадник всего зла на земле. Он порождает продажных чиновников, многочисленных торговцев и бездельников, проституток, наркоманов и гомосексуалистов, спекулянтов и мошенников. Город, как вампир, пьет кровь деревни, грабит и развращает крестьян. Он — порождение колонизаторов. До прихода французов и американцев в Индокитае не существовало многомиллионных городов, и теперь, «в новом обществе», этой раковой опухоли страны больше не будет никогда. Так или примерно так рассуждали члены «ангки», давая распоряжение о выселении всех жителей из городов в деревни, в так называемые «коммуны» на «перевоспитание».

Выгнав последних жителей Пномпеня, «красные кхмеры» принялись уничтожать бумагу. В пылающие костры кидали редчайшие древние манускрипты из буддийских храмов, монастырей и музеев, сожжена была библиотека Пномпенского университета. Неграмотные черные солдаты сжигали все — документы министерств, архивов, банков, личные библиотеки... А затем принялись за разрушение пагод, музеев, памятников истории и культуры.

Здание национального банка взорвано в первый же день вступления армии Пол Пота в Пномпень, 17 апреля 1975 года. Раз и навсегда отменялись всякие деньги — причина всех человеческих бед и несчастий. Остатки здания банка не разобрали, как, например, руины единственного католического собора Пномпеня, взорванного в тот же день. Их оставили в наизидание, в качестве монумента, изображающего крах капитализма. В таком виде они и по сей день. Улицы вокруг банка на километр были усыпаны бумажными денежными знаками. Ветер разносил деньги Сианука и Лон Нола по газонам и крышам, развешивал на заборах и деревьях.

Все слышанные мною рассказы о выселении не поддаются никакому осмыслению. Как объяснить подобный вандализм? Массовое сумасшествие? Известно объяснение, данное в тот день представителями новой власти иностранцам: «Отныне, если люди хотят есть, они должны сами добывать себе пропитание на рисовых полях. Город — обитель порока. Здесь властвуют деньги и коммерция, а это оказывает на человека тлетворное влияние. Вот почему мы должны ликвидировать город».

3.

Редакция газеты «Кампучия» расположена на окраине города, и мы едем вдоль Меконга, мимо стоящих на сваях хижин-пайот, заселенных вьетнамцами лодок, мимо затопленных рисовых полей. На проводах возле дороги вместо привычных для нас галок и скворцов сидят черные птицы величиной с дрозда. Это дронго. Разлив реки начинает спадать, скоро здесь будут сажать рис. Октябрь — время сбора урожая, но тут его собирают два-три раза в год: уберут на отдаленных от реки полях, начнут сажать здесь. Благодатный край, щедрая природа. Прямо на деревьях растет готовая еда — бананы, папайя, кокосовые орехи. Даже сахар получают с верхушек пальм. Чтобы содержать скот, не нужно ни сена, ни хлеба. Проблемы сенокоса не существует: трава растет круглый год.

На сельском буддийском празднике я пытался объяснить крестьянину Тхань Чану, что у нас не так, зимой бывает мороз и лежит снег. Что такое мороз, он понял, у них тоже бывает холодно, зимой температура понижается до 20° тепла. И тогда, чтобы не мерзли уши, голову приходится обматывать тряпкой. А вот что такое снег,

объяснить не удалось. Читать он не умеет, телевизора никогда не видел.

— Как же вы живете в таком холоде? А скот? — удивляется Чан.

— Мы тепло одеваемся, носим пальто и шапки из меха.

И он нас пожалел:

— Очень дорого одевать буйволов в меховую одежду.

Проезжаем мимо развалин пагоды, уничтоженной полпотовцами, и я вижу вдруг женщин, закрывающих платком лица, и мужчин в белых длинных одеждах и чалмах.

— Смотри-ка, Ким Сир, кто это? — обращаюсь я к переводчику.

— Чамы. Непонятно, откуда они взялись, — отвечает он. — Их извели всех до одного. Тут вообще на окраинах и на 30—40 километров от города не оставалось ни одного человека. А теперь полно людей.

Пномпень заселен в основном крестьянами, исконных горожан уцелели единицы. Чтобы город не оставался пустым, новым его жителям предоставлены различные привилегии. Ими заняты удобные квартиры, никто до сих пор не платит за электричество и воду. Народная власть много делает для простого народа. В Кампучии сейчас для крестьян не существует никаких налогов. Земли сколько хочешь бери, обрабатывай, сажай... Но посевные площади расширяются медленно. Кхмеры не привыкли иметь много земли, да и привыкли к тому, что урожай у них обычно отбирали. К базару трудный доступ.

Кооперативов, колхозов пока нет. Организовываются лишь группы трудовой солидарности трех типов, в зависимости от степени обобществления средств производства.

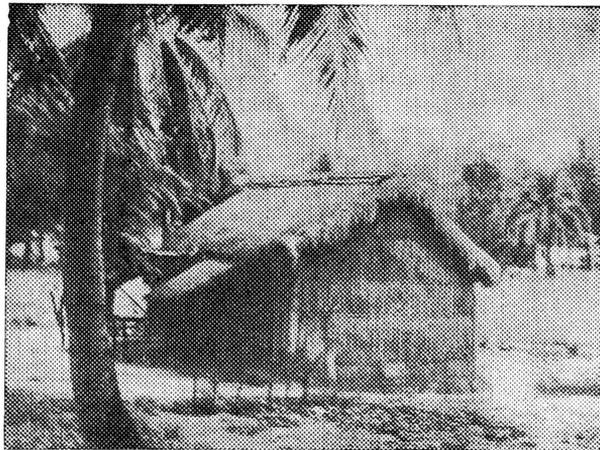
... — Наша газета «Кампучия», — рассказывает Кхиеу Капхачитх, — выходит сейчас на восьми страницах тиражом 60 тысяч. Вот последний ее номер, двести сорок четыре страницы.

Главному редактору тридцать два года, стало быть при захвате власти Пол Потом ему было двадцать три — двадцать четыре. Студента-правоведа отправили, как и всех горожан, на рисовое поле и на лесоразработку. На бамбукоповал, как бы мы сказали. Выжил чудом, студентов в живых не оставляли. Бежал из «коммуны», вступил в армию национального спасения, с которой в феврале 1979 года пришел к Пномпеню. И вот из студентов сразу в главные редакторы единственной пока в стране газеты. Людей, умеющих читать и писать, осталось немного. В городе Компонгсоме, втором по величине в Кампучии, довелось беседовать с председателем революционного комитета, мэром города. При знакомстве протянул ему свою визитную карточку. Он засмеялся и вернул ее мне обратно. Оказалось, мэр не знает ни английского, ни французского, ни русского. Он вообще не учился в школе. Зато прошел школу жизни в джунглях. Вел борьбу против французских колонизаторов, потом воевал с американцами и участвовал в восстании против Пол Пота в рядах Единого фронта национального спасения. Все его пятеро детей родились и выросли в лесу, в джунглях.

— С изданием книг у нас пока тяжело, — продолжает Кхиеу, — типография загружена газетой. В ней мы публикуем и романы. Вышли уже шесть романов и пьеса для театра «Встреча после дождя» Ким Саронга.

Романы в газете мы видели, мне переводили из них отдельные отрывки и пересказывали содержание. Романом тут принято называть всякий рассказ размером более печатного листа. Авторы — не профессиональные литераторы. Скажем, роман «Последний миг жизни» написал учитель из провинции Серей Хуон, а роман под названием «Смерть ради жизни» — ученик из Сиенреапа. Говорили, что лучшие из таких романов пишет сам Кхиеу Капхачитх. Сейчас в газете публикуется его новый роман «Человек издалека».

До геноцида в стране работало около сотни писателей, нам же удалось познакомиться только с одним про-

фессиональным литератором — главой создающейся ассоциации писателей Кампучии Конг Бунгчу. Он пишет сейчас киносценарий о возрождении Кампучии, считая, что при современном уровне грамотности в стране кино — самый эффективный вид искусства.

Конг Бунгчу писал в основном по-французски, до 1975 года им создано около сотни прозаических произведений. Издавались они в Кампучии, за границей почти не переводились. И вот теперь у него нет ни одной из своих книг. Когда его выгнали из дома и отправили на перевоспитание в лес, все домашние книги сожгли. Уничтожили их в библиотеках. Найти хотя бы одну из своих книг писателю пока не удалось.

Возвращаемся из редакции мокрыми. К жаре привыкаешь не сразу. Выходишь из номера на лестницу — веет теплом и сыростью, а покинув здание гостиницы, попадаешь прямо в парную. В холодный сезон, в декабре — январе, здесь обычно +25°. Летом же, в апреле — мае, поднимается до +40°. В тени.

Глядя на наши страдания, один из новых друзей смеялся и рассказал, как они с женой прилетели сюда впервые в апреле. Ехали на два года, взяли с собой по неопытности все хозяйство — кастрюли, сковородки, продукты. Вышли из самолета — баня. А их никто не встречает. Села жена на чемоданы, обмахивается газеткой, а он перетаскивает свои 170 килограммов груза. Не только рубашка, брюки стали мокрыми. Посмотрела на него жена, заплакала и говорит: «Нет, Олег, нам здесь не выжить, поехали обратно». Но ничего, привыкли. Человек ко всему привыкает.

4.

Предстояла встреча с принцессой Лидой, членом королевской семьи. Эта мужественная женщина вынесла все, что выпало на долю ее народа, и осталась с ним, не покинув страны. 17 апреля 1975 года среди перепуганных и отчаявшихся людей шли босиком в одной из коллон дочь и внучка принца Сианука, в другой шагала на перевоспитание принцесса Пеу Лида.

Я готовился к этой встрече и кое-что уже знал о ее происхождении. Король Камбоджи Анг Дуонг умер в 1860 году. У него, Дуонга, было три сына — Анг Водей, двадцати шести лет, Анг Сор, будущий Сисоват, двадцати лет, и девятнадцатилетний Си Ватха. Трон унаследовал старший сын, приняв имя Нородома. Отсюда пошли две королевские ветви — Нородома и Сисоваты. Первый Нородом дожил до 1904 года. История Камбоджи в его

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

царствование была весьма бурной, страну разрывали на части соседи, а закончилась она самой настоящей колониальной диктатурой, полностью лишившей власти короля и камбоджийскую администрацию.

25 апреля 1941 года королем был избран Народом Сианук, правнук Нородома по отцу и Сисоват по матери. Фигура эта важная для нашего рассказа.

Сейчас же стоит отметить, что настоящее имя Лиды — Сисоват Советквонг Минивонг. Отец ее Сисоват, а мать из рода Нородом.

Принцесса Лида прибыла в точно назначенное время. Приехала она прямо с первого съезда ассоциации женщин Кампучии. Невысокая и хрупкая, как все кхмеры, смуглая. Белая кофточка с вышивкой на груди, синий саронг, сандалии на босу ногу. Великолепная прическа, слегка подкрашенные губы. В мочках ушей и на пальцах сверкают бриллианты.

Принцесса сказала, что время у нее есть, она не спешит, и это расположило к неторопливой и, хотелось бы верить, откровенной беседе. Я попросил Пеу Лиду рассказать о себе. Она охотно согласилась.

— Я была обыкновенным королевским ребенком из королевской семьи,— начала она,— жила спокойно и бездумно. Мы не понимали истинных ценностей. В юности главными заботами стали удовольствия и развлечения. Потом вышла замуж за врача. Поскольку я знала с детства английский, французский, китайский и вьетнамский языки, меня привлекали иногда к работе в министерстве иностранных дел.

Мать моего мужа была наполовину вьетнамка, и это не нравилось Сиануку, он не очень-то жаловал нашу семью. Уже тогда за мной утвердилось прозвище «красная принцесса».

— Почему красная? — спрашиваю я.— У вас уже в то время были какие-то иные убеждения?

Принцесса смеется:

— Не могу этого сказать. Просто я любила всегда «маленьких» людей. Они казались мне прямыми и честными, чего не встретишь при дворе. Наверное, определенную роль тут сыграла ваша русская литература.

— А что именно вы читали?

— О!.. Я люблю Толстого, Достоевского, Чехова, Булгакова,— оживляется принцесса.— Это самая гуманная литература в мире.

Блеск ее глаз угасает, и она говорит:

— И вот в один день все рухнуло, пропало, исчезло неизвестно куда. Я оказалась на рисовом поле и стала от зари до зари жать серпом рис. Тут и пришлось узнать, чего стоит чашка риса.

— Что стало с вашей семьей?

— Мужа убили в семьдесят шестом, четверо детей погибли, одна дочь пропала без вести. Выжила только я одна.

Говоря это, она не улыбается. Что теперь мне кажется странным, ибо я впервые вижу здесь человека, который не улыбался бы, рассказывая о гибели близких и перенесенных страданиях. Одна из загадок Кампучии. Скажем, рассказывает мне о своей судьбе молодая и милостивая женщина Прак Чан Соха. Ее тоже «перевоспитывали» на рисовом поле.

— У меня было двое детей, нас разлучили, и они погибли от голода,— улыбается она.

— А что стало с мужем?

— Его убили,— радостная улыбка.

— За что?!

— Он работал в лесу и на него донесли, что он ночью читал книгу,— улыбка до ушей.

— Как его убили?

— Ему отрубили руки и ноги, бросили в джунгли умирать.

И все это говорится с жизнерадостной улыбкой, от которой поначалу делается не по себе. Необъяснимое с нашей точки зрения поведение, иное выражение чувств,

совершенно другая психология. Попробуйте представить себе такую картину: трое мальчишек лет тринадцати-четырнадцати приказывают взрослым мужчинам сесть на краю рва. Затем идут и поочередно убивают их ударом мотыги по голове. И никто не схватит мерзавцев за шиворот и не вышвырнет их из деревни. Когда фашисты зверствовали в наших деревнях, советские люди вели себя иначе... Очевидно, чтобы понять подобное поведение, необходимо поглубже проникнуть в историю народа с ее буддийскими корнями и социальным устройством, с ее воспитанной веками покорностью судьбе и необязанью смерти. Здесь даже похоронная процессия с цветами и музыкантами больше напоминает карнавал, чем выражение скорби и горя.

Улыбку при рассказе о несчастьях скорее всего можно отнести к нежеланию доставлять своим горем неприятность другому человеку.

...— При Пол Поте,— продолжает свой рассказ принцесса Лида,— были нарушены все человеческие отношения. Людей перетасовали, как карты, они становились настоящими рабами. Были отменены деньги, всякая частная собственность и даже личная. Я не могла иметь своей чашки для риса, своей зубной щетки. Нас довели до животного состояния, мы стали как дикие лесные люди. Даже еще хуже, ибо боялись друг друга. Всюду смерть. Убить для них было легче, чем избить, меньше возни.

Я потеряла близких, но осталась жива. У меня есть руки и ноги. И еще у меня теперь есть представления о жизненных ценностях. Поняла, для чего и для кого я должна жить, ощутила необходимость свою в борьбе за национальное возрождение. Я вижу, что новый режим нуждается во мне и я чем-то могу помочь своему народу. Больше мне ничего не нужно. По-настоящему я стала «красной» с семьдесят девятого года.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Сначала я служила в консульском отделе МИДа, с сентября семьдесят девятого работала в совете Единого фронта национального спасения. Сейчас занимаюсь международными связями. И, конечно, много общественной работы.

Пеу Лида — председатель Общества кхмеро-кубинской дружбы. В 1981 году она была избрана в Национальное собрание.

— Вы не пробовали писать? — спрашиваю я.— Вам есть что рассказать людям.

— Романы будем писать, когда станем старыми,— смеется принцесса,— теперь не до романов.

Она поднялась. Я склонился к ее руке.

5.

Земля Кампучии открылась нам с горы Удонг. Обливаясь потом, мы поднялись на ее вершину по ступеням древней каменной лестницы, по обе стороны которой стеной стояли джунгли. Между ветвей и лиан свисали ярко-красные цветы китайской розы, для нас растения комнатного, которое мы бережем за двойными рамами окон. С цветка на цветок перепархивали бабочки, по своей величине больше похожие на птиц. И тут же метались вокруг непривычно маленькие, размером с бабочку, стрижи-клекхо. На голове у этой птички хохолок из перьев. Гнездо стрижа-клекхо устраивает в виде маленькой чашечки, приклеивая его своей слюной к ветке или листу пальмы.

На запад отсюда далеко видна кампучийская равнина, напоминающая скорее безграничное озеро или болото с возвышающимися над водой насыпями дорог и островками с селениями. Октябрь — время, когда оканчивается сезон дождей, поэтому равнина была затоплена плодородными водами разлившегося Меконга. Лишь кое-где сверкали всеми оттенками зеленого цвета рисовые поля. В сухое время года равнина выглядит иначе. Вода остается только на рисовых полях, в озерах и болотах, а остобдившаяся от нее земля быстро высыхает, и плодородный ил превращается в тонкую пыль. Густым облаком поднимается она под колесами повозок и копытами горбатых

быков или маленьких кампучийских лошадок, больше похожих на пони.

А если посмотреть с горы Удонг в другую сторону, на восток, то увидишь необработываемые человеком земли — редколесья. Собственно, это саванна, пространство с жесткой высокой травой, непроходимыми зарослями колючих кустарников. Джунгли кишат гигантскими насекомыми, змеями, ящерицами и сухопутными пиявками, о которых рассказывают всякие страсти. Черная пиявка, величиной с палец и толщиной в два, незаметно впивается в нижнюю часть икры. А когда, напившись крови, отваливается, то человек испытывает острую боль, рана долго кровоточит. Говорят, в этих местах сохранились дикие буйволы и слоны, тигры и пантеры.

Увы, в джунгли попасть не удалось. Именно там и скрываются банды полпотовцев, делающие вылазки в деревни.

У подножия горы Удонг расположился маленький базарчик. Сидящие под деревьями женщины разложили на земле кокосы, бананы, нарубленный кусками сахарный тростник, батат и другие овощи и фрукты. А рядом возвышается груда человеческих черепов. Такие своеобразные памятники полпотовскому режиму мы видели и в других деревнях. Сотни черепов, сложенных в пирамиды. Здесь над ними соорудили навес. Женщины весело болтают, смеются, бегают веселые ребята, а на них пустыми глазами взирают выбеленные под солнцем и очищенные до блеска насекомыми головы их родных, близких, знакомых. Их отцов и матерей, детей, сестер и братьев. Останки не были выкопаны из какого-то рва, они собраны с земли, из придорожных канав, с обочин дорог и с огородов в окрестностях деревни. «Равнины Кампучии обгажены алой кровью...»

Полпотовцы убивали не только людей, но и землю. В граничащих с Вьетнамом провинциях Свайриенг и Прейвенш «черные» солдаты взорвали дамбы на рисовых полях, уничтожив тем самым тысячи шлюзов, каналов, водоемов и других ирригационных сооружений, создававшихся руками многих поколений.

Почва стала превращаться в пыль, на бывших рисовых полях моментально появились дикие растения — сахарный тростник, карликовый банан и кустарники. За три года местами образовались сплошные заросли в рост человека. Нарушение экологического равновесия, отсутствие влаги, испаряющейся с зеркала вод, сразу изменило микроклимат. Там, где были тропики, образовалась саванна, а на ее месте — пустыня.

Ирригационная система восстанавливается, но дело это не одного года. Немало пройдет времени, пока возродится земля и снова начнет кормить людей. Но зачем нужно было ее убивать? Говорили, полпотовцы хотели пограничные земли превратить в «стратегические», устроить здесь свои военные базы для нападения на Вьетнам, а заодно и перекрыть возможности для побегов из «коммун», эмиграцию во Вьетнам. Объяснялось это варварство еще и тем, что Пол Пот таким образом боролся с перенаселением: уменьшение посевных площадей должно было, по его мнению, остановить прирост населения.

При возвращении из поездки на гору Удонг мы обгоняли на дороге грузовики, битком набитые городской молодежью. Юноши и девушки размахивали красными флагами с золотыми башнями, цветными лентами и распевали песни. Это возвращались в Пномпень с воскресника школьники и студенты, помогавшие деревне строить мосты, восстанавливать пагоды и ремонтировать дороги.

6.

Выезжали мы обычно с охраной. Впереди нашей «Тоты» ехали на мотоцикле вооруженные полицейские, в машине сидел автоматчик. Время от времени на дорогах встречаются шлагбаумы — длинный бамбуковый шест, укрепленный в рогатине, и в качестве противовеса дырявое ведро или пробитая осколками канистра, полные камней.

Тут же навес на бамбуковых стволах, покрытый сухими листьями саговой пальмы. Под ним сидят, а чаще лежат на циновке голые по пояс, а то и просто в трусах ребята с автоматами.

Едешь и видишь, как буйволы тянут деревянную соху на рисовых полях по колено в грязи. А после этого на поля выходят женщины. Стоя по колено в воде и низко наклонившись, они пересаживают нежно-зеленые побеги риса. Каждое растение отдельно. Все поля соединены каналами с рекой, разделены на квадраты и прямоугольники, ограниченные выступающими из воды зелеными кромками. Среди полей там и сям стоят кокосовые пальмы, хлебные деревья, апельсины, фруктовое дерево с плодами, похожими на персик, — сапотийе, тутовые деревья и сахарные пальмы — тонкий ствол без единого сучка и листочка, а на вершине — небольшая шапка из листьев. Для окрестностей Пномпеня сахарная пальма, пожалуй, самое характерное дерево. Царица классического кампучийского пейзажа дарит кхмеру и дом, от опорных столбов до крыши, и лодку вместе с веслами, и вино, и сахар, и лекарства.

На асфальте дорог сушится рисовая солома, машины едут прямо по ней, объезжая лишь рассыпанные по краям шоссе кучи зерна. Вдоль дороги под прикрытием кокосовых пальм и раскидистых листьев бананов стоят домики на сваях — пайоты. Вьетнамские и китайские дома даже здесь, в Кампучии, устанавливаются на земляном фундаменте, кхмеры же свое жилище обязательно поднимают над землей. Стены у таких домов-хижин дела-

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

ются из рисовой соломы, пол плетется из бамбука, крыша покрывается желтыми пальмовыми листьями. В таком доме всегда чисто и прохладно. Тип жилища древний, он изображался еще на барельефах Ангкор Вата.

Мы заходили в несколько крестьянских домов. Никакой европейской мебели, на красивом бамбуковом плетении пола возвышаются на 20—30 сантиметров лежанки, покрытые циновками, в углу или под отдельным навесом посуда, хозяйственный инвентарь. Вот и весь интерьер. Что такое простыни, подушки, одеяла и пододеяльники — кхмерские крестьяне не знают.

Обработываемых площадей достаточно, чтобы прокормить население страны. Урожай риса составляет в среднем по 300 килограммов на душу. На излишки риса крестьяне обменивают промышленные товары. Довольно много земель в Кампучии пустоует. Сейчас здесь живет около шести миллионов человек. Не так уж и много, во Вьетнаме приблизительно 60 миллионов. Если к числу жертв полпотовского режима прибавить еще около миллиона погибших от американских бомбардировок во время режима Лон Нола, то можно считать, что страна за считанные годы потеряла половину своего населения. Но прирост здесь так велик, за последние годы родилось так много детей, что численность населения быстро восстанавливается. Сейчас численность населения в Кампучии один из самых высоких в мире — 4,8 процента.

Жизнь крестьян заметно улучшается. Постепенно набирают силы группы трудовой солидарности. Если посевные площади под рис расширяются медленно, то под техническими культурами они за год удвоились. Восстанавливаются плантации и производство натурального каучука. Поля и плантации страны — общественная собственность, а скот, плуги, повозки, производственные постройки принадлежат группе, в которую входят до десятка и более семей.

Теперь все крестьяне вернулись в свои родные деревни. Выселению первыми подвергались горожане, а потом полпотовцы стали и крестьян перебрасывать из одной провинции в другую. Но если жителей городов выгоняли из дома в чем они были, то крестьянам давались в этом отношении некоторые привилегии, особенно самым бедным и неграмотным. По теории Пол Пота такие люди — единственная социально здоровая и полноценная часть общества, которая сможет перейти в «новое общество». Переселяя их, разрешали брать с собой рис и личное имущество. Семья могла везти свое хозяйство на арбе или тележке, но без использования тягловой силы, только людьми.

Вся страна куда-то шла по дорогам, крестьяне с юга шли на север, с востока на запад и наоборот. Переселение осуществлялось по плану, лично разработанному Пол Потом. Сформированную веками социальную структуру он решил перемешать, стереть в порошок, уничтожить до основания всю систему прежних взаимоотношений людей, иерархию бедных и богатых. И тогда строить «новое общество».

Крестьяне шли сначала до уездного центра. Там каждого проверяли на грамотность, разделяли семьи, отрывали мужа от жены и детей от родителей, меняли фамилии и определяли категорию социальной пригодности. Умеющие читать и писать были социально непригодны. Документы отбирались и вместо них каждому выдавалась «книжка лояльности», подробная анкета с указанием классового происхождения до третьего колена, перечень провинностей и трудовых заслуг, результаты очередной проверки классовой сознательности и запись самокритических выступлений. Видимо, на основе показателей такого документа жители «коммун» и попадали в списки приговоренных к умерщвлению при помощи мотыги.

Конечно, переселение, передвижение миллионов людей, несмотря на полную изоляцию страны, было зафиксировано спутниками. Но полпотовцы так надежно при-

крыли страну «бамбуковым занавесом», изолировали ее от любых внешних связей, что мир не знал о том, что происходит в Кампучии. Первые сведения о творимых полпотовцами зверствах попали в печать от беженцев в конце 1976-го и в начале 1977 года. Мир не сразу пришел в себя от этих известий. Долго беженцам не верили. В страну устремились журналисты, но попасть за «бамбуковый занавес» удалось только один раз за все время полпотовского режима: журналистов под охраной провезли до величественного памятника Ангкор Ваты и, шагу не давая ступить в сторону, тут же выставили обратно.

7.

К министру культуры Народной Республики Кампучии мы пошли пешком, от гостиницы недалеко. Министр Чхенг Пхон принял нас в просторном зале с огромным ковром на полу и с картинами на стенах. Посередине помещения стоял каменный семиглавый Наг. Свернувшиеся кольцами и поднявшие свои головы Наги смотрели на нас из всех углов.

Хозяин усадил нас рядом с собой на диван перед небольшим столиком. Босая девушка в красном саронге бесшумно поставила перед нами чашечки с крепким кофе без запаха, пучок бананов и нарезанную кусочками папайю. В некотором отдалении неподвижно и безмолвно сидели молодые люди, работники министерства.

Чхенг Пхон при Сиануке был актером. Он небольшого роста, плотный, с большим лбом, коротко стрижен, с усами и в золотых очках. Рубашка с короткими рукавами и ручкой в кармане, неизменные сандалии на босу ногу. Облик его был мне знаком. Именно таким я видел его на нескольких картинах, написанных в последние годы молодыми кхмерскими художниками. На них изображалось освобождение Пномпеня от полпотовцев, а Пхон на этих полотнах всегда был в первых рядах и иногда с красным знаменем в руках. При режиме Пол Пота его отправили в одну из отдаленных провинций на лесоразработки, загнали в самые маларийные места и отнесли к четвертой категории, то есть обрекли на уничтожение. Удалось бежать в джунгли.

Хотелось поговорить о возрождении национальной культуры. Я приготовился задавать вопросы, но делать этого не пришлось: министр заговорил сам. Приведу его слова полностью, пока шел перевод, я успевал записывать все почти дословно.

— Полпотовский режим нанес страшный удар по культуре и искусству Кампучии, — начал он. — Физически уничтожено почти всё — люди искусства и их произведения. Приходится начинать все с нуля. Самое же страшное в том, что отравлены души оставшихся в живых людей. Народ потерял веру в слова, мы перестали доверять друг другу. Пол Пот ведь тоже называл себя коммунистом. Завоевание новым строем доверия народа — дело не одного дня и не одного года, культура же — то связующее звено, которое несет в массы идеологию нового общества. Наша задача не просто посеять вновь семена культуры и позаботиться о их всходах, нам предстоит посеять новые семена, чтобы из них выросли на той же почве иные плоды.

Писателей у нас практически не осталось. Сейчас мы стремимся обучать литературному труду молодых людей. Проводим по всей стране конкурсы начинающих литераторов, ищем таланты среди людей, которым едва за двадцать. Такую же работу ведем по всем видам национального искусства, проводим фестиваль, в котором участвуют все 20 провинций. Фестиваль национального искусства начнется 20 ноября, сейчас идут репетиции и просмотр. Вы увидите танцы с древними сюжетами I—III веков на религиозные темы. У нас сейчас 1700 номеров, надо их все просмотреть и отобрать лучшие.

(Выступления нескольких самодельных коллективов мне уже довелось видеть в деревне. Все они проходят в сельских пагодах и все участники концертов — дети. Пагоды служат здесь чем-то вроде клубов, хотя остаются

ся храмами. Из-за тучных Будд появляются тоненькие девочки и начинают танцевать, принимая веками отработанные позы и изображая что-то темными ручками с отмытыми розовыми ладошками. Выходят мальчики с сухими половинками кокосовых орехов в руках и ударяют ими друг о друга, как в кастанеты. Потом разыгрываются сцены на сюжеты из «Рамаяны», сопровождаемые танцами и пением. Танцующие замирают в позах, напоминающих знаменитые бронзовые статуэтки кхмеров. И обязательно исполняется танец кампучийско-вьетнамской дружбы.

Сидя тогда на циновке перед буддийским алтарем, я подумал, что эти дети, когда вырастут, не дадут в обиду существующий порядок. Они запомнят свои выступления навсегда. Так же, как мы сохранили в своей памяти занятия в кружках довоенного Дома пионеров, пронесли эти воспоминания через всю войну. Прав министр, они станут надежными борцами за новую жизнь.)

— Скоро состоится у нас и другой фестиваль, — рассказывает Чхенг Пхон, — фестиваль искусств трех стран — Кампучии, Вьетнама и Лаоса. Такой праздник послужит большему сближению наших народов. Мы поделимся опытом сохранения старого и развития его в новой интерпретации.

У нас большие и далеко идущие планы. Сначала мы просто не знали, как подступиться к созданию новой социалистической культуры, не было и людей. Мы искали и собрали всех до единого, кто выжил и способен помочь нам. Оставшиеся в живых старики знают по 400—500 мелодий национальной музыки, сотни танцев и песен. Спешим перенять у них эти знания. В столичной школе искусств учатся сейчас 480 человек по сорока специальностям. Подготовлены новые кадры преподавателей. Многие из них учились в странах социализма, в том числе и у вас. Ближайшие годы покажут, на что способны эти специалисты, да и мы со своим министерством. Вы же понимаете, я никакой не министр, я просто человек, знакомый с театром.

— Это прекрасно, когда актер становится хорошим министром культуры, — подала мы реплику.

— Приходится быть и драматургом, и режиссером, и министром, и еще политиком. Как сделать, чтобы учение Маркса постепенно вписалось в наши национальные рамки? Как найти формы сочетания социализма со специфическими условиями нашей страны? Нам необходимо добиться, чтобы они работали, как две взаимодействующие шестеренки. Пол Пот говорил, что людей невозможно перевоспитать, поэтому надо все разрушить, уничтожить всю культуру, всех людей с буржуазной психологией, и тогда на ровном месте строить коммунизм. Мы же верим в образование и воспитание, в силу культуры, в их способность изменять людей. Мы учимся...

Тут погас свет. В Пномпене не хватает электроэнергии, и все учреждения отключаются в семь часов вечера. Чиркая зажигалками, выбираемся из зала и на ходу договариваемся о встрече на фестивале.

Чхенг Пхон старался показать нам как можно больше. Однажды я вернулся вечером в гостиницу, принял душ и бухнулся на кровать. Руки-ноги раскинул и лежу под вентилятором. Нет, думаю, никуда больше сегодня не пойду, хватит. И тут звонок в дверь. Открываю — наш друг Нил Саун из министерства культуры, славный жизнерадостный парень.

— Министр велел привезти вас на дипломный спектакль школы искусств.

Тут я взмолился:

— Нил, дорогой, сейчас уже десятый час! Какой спектакль?!

— Ночная репетиция, вы не опоздаете, — отвечает Нил Саун, — она до утра будет.

— До утра не могу, устал.

— Устанете — уйдете. Министр приказал вас привезти.

Он «берет меня за шиворот» и сажает в машину. В полутьме пустого зала нас проводят к столу перед сценой, мы складываем перед собой ладони и кланяемся

сидящему за другим столиком Чхенг Пхону. Он улыбается и отвечает нам тем же. Когда он только спит?!

Идут одноактные пьесы. Не надо знать языка, чтобы понять происходящее на сцене. Разница в мировоззрении разделила семью на два лагеря. Кампучийские парни в пестрых американских рубашках-размахаиках спекулируют, ведут разгульный образ жизни. Сейчас они украли где-то древнюю скульптуру и хотят перепродать ее в Таиланд. Но их брат с рукой на перевязи, что должно означать его участие в освободительном движении, и хромящая младшая сестра (она, видимо, была ранена при тех же обстоятельствах) противятся этому. Все кончается арестом негодяев.

Следующая пьеса на военную тему. Бойцы Единого фронта национального спасения ведут в джунглях борьбу с полпотовцами. Раненый боец, как его ни уговаривает медицинская сестра, не хочет отправляться в госпиталь. Среди патриотов оказывается предатель, которого тут же разоблачают... Игра молодых актеров прямолинейна и навивно-трогательна. Они тарашат глаза, кричат, прижимают руку к сердцу. И вдруг я слышу, как у меня за спиной кто-то всхлипывает. Поворачиваюсь — плачет Нил Саун.

8.

Поделюсь своими небогатыми знаниями по буддизму и древней культуре кхмеров.

Все кхмерское искусство, как и вся культура народа, тесно связано с религией. В Кампучии всегда существовали одновременно две религии — буддизм и брахманизм. Они не соперничают друг с другом, а мирно сосуществуют, иногда даже сливаются, да так, что не всегда поймешь, в буддийский храм ты пришел или в индуистский.

Буддизм возник в VI веке до нашей эры из учения Сиддхартхи Гаутамы, или Готамы, прозванного Буддой, что можно перевести как «возвышенный», «просветленный» или «совершеннейший». Не останавливаясь на известных подробностях его жизненного пути, пройденного от принца до сурового аскета, погрузившегося в нирвану в возрасте восьмидесяти лет, отметим лишь, что Будда никогда не считался существом сверхъестественным, посланником бога или его сыном. Он был просто человеком, который предложил людям способ путем размышлений и самосовершенствования освободиться от страданий. Таким образом, по буддийскому учению, счастье или несчастье каждого существа, не обязательно человека, происходит не от бога, а определяется собственным поведением. Каждый — творец своей судьбы.

Будда может быть изображен в самых неожиданных своих воплощениях — в виде рыбы, змеи, крысы, орла, быка, лошади, обезьяны и т. д. В человеческих воплощениях он бывает рабом и царем, погонщиком слонов и ученым, каменщиком и актером — кем угодно. Даже вором. Но кем бы он ни был, Будда всегда проявляет сострадание к другим, вплоть до самопожертвования.

Всякое желание и действие, по учению Будды, влечет за собой новые желания. Чтобы освободиться от страданий, надо подавить в себе всякие желания. И тогда человек достигнет состояния нирваны и освободится от нового перевоплощения. Будда достиг этого и перестал перевоплощаться. Все его изображения говорят лишь о прошлых его состояниях. Эта форма буддизма называется Малой колесницей, или Хинойаной. Большая колесница, или Махаяна, появилась в Камбодже в XIII веке (слово «колесница» употребляется в смысле «путь к спасению»). По этому учению нирвана может быть достигнута каждым, но для этого, отрешившись от мира, не надо замыкаться в самом себе, а следует жить среди людей и посвятить себя их спасению. Кампучийский буддизм проповедует Малую колесницу.

Другая религия кхмеров — индуизм или брахманизм.

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

Она древнее буддизма, появилась в той же Индии в XVI веке до нашей эры. Классический индуизм — поклонение всемогущей божественной троице: Брахме, Вишну и Шиве. Брахма символизирует всеобъемлющий дух, абсолют. Он изображался с четырьмя лицами, с причешкой цилиндрической формы и с четырьмя руками, часто верхом на священном гусе. И хотя он божество главное, популярность его меньше, чем у двух остальных богов. На пномпеньском рынке нам не удалось найти бронзовой статуэтки бога Брахмы.

Вишну — создатель, властитель и хранитель мира, он божество космическое, управляющее вселенной. По индуистскому учению жизнь космоса подвержена цикличности, а определяют циклы сон и пробуждение Вишну. Спит — мир дремлет в хаосе, просыпается — мир выходит из состояния хаоса и начинается новый период его существования. Иногда Вишну предстает в образе рыбы, вепря, человеко-льва или черепахи. Но это связано не с перевоплощениями, а с множеством легенд. В виде человека мы часто видим Вишну в образах индийских эпических поэм «Махабхарата» и «Рамаяна» — Кришну и Рамы.

Третий персонаж брахманистской троицы — Шива, образ довольно сложный, горячо любимый и почитаемый кхмерами. Бог-разрушитель, олицетворяющий смерть, но в то же время и создатель, ибо смерть есть не что иное, как зарождение жизни. Его называют «тот, кто уносит», но в Кампучии часто изображали в виде фаллоса, символизирующего оплодотворение и создание. Изображения эти символические, а потому целомудренны. В скульптуре Шива больше известен в облике танцующего «царя танца» — в одной руке бубен, левая нога попирает тело карлика, грудь, запястья и лодыжки украшены бусами и браслетами.

9.

В университете искусств мы провели полдня, но я с удовольствием не уходил бы оттуда и несколько дней. Здесь обучают скульптуре, живописи, бронзовому литью, чеканке, керамике, гравюре, живописи по сырой штукатурке, художественной вышивке и искусству ручного ткачества. К университету относятся также школы народной музыки, танца и драматического искусства. Преподавателей не хватает, трудно с материалами, особенно с бумагой. Нет даже карандашей. Срок обучения три года, сейчас готовился к выпуску первый набор.

В классе монументальной скульптуры стоит большой, метра в два высотой, проект памятника жертвам тюрьмы Туолсленг, о которой речь пойдет в следующей главе. Фигура изображает истощенного до предела человека, разрывающего цепи. Мы много видели подобных скульптур на нашей земле в бывших лагерях смерти и на местах сожженных немецкими фашистами деревень. В Кампучии такой памятник первый. Он еще в глине. Тут же бронзовая скульптура Нин Хинь в рост человека. Девушка держит в изящно изогнутых руках свою косу. По старинной кхмерской легенде из ее косы полилась затопившая врагов Будды река. Скульптура должна была быть установлена в 1975 году на одной из площадей Пномпеня, но провалялась пять лет во дворе ее создателя. Автор ее, он же руководитель работ студентов над проектом памятника жертвам тюрьмы, семидесятилетний Рот Сан.

— С десяти лет я работал в скульптурных мастерских, — рассказывает старый преподаватель. — Там и создавал потом свои работы. Больше половины их уже нет. Пол Пот поотбивал им головы. В 1935 году я окончил факультет искусств и сорок лет создавал бронзовые скульптуры. В 1975 году меня отправили в деревню, где я ухаживал за буйволами. И вот вновь я здесь, но уже старый и ни на что не годный.

— А какова ваша семья? — спрашиваю я.

Не всегда удобно выпытывать у людей, что стало с их близкими в черные годы полпотовщины.

— Осталось четверо, я с женой и два внука. Сын, дочь и остальные внуки погибли.

— Простите, а какова ваша зарплата, месячный заработок?

— 150 риелей в месяц.

Меньше пяти долларов. Обед в ресторане.

— Да, немного... — говорим мы в смущении.

— Председатель нашей республики получает 500 риелей в месяц, — улыбается Рот Сан. — А у него работы больше.

Переходим в мастерскую бронзового литья, переживающего период второго своего возрождения. Одаренный от природы кхмерский народ в древние времена создавал удивительные по изяществу формы, высокой технике исполнения произведения живописи, резьбы по камню и скульптурной бронзы. Но как-то так случилось, что народные ремесла деградировали и постепенно были забыты. Возрождение произошло уже в начале нашего века, когда Жорж Гролье организовал школу камбоджийского искусства.

С сороковых годов опять наступили трудные времена для страны — бесконечные войны, борьба за национальное освобождение, проамериканский режим Лон Нола и, наконец, полпотовский террор, когда произведения искусства не создавались, а уничтожались. И вот теперь в Народной Республике Кампучии вновь происходит взлет кхмерского искусства, причем самостоятельно, своими национальными силами, при поддержке народной власти.

Мы наблюдали, как кхмерский юноша острым иглы тщательно прорабатывал детали вылепленной из воска фигурки танцующего Шивы. Видели, как фигурки заливаются глиной и по глиняной форме отливаются бронзовые статуэтки. Горн для плавки бронзы стоит тут же в комнате. Красота получается необыкновенная!

В углу на столике стояли толпой готовые уже гару-ды и мараки — мифические птицы, которые возят на себе Вишну, и непонятные существа с головой крокодила и телом броненосца — любимый вид транспорта бога океана Варуна.

Резчики по дереву работают за столиками над деревянными фигурками и целыми рельефными панно. Режут по красному дереву, которое называется здесь «бэн», по дереву «хаутим» и по мягкой древесине «салав». Русские названия их установить не удалось.

Молодые художники писали свои картины не только на древние сюжеты и в традиционной национальной манере. Мы увидели немало полотен, посвященных событиям полпотовского режима, освобождению, строительству новой жизни. Живопись сугубо реалистическая. В ней такая же наивность, как в игре молодых актеров дипломного спектакля. Не примитивизм как форма, а неумелость. Почему-то живопись тех же ребят на древние сюжеты и в национальной манере не вызывает снисходительной улыбки, на нее смотришь с почтением.

Политический плакат напоминает «Окна РОСТА». Наверное, только нам, а не кхмерам. Мы смотрим на плакаты, и сразу возникает ассоциация. Но большинство кампучийцев никогда не слышали об «Окнах РОСТА».

10.

Туолсленг расположен в южной части города, неподалеку от центра. В красивом современном здании, поставленном буквой «П», Сианук организовал лицей Тул Прей. Рядом с ним находилась школа. В 1975 году Пол Пот приказал вывезти отсюда все оборудование и под видом политической школы создал тюрьму для наиболее опасных «политических преступников». Зону площадью в квадратный километр обнесли двойным забором, заполненным в середине спиралью Бруно — колючей проволокой, свитой в спираль. Недавно тюрьма Туолсленг превращена в музей.

Нас встретил бывший узник тюрьмы, ныне директор

музея Им Петь. Ему 57 лет, но выглядит гораздо моложе. По профессии Им Петь инженер, специалист по машинам для устройства дорог. Работал до Пол Пота в министерстве транспорта и связи. Невысокий, худой, черные волосы с редкой проседью. Одет в голубую рубашку с короткими рукавами и темно-синие брюки, на ногах, как здесь принято, сандалии без носков. Им Петь был лично знаком с Пол Потом, обучал «красных кхмеров» ремонту армейских машин и подъемных кранов.

— При приходе в Пномпень Пол Пота и его армии, — начал свой рассказ Им Петь, — меня направили ремонтировать разрушенные дороги в порту Компонгсом. В 1977 году арестовали там как американского шпиона, привезли в Туолсленг. Отсюда никто не выходил. В 1975 году в эту тюрьму начали собирать всю интеллигенцию, весь цвет нашего народа, а в 1977-м стали привозить соратников Пол Пота, партийных руководителей, кадровых работников, «красных кхмеров», больших военных начальников и министров. Существовала система доносов. Нужно кого-то убрать — на него писался донос, который мог быть очень коротким и анонимным, не важно. Человек оказывался здесь. Нам удалось обнаружить некоторые документы, по которым частично установлены имена погибших здесь людей и приблизительное число жертв. Так, в 1975 году здесь погибли 154 человека, в 1976 — 2250, в 1977 — 6330 и в 1978 году — 5765 человек. Всего 14 499 человек, включая детей. Такое число жертв нам удалось установить по документам, а они найдены не все. Хоронили в различных местах за городом. Ночью вывозили на машинах. Населения в окрестностях Пномпеня не было, поэтому никто не может сказать, где именно. Иногда их просто бросали в Меконг.

— Как же предъявляли обвинения? Вам, например.

— Нас ни о чем не спрашивали, кроме одного: да или нет? Обвинений было три: шпион американский, шпион советский или вьетнамский. Нужно было на все соглашаться, говорить «да». Иначе тут же у стены убивали или начинали пытать. Я не давал ответа и вот чем это кончилось. — Им Петь показывает нам свои изуродованные пальцы. — Мне вырывали ногти вверх и назад. Соорудили такое специальное приспособление. Сломали э мою голову три бамбуковые палки. Когда я приходил в сознание, все начиналось сначала. Редко кто выживал после допросов. Уводили на пытки из камеры с завязанными глазами, с веревкой на шее и связанными за спиной руками. Если человек возвращался в камеру, то его приносили на носилках. Такое случалось редко, обычно мы их уже не видели. Я не мог ничего сказать и потому, что после пыток забыл даже свое имя. И теперь, когда у меня болит голова, я ничего не могу вспомнить. Потом проходит.

— Как же вы остались в живых?

— Случайно. Надо было сделать здесь некоторые перестройки, вспомнили, что я инженер. Делать чертежи я уже в то время не мог, но давал советы, объяснял, как надо строить. Благодаря этому мне удалось увидеть большую часть тюрьмы. Ночь я проводил в камере. Питался остатками от еды охраны, собирал по рисинке, вылизывал тарелки. Из всей тюрьмы в живых осталось только семь человек. В том числе и художник Хей Над, вы увидите его картины. Многие умирали от голода прямо в камерах. На четвертых в день полагалась одна чашка пресного риса. И больше ничего. Очень мучила жажда.

В больших комнатах мы лежали прямо на бетоне. В одних трусах. Другой одежды не полагалось. Лежали на боку и так тесно, что поворачивались только по команде. Садиться и вставать не разрешалось. Только для «обеда». В туалет по разрешению. В углах стояли жестяные банки. Если такая банка упала, переворнулась, то заставляли все вылизывать. Тряпок не было, вылизывали языком. Здесь, где мы сейчас с вами сидим, лежали на полу женщины. Их почему-то, в отличие от мужчин, клали в шахматном порядке — головами в разные стороны.

Мы невольно свесили за край низких кожаных кресел свои головы и посмотрели на уложенные в шахматном порядке черные и белые плитки. Пол был чисто вымыт.

Здесь при входе в помещение полагается снимать обувь.

— А что же стало с вашей семьей? — задал я ставший уже традиционным вопрос.

— У нас была большая семья, пятьдесят два человека. Четырнадцать братьев и сестер, их дети... Кроме меня в живых остался только один из моих сыновей, ему тридцать два года и работает он в министерстве культуры. Все члены нашей семьи были специалистами, учились в Пномпене, Сайгоне и в Париже.

Стало заметно, что Им Петь устал. Видимо, у него опять разболелась голова. Он извинился за то, что не может нас сопровождать по тюрьме, и мы отправились осматривать Туолсленг с его помощником.

Камеры для допросов располагались на первом этаже в бывших классах и учительской. Здесь на специально оборудованных для пыток кроватях найдено четырнадцать трупов, прикованных цепями к спинкам кроватей. Изуверы не успели их убрать. По истерзанным, скорченному в конвульсиях трупам бродили куры и выклевывали из гноящихся ран червей и насекомых. Несчастных похоронили во дворе лица, поставив над их могилами четырнадцать плит из светлого камня. Имена остались неизвестными, опознать ни одного не удалось, так они были изуродованы. В каждой из комнат кроме кровати стояли стол и стул для следователя. Тут же лежали цепи и странного вида кандалы: железный штырь с двигающимися по нему двумя коваными петлями для ног. Чтобы петли нельзя было снять, на одном конце штыря вешали замок. Кафельный пол здесь не мыли, под кроватями он весь черный от застывшей крови и клочьев слипшихся волос.

На одном из столов стояла железная кружка с носиком. Нам объяснили ее назначение: при пытках из этой кружки лили в нос допрашиваемого соевый соус. У найденных в комнатах для допроса заключенных не только изуродованы лица, но и переломаны почти все кости. Как предстали боль, жажду этих несчастных, желание скорейшей смерти, чтобы избавиться от мук, — делается хорошо. Вообразив все это, можно усомниться в ценности всей человеческой культуры и цивилизации.

Захотелось скорее на волю, на воздух. Мы вышли во двор и увидели стоящую возле раскидистой пальмы виселицу в виде буквы «П». С крюков верхней перекладины свисали веревки, а на земле стоял огромный сосуд, по форме напоминающий наш печной чугун.

Мы спросили у провожатого, что означает это сооружение, и он объяснил устройство еще одного орудия пыток. За связанные сзади руки поднимали человека на дыбу и оставляли на жаре до тех пор, пока он не терял сознание. А тогда опускали и окунали головой в воду.

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

Несчастный приходил в себя и тогда его снова подвешивали. Использовалась виселица и для так называемых «качелей». К одному столбу привязывали заключенного за руки, к другому — за ноги. Расстояние между столбами выбирали оптимальное для самого мучительного изгиба тела узника под собственной тяжестью. Видать, изобретатели «качелей» были большими знатоками анатомии, ибо человек в таком положении долго прожить не мог.

В нескольких комнатах стены заняты сотнями фотографий узников Туолсленга с номерами на шеях. Входишь в такую комнату — и на тебя грустно смотрят глаза тысяч погибших ни за что людей. Если не видеть здесь всего остального, то и этого хватило бы на всю жизнь.

В каждом году заводились свои номера — прямоугольные, вертикальные, горизонтальные, со скосом. Фотографии найдены в документах тюрьмы. Преступный архив представляли на судебный процесс по обвинению Пол Пота и Иенг Сари в геноциде. В августе 1979 года оба они заочно приговорены к смертной казни. На некоторых фотографиях, к сожалению, немногочисленных, можно увидеть написанные карандашом или ручкой имена: оставшиеся в живых посетители музея узнавали своих родных, друзей, соседей. Лицо Пол Пота на всех фотографиях, даже если он снят в группе людей, перечеркнуто посетителями, глаза выколоты ножом или иглой. На других стенах — лица палачей. Точно такие же лица молодых мужчин и женщин. Только полпотовские палачи в кепках и шарфах красного цвета, что не видно на черно-белых фотографиях музея, но такова была их форма. Эти люди и сидят сейчас в джунглях, терроризируют крестьян, совершают диверсии, временами добираясь и до города. Обманутые, неграмотные люди, которым больше ничего не осталось. Они были еще детьми, когда их сделали палачами и садистами. Что руководит ими теперь, кроме чувства страха?

В одной из комнат висят картины бывшего узника тюрьмы Хей Нада. По всей видимости, он не профессиональный художник, так как в его картинах фигуры людей нарисованы с незнанием анатомии. Но когда показываются пытки и мучения людей, это не так важно. Он все это пережил, видел собственными глазами, испытал на себе.

На одной из картин художник изобразил себя в камере площадью в полтора квадратных метра. Мы видели эти камеры, напоминающие больше собачью конуру. Большой зал лицевая разгородили кирпичными стенками на крохотные клетушки, в каждой из них в пол вцементирована цепь. На такой цепи и сидит автор картины. Худой, словно скелет, кожа да кости. Но лицо узника, с большими глазами, усами и жиденькой «китайской» бородкой, полно одухотворения.

На следующей картине парни в кепках и красных шарфах рвут тело спящего за руки и за ноги человека клещами, вырывая куски мяса. Вот такие же «веселые» ребята манипулируют над несчастными змеями и отвратительными насекомыми. Полпотовец, схватив ребенка за ноги, на глазах матери разбивает его голову о стену. Не стану описывать камеры пыток электричеством, огромных куч из одежды и обуви убитых и расположенной в последней комнате карты Кампучии во всю стену, выложенной человеческими черепами. Хватит. Все это знакомо. Разве что здесь нет матрацев из человеческих волос, абазуров из кожи с татуировкой да налаженной системы сжигания трупов в печах. Мы много раз говорили: «Это не должно повториться». Повторилось. Неужели возможно еще такое?!

11.

Как уже говорилось, 25 апреля 1941 года королем Камбоджи стал Народом Сианук. В то время ему было восемнадцать лет и он учился в лицее Сайгона. В сфере политики он занял позицию борьбы против колониального режима, мечтая о построении в стране «королевско-

го буддийского социализма». До 1953 года Камбоджа, Вьетнам и Лаос составляли французскую часть «Индокитайского союза», и народы этих стран под руководством коммунистов вели трудную борьбу против колонизаторов за свое национальное освобождение.

Руководила борьбой созданная в 1930 году Хо Ши Мином Коммунистическая партия Индокитая, пока в феврале 1951 года она не разделилась на три самостоятельные партии. В Камбодже она получила название Кхмерской народно-революционной партии (ныне Народно-революционная партия Кампучии). До 1960 года ее возглавлял лидер национально-освободительного движения Сон Нгок Минь, а после II съезда — Ту Самут.

1 сентября 1953 года Народом Сианук выступил с заявлением о политике нейтралитета, ставшей главной его политической линией. Переговоры Камбоджи с Францией затягивались. Однако положение французов стало к этому моменту безвыходным: войска Вьетминя и Патет Лао подошли к столице Лаоса, французские военные базы были окружены, терпела поражения Франция и во Вьетнаме. Пришлось пойти на уступки, и 10 марта 1954 года Камбоджа получила права суверенного государства. 26 апреля началась Женевская конференция. Вьетнам разделен по 17-й параллели, Камбоджа и Лаос признаны независимыми государствами.

2 марта 1955 года радио Камбоджи передало заявление Сианука, в котором он отказывался от престола в пользу своего отца. Сианук создал новую политическую партию «Народно-социалистическое общество» (Сангнум), в сентябре 1955 года привел ее к победе на выборах и стал премьер-министром. Он объявил политику нейтралитета, основанную на пяти принципах мирного сосуществования, предложенных Неру, в чем был поддержан Советским Союзом. Между Камбоджей и СССР установились дипломатические отношения, страны обменялись посольствами.

Но «королевского буддийского социализма» не получилось. Это можно наглядно проследить на примере сельского хозяйства, страна ведь крестьянская. В отличие от своих ближайших соседей Камбоджа не голодала. Крестьянин жил бедно всегда, но с голода не умирал. Хозяйство велось натуральным способом, денежное обращение было невелико. И тут Сианук международную помощь обратил на развитие сельского хозяйства. Были проведены селекционные работы по улучшению сортов риса, появилось много удобрений, машины для орошения полей, для посадки риса и его молотбы. Годовой урожай риса вырос в два раза (до трех тонн с гектара). Излишки пошли на экспорт, начался импорт промышленных товаров, выросла, как на дрожжах, армия чиновников и торговцев. Как будто бы все прекрасно! Ан нет...

При таком резком скачке капиталистического развития кхмерская деревня быстро расслоилась. Богачи стали обзаводиться мотоциклами, а среди бедноты прочно поселился хронический голод. Чем больше был урожай, тем выше становились налоги. Города богатели, застраивались роскошными виллами, наполнялись американскими автомобилями, а крестьянин голодал. Скажем, появилось много врачей и больницы, но визит к врачу стоил крестьянину половины годового дохода. Деньги стали мерилом не только материальных, но и духовных ценностей. Среди крестьян росло недовольство городом, породившее идеи «красных кхмеров». Кстати, само это название принадлежит Сиануку и относится ко всем левым силам. Отношение принца к коммунистам в корне изменилось. В марте 1959 года полицией Сианука арестовано несколько сот членов партии, часть из них расстреляна, остальные отправлены на каторгу. С тех пор на совести принца немало актов кровавого террора.

Происходившие скачкообразно сдвиги в стране настолько обострили социальную несправедливость, что толкнули «красных кхмеров» в их революционном порыве на действия тотального характера.

18 марта 1970 года, прикрываясь лозунгом свержения монархии, с помощью американского ЦРУ, в Пном-

пене произвели государственный переворот, король был низложен, страна объявлена «Демократической республикой». Именно на этом генерал Лон Нол демагогично навязывал себе политический капитал. При режиме Лон Нола тяжелое положение трудящихся, однако, еще усугубилось.

Генерал произвел себя в маршалы и отменил все политические права и свободы. Власть его опиралась лишь на террор. Сразу же заполнились тюрьмы и концлагеря. Военно-диктаторский режим Лон Нола превратил страну в арену новой войны. Только от одних американских бомбардировок погибли и стали инвалидами более миллиона кхмеров. По американским данным, на Кампучию было сброшено 500 тысяч тонн бомб. Голодающее сельское население из районов военных действий хлынуло в города. Баснословно выросли цены на продукты, бездомные люди голодали, страдали от инфляции и безработицы. Тысячи крестьянских семей, не имея крова и работы, спали на тротуарах Пномпеня. Это были люди, бежавшие из приграничных районов, которые ежедневно бомбили американцы, чтобы перерезать «тропу Хо Ши Мина». Буржуазия и компрадорская элита создали такие социальные условия в стране, что другого выхода, кроме революции, быть уже не могло. Народ целиком стал на сторону «красных кхмеров», видя только в них свои надежды на будущее...

Созданный 3—4 мая 1970 года Национальный единый фронт Кампучии, его быстро формирующиеся регулярные войска, ополчение и партизанские соединения стали под руководством коммунистов наносить ощутимые удары по агрессорам. Значительная роль в этих победах принадлежала «красным кхмерам». На помощь кампучийским патриотам, как и во времена борьбы против французских колонизаторов, пришел вьетнамский народ.

Пять лет длилась кровопролитная борьба против лоноловского режима и закончилась полной победой патриотических сил Кампучии. Однако день победы революции — 17 апреля 1975 года не стал для народа праздником освобождения. Народ и партия давно были преданы. Не гнушась ничем — ни интригами, ни убийствами — Пол Пот и Иенг Сари захватили власть в партии и принялись осуществлять свои маниакальные, доведенные до абсурда идеи моментального создания «чистого социализма». Тут уместно вспомнить, что говорил по этому поводу В. И. Ленин, высмеивая бланкистов: «...Раз они хотя перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если... на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Левозэкстремистская зараза, проникшая в Народно-революционную партию Кампучии, ничего общего не имела с марксизмом-ленинизмом, хотя крикливо ридилась в революционные одежды. Это фарисейство принесло вред международному коммунистическому движению, до сих пор давая пищу различным антикоммунистическим спекуляциям.

Члены группы Пол Пота вернулись из Франции в Кампучию в конце 50-х годов и почти все начали работать учителями средней школы. О Пол Поте говорят, что он преподавал «историю, политические науки и этику». О первых годах деятельности группы мало что известно. Мы знаем лишь, что их политическая деятельность началась в период освободительной борьбы с французскими колонизаторами в рядах Кхмерской народно-революционной партии.

Еще в начале 50-х годов в Париже группа Пол Пота объединилась на личной и семейной основе. В нее входили Пол Пот и его жена Кхиеу Полнари, Иенг Сари и его жена Кхиеу Тирит, Кхиеу Самфан и Сон Сен. Женщины — родные сестры. Во Франции они все считались студентами.

Летом 1956 года в ФКП прошла дискуссия, после которой французские коммунисты поддержали основные решения XX съезда КПСС. Пол Пот и Иенг Сари, захватившие к тому времени руководство индокитайской секцией партии, организовали догматическую оппозицию, отвергающую решения XX съезда КПСС и обвиняющую

социалистические страны в сдаче позиций ревизионизму. Критически относился Пол Пот в то время и к Китаю, переживающему период «ста цветков». Зато на формирующиеся его идейно-политические взгляды большое влияние оказала «культурная революция», ход которой он наблюдал собственными глазами. Он писал, что «был пленен этим мощным разгулом революционного духа масс», физические расправы и духовное глумление над миллионами людей он называл «очищением организма от болезненных явлений». Пол Пот стал убежденным поборником насаждения опыта «культурной революции» в Кампучии. Кроме того, в статьях и эссе Пол Пота хорошо проглядываются увлечения Троцким, Бакуниным и классиками анархизма.

После разгрома в 1959 году Кхмерской народно-революционной партии группа Пол Пота решила возродить ее. 30 сентября основана Коммунистическая партия Камбоджи, которую иногда называют «новой». Пол Пот стал членом Политбюро и заместителем Генерального секретаря партии Ту Самута, которого сообщники Пол Пота тайно убили в 1962 году. Утвердившись во главе партии, Пол Пот разделил ее на две части: кадровая партия и Национальный фронт. Первая была немногочисленной и построеной по военному образцу, а вторая, по замыслу Пол Пота, должна представлять широкое движение и фактически являлась чем-то вроде «полупартии». Убежденные борцы за социальное переустройство только выполняли указания Пол Пота, не зная даже, кто и зачем их дает. Именно эту категорию революционеров Сианук и окрестил пренебрежительно «красными кхмерами».

Строитель «кхмерского королевского буддийского социализма» обрушил ряд репрессий на коммунистов, и в 1963 году даже нелегальное существование партии было поставлено под угрозу. Пол Пота и Иенг Сари пришлось укрыться в джунглях. Число «красных кхмеров», однако, продолжало расти. Теперь они сделались как бы третьей, низшей ступенью движения, второй стала партия, а над ней возвышалось центральное руководство, получившее наименование «ангка». Состав и численность ее держались в тайне. Руководство «ангки» в деловой переписке шифровалось как «отдел 870».

Пол Пот несколько раз ездил в Пекин, и, видимо, где-то между 1971 и 1973 годами его группа пришла к решению о перевороте в Кампучии, используя опыт китайской «культурной революции».

Нельзя сказать, что теория и методы построения «нового общества» не встретили возражений в рядах партии. Иначе бы тюрьма Туолсленг не переполнялась противниками Пол Пота. Весной 1977 года наметилось вдруг некоторое ослабление гнета. Пообещали отменить категории «социальной полезности» в «коммунах», началась предварительная работа по «строительству народной революционной системы просвещения». Предполагают, что часть партийного руководства объединилась вокруг Ху Нима и потребовала восстановить какой-то минимум нормальной жизни. Но Ху Ним тут же был убит, начинающаяся реформа остановлена, в кадрах вновь проведена жесточайшая чистка, восстания в армии подавлены.

Именно после этих событий ушел в джунгли с группой патриотов Хенг Самрин, избранный 8 января 1979 года, на следующий день после освобождения Пномпеня, председателем Единого фронта национального спасения Кампучии.

Членом Народно-революционной партии Хенг Самрин стал в 1959 году в возрасте двадцати пяти лет. Сражался в партизанах против Сианука, командуя ротой, потом батальоном. В первой половине 70-х годов участвовал в борьбе против режима Лон Нола и 17 апреля 1975 года вступил в Пномпень с частями «красных кхмеров». Вскоре назначен комиссаром, а затем и командиром 4-й дивизии. В 1976 году — заместитель начальника штаба Восточной военной зоны, одновременно член ее парткома. Естественно, Хенг Самрин и Пол Пот знали друг друга.

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

РАВНИНЫ КАМПУЧИИ

Борьба «красных кхмеров» с властью Сианука и режимом Лон Нола воспринималась большинством интеллигенции, значительной частью мелкой буржуазии и почти всем крестьянством как правое дело. Но когда Хенг Самрин, крупный полпотовский военачальник и партийный деятель, увидя все происходящее, понял, что сумасбродная и деспотическая политика ведет к гибели страны и народа, он ушел в джунгли и возглавил самое крупное восстание против режима Пол Пота в пограничных с Вьетнамом провинциях. В нем приняло участие двадцать армейских бригад и несколько десятков «коммун». Восстание подавили верные Пол Поту части. Тогда Хенг Самрин с несколькими тысячами солдат обосновался в джунглях северо-восточной части страны и вел партизанскую войну уже против «красных кхмеров». Истинный патриот создает там Единый фронт национального спасения Кампучии, объединивший всех противников полпотовского режима. Теперь Хенг Самрин — Генеральный секретарь ЦК Народной революционной партии Кампучии, председатель Государственного Совета НРК.

Для построения полпотовского «чистого, коллективистского, социалистического строя» необходимо было развивать национализм и изолировать страну от внешних влияний. Кампучия оказалась отрезанной от всего мира. Никаких въездных и выездных виз, почтовая и телеграфная связь отсутствовала, газеты не издавались, выселили всех корреспондентов, выехали посольства. Такие строгости изоляции привели к тому, что целый год даже в соседнем социалистическом Вьетнаме о проводимом геноциде ничего не знали.

В первые месяцы после захвата власти «ангка» соблюдала лояльность по отношению к социалистическим странам, в том числе и к Вьетнаму. Страны социализма во главе с Советским Союзом расценили свержение режима Лон Нола как победу прогрессивных сил. Никто не мог предвидеть совершившихся в дальнейшем событий. Иенг Сари побывал в Ханое и поблагодарил «вьетнамских братьев и товарищей за поддержку в борьбе против режима Лон Нола». Но уже через несколько месяцев «ангка» выдвинула откровенно националистические и антивьетнамские лозунги. Национализм всегда служил опорой диктаторов и хорошим средством против внутренних неполадок. Посыпались оскорбления в адрес «предательского ревизионизма правящей вьетнамской клики», а задно и «советского социал-империализма». Пекин поддерживал антивьетнамские настроения, стал поставлять Пол Поту артиллерийские орудия, крупнокалиберные пулеметы и вздоходы-амфибии.

За два года (1977—78) полпотовцы восемьсот тридцать раз переходили вьетнамскую границу, убивали, грабили, разоряли хозяйства. Эти нападения стоили вьетнамцам более тридцати тысяч жизней. Полпотовцы просачивались вдоль всей 700-километровой границы. Чтобы противостоять налетчикам, надо было поставить заслон на границе из двадцати дивизий. — Вьетнам в то время не мог себе это позволить. И только когда полпотовские диверсанты добрались до Хошмина, стали взрывать плотины и в провинции Виньлонг, разрушили огнем артиллерии город Тэининь, пришлось принять серьезные меры. К тому времени порвавшие с Пол Потом коммунисты установили связи с Вьетнамом, и братская страна при поддержке мировой общественности оказала помощь истекающему кровью кхмерскому народу. Силы Единого фронта национального спасения Кампучии с помощью армии Социалистической Республики Вьетнам свергли чудовищный полпотовский режим.

Встречаясь уже в 1983 году с фактами диверсий, осуществляемых недобитыми полпотовцами, нападений на иностранных специалистов, обстрелом из джунглей китайскими крупнокалиберными пулеметами кампучийских вертолетов и слыша по ночам выстрелы даже в Пномпене, я не мог понять, что руководит существующим до сих пор сопротивлением «красных кхмеров» народной

власти. Неужели после геноцида, после всех ужасов полпотовского бесчеловечного режима люди могут бороться за принесшие стране столько горя идеи сумасшедшего диктатора? Как будто каждому должно быть ясно, что войска Социалистической Республики Вьетнам спасли страну от полного уничтожения. А потом понял. Одна из главных причин лежит в воспитывавшейся в народе ненависти к Вьетнаму.

На протяжении многих веков страны воевали, враждовали. Используя это для раздувания национализма, полпотовская клика надежно поселила в умах целого поколения неграмотных, не разбирающихся в политике кхмерских крестьян представление о том, что всякий вьетнамец — враг. Пол Пот говорил: каждый кампучиец должен убить тридцать вьетнамцев, тогда мы заживем.

Ненависть к Вьетнаму вдальблизалась в головы «красных кхмеров» таким образом. Каждый вечер полпотовский комиссар зачитывал солдатам специальную печатную инструкцию, по стилю напоминавшую буддийскую молитву с множеством повторений и восклицательных знаков. Вот как выглядел последний раздел одной из таких инструкций:

«Вьетнам — это враг.
Вьетнам — это извечный враг.
Вьетнам — враг каждого кхмера.
Вьетнам предал революцию.
Вьетнам — это тысячелетний враг.
Вьетнам надо уничтожить.
Вьетнам надо обуздать.
Вьетнам — это исконный враг.
Вьетнам надо ненавидеть!»¹

Говорят, всякая реклама остается в голове человека на седьмой раз. Сколько же раз солдаты Пол Пота слышали эту ненавистническую проповедь? И что же еще, пусть менее настойчиво, попадало в их уши, кроме этого, если они ушли в джунгли?

12.

В Пномпене сейчас шесть детских домов. Нас отвезли в детский дом № 2, расположенный неподалеку от тюрьмы Туолсленг. Раньше здесь была школа, при Пол Поте — госпиталь.

Встретила нас директор детского дома Чем Санва, усталого вида женщина лет сорока, для которой наш приезд был, видимо, в тягость. Хватало у нее забот и без нас, а тут пришлось отрываться от насущных дел.

— Наш детский дом создан в сентябре 1979 года, — начала говорить Чем Санва, после того как мы представились и уселись за низенький столик с бананами и сигаретами. — В то время бездомные и беспризорные дети насчитывались десятками тысяч. Одни потеряли своих родителей при переселении, у других они погибли на глазах в деревнях, в «коммунах» и по дороге к ним. Сейчас у нас 415 детей в возрасте от шести до шестнадцати лет. У нас своя начальная школа, первые — четвертые классы.

— А потом? — спрашиваем мы.

— Потом некоторые поступают в лицей, но продолжают жить у нас.

— На полном государственном обеспечении?

— Да, государство нам помогает. Но в то же время наши дети работают.

— Каким образом?

— Большинство девочек заняты шитьем и вязанием. Изготовленные вещи продаются на базаре. Есть у нас парикмахеры. Все вырученные деньги идут на общее хозяйство. Многие работают на огороде или ухаживают за скотом. У нас есть кролики, козы, свиньи и коровы. Пищу готовим сами. Среди ребят есть повара.

Нам показали ателье, где шьются мужские и детские

¹ Текст этой инструкции я цитирую по книге поляка Вецлова Гурницкого «Песочные часы» («Радуга», 1983). Полагаю, никто лучше Гурницкого не изобразил всей глубины трагедии Кампучии, и настоятельно рекомендую эту книгу заинтересованному читателю.

рубашки, женские кофточки, мы увидели связанные детьми шарфы, свитеры и шапочки. Непонятно только, кто их носит здесь в такой жаре. Комната для игр завалена яркими, красивыми игрушками, сделанными в основном в ГДР. В библиотеке мы увидели напечатанные на кхмерском языке у нас и в ГДР книги. Некоторые из них, например, Тургенев, Гранин и Куваев, на французском. Книжки, как и игрушки, аккуратно разложены по столам и выглядят какими-то неживыми.

В каждой спальне стояло по 12—14 кроватей, застеленных прямо по сетке чистыми байковыми одеялами. У кровати деревянный сундучок, картонная коробка или просто узелок с вещами ребятишек.

Нам показали, конечно, лучший из детских домов. И чистые одеяла постелили, наверное, к нашему приезду. Всякий детский дом — зрелище невеселое. Но то, что мы увидели, я бы считал безусловным и огромным достижением народной Кампучии, поднявшейся из руин всего за четыре года.

Замечательный детский дом создали своими силами советские моряки в городе Компонгсеме. В этом детском доме жил знаменитый «Максимка», о котором нам рассказал руководитель советских портовиков Дмитрий Петрович Давыдов.

Прижился в порту кхмерский мальчонка лет десяти, прибил к нашим морякам и не уходит. Ночевал у погрузчиков, а то прямо на причале перед кораблем. Судовые женщины его подкармливали, всячески привечали и не могли видеть, как он, свернувшись калачиком, спит прямо на бетоне. Пошли к капитану и попросили разрешения взять мальчонку на судно. Капитан Георгий Федорович Семак разрешил в порядке исключения. Заботу о мальчишке взяла на себя пожарный помощник Галя, высокая, дородная и сердобольная украинка. Отмыли его, постригли, сшили из скатертей одежду и стали звать Максимкой. За три месяца стоянки «Любови Орловой» в порту Максимка выучился довольно хорошо говорить по русски. Я, говорит, Орлов Максим Николаевич (Галиного ухажера звали Николаем). Все на него не нарадуются, балуют. Ну как же — общий любимец.

— А я уже тогда задумался, — продолжает свой рассказ Дмитрий Петрович, — уйдет «Любовь Орлова» — что станет с мальчонкой? Тут мы начали на общественных началах строить детский дом. Нашли три корпуса, совершенно поглощенных джунглями. Сделали ремонт, все покрасили. Нашли для этого и цемент, и краску. Из досок соорудили нары, матрацы сшили из судового брезента. Теперь-то у них и кровати есть. Теперь все есть, привезли моряки. Вплоть до газовых плит и холодильников. Над этим детским домом шефствует Министерство морского флота. А тогда смастерили, что смогли. Продукты им оставили, топливо. Как приходит в порт очерудной корабль, моряки первым делом едут в детский дом, везут подарки. А выдастся свободный денек, проводят его с ребятами, играют, учат их петь русские песни. Дети почти все говорят по-русски и бегают в порт встречать советские суда.

За неделю до ухода «Любови Орловой» Галя отвела Максимку в детский дом, но он там не остался, сбежал. И исчез куда-то, не видел я его довольно долго. Да... И вот в следующем году мы снова ждем «Любовь Орлову», должен теплоход вот-вот подойти. И вдруг я слышу знакомый детский голос. Мать честная! Максимка!

— Ты откуда? Где ты был?

А он как вцепился в меня, чуть не задушил.

— Давыдов, Давыдов, придет «Любовь Орлова»? «Любовь Орлова» идет, да?! Скажи, Давыдов!

Я у него спрашиваю:

— Где ты был, почему сбежал из детского дома?

— А... там плохо, — отвечает, — ругают меня, заставляют учиться. Я к маме Гале хочу.

Изданный весь, грязный опять. Что с ним делать? Я ему говорю:

— Тебе нельзя жить на корабле, ты должен в детском доме жить.

— Почему нельзя? — отвечает. — Я русский. У меня в паспорте написано.

— В каком паспорте? Ну-ка покажи.

А он не дает, боится, что я отберу. Оказывается, вьетнамцы у него хотели забрать этот паспорт, а он вырвал его и убежал. Смотрю: корочки, фотография, печать — все честь честью. Максим Николаевич Орлов. Русский. А внизу надпись: «Всем советским судам оказывать помощь». И подпись 4-го помощника капитана.

Галя как увидела его с борта, кричит, мечется. И он: «Мама! Мама! Мама Галя!» Опять жил на теплоходе, пока тот стоял. Опять отвели его в детский дом и снова он сбежал.

13.

Стараясь понять сопротивление полпотовцев народной власти, я задавал людям по этому поводу много вопросов. Одни говорили, что им внушили, будто бы Вьетнам заражен ревизионизмом, изменил делу революции, предал его. А предателей надо уничтожать. Другие ссылались на то, что каждый полпотовец убил сотни людей и ему нет возврата обратно в деревню. Остается только одно — прятаться в джунглях.

Один весьма уважаемый и не первый год работающий в Кампучии советский специалист объяснил дело так: Пол Пот выгнал всю интеллигенцию в деревню, заставил ее работать на полях, а командовать ими в качестве надсмотрщиков поставил неграмотных крестьян. Над выселенными из города учителями, фельдшерами, оставшимися в живых буддийскими монахами, квалифицированными рабочими, торговцами — над всеми «новыми жителями» крестьяне получали почти неограниченную власть. Они должны были перевоспитать этих «бездельников» и сделать их похожими на себя. Неподдававшихся перевоспитанию убивали. Страдавшие всю жизнь от городских спекулянтов и чиновников крестьяне не разбирались в происходящих событиях, им сказали, что это ваши враги, корень всех ваших бед и несчастий. И они в это уверовали.

Может быть, доля правды в этом есть. Но небольшая. Кампучийский крестьянин тоже страдал от полпотовского режима, главным образом от переселения и разрушения семьи.

Привыкшие уже к войнам, переворотам, непонятным им политическим распрям и конфликтам кхмерские крестьяне тяжелее всего переносили разделение семьи. Такого с ними прежде не случалось. Азиатская деревня всегда жила по неписаным законам господ и рабов, была рас-

РАВНИНЫ КАМПУЧИ

слоена по множеству принципов, никакого равенства здесь не могло быть. В суровом и несправедливом мире царила жестокость. Единственным пристанищем была семья, семейный клан. Это в нашей русской деревне можно было рассчитывать в случае увечья, одиночества или старости на соседей, на «мир». Здесь на протяжении всей многовековой истории человек мог опереться только на родственников, и больше ни на кого. И вот в один прекрасный день все это рухнуло, рассыпалось в прах. Подлинная трагедия: отца отправляют в одну сторону, мать — в другую, детей расхищают по разным «коммунам» и сиротским приютам.

Горожане попадали в «коммуны» неожиданно, прямо с улиц. Забегать домой, попрощаться с родителями и детьми не разрешалось. Да и тех уже угнали босиком, но в другом направлении.

Члены семей доноловских офицеров (самих офицеров убивали на месте), жены и дети убитых врачей, инженеров, преподавателей, духовенство и студенчество, все вьетнамцы получали на пересельных пунктах третью категорию, что практически означало уничтожение. Удар ниже затылка мотыгой или хорошо приспособленной для этого складной американской лопаткой. Убивали тихо, без выстрелов, патроны берегли для войны с Вьетнамом. Большая часть отнесенных к третьей категории людей умерла от голода и непосильного труда. Второй категории выдавали на день по сто граммов риса, иногда бамбуковые побеги и один раз в месяц — яйцо. Изредка они получали миску похлебки с кусочками рыбы. Третьей же категории — восемьдесят граммов риса. И все. А работали на рисовых полях с четырех утра до половины восьмого вечера. «Обед» — в поле.

Вечером проводились собрания идейного перевоспитания. Жители «коммуны» садились на корточки, а полпотовский комиссар ходил среди них и громко читал учебную брошюрку. Вооруженные автоматами неграмотные охранники зорко следили за тем, чтобы кто-нибудь не задремал. Закрыв глаза — «предупреждение». После третьего предупреждения человек исчезал. Затем происходила «дискуссия». Все по очереди должны были повторять основные тезисы прочитанной брошюрки. А кончалась собрание уже к ночи «критикой» и «самокритикой». Каждый обязан был обвинить своего товарища по совместному труду в лени и несознательности. «Самокритика» же требовала не признания своих дурных поступков, нет, об этом не могло быть и речи, надо было заниматься самобичеванием, рассказывая о своих недостойных мыслях, приписывая себе недозволенные желания, каясь в грехах прошлого, осуждая порочный образ жизни интеллигенции и всех горожан. Многие, особенно китайцы, овладели искусством «самокритики» в совершенстве. С упоением, поэтизируя свои выступления, они произносили подобранные за многие часы работы на рисовом поле самые скверные слова, ругательства и мерзкие эпитеты в свой адрес. И тогда дольше других оставались в живых.

14.

У нас были планы слетать на денек в порт Компонгом и потом побывать в Ангкор Вате. В расположенном на берегу Сиамского залива Компонгсоне работают советские специалисты, портовики и строители, и нам хотелось посмотреть, как они живут. Самолет в порт не летает, там нет аэродрома, только вертолет.

Компонгом строился с помощью Франции. Создание глубоководного порта на берегу Сиамского залива обошлось французам в круглую сумму. Страна получила выход к морю, которого ей не хватало, а город стал называться Сиануквиль. Великолепный климат, бескрайние песчаные пляжи обещали сделать Сиануквиль всемирно известным курортом. Принц Сианук построил для себя прекрасную виллу и великолепную дачу для своей жены Моники. Город процветал и благоухал. Сюда стали приезжать пожилые богатые французы доживать свой век.

Тоже строили виллы на берегах залива. Возвели и гостиницы для туристов, высотную «Индепенденс» («Независимость») у самого берега залива, одиннадцать корпусов отеля «Сока» и другие.

Сегодня многочисленные развалины в городе — следы американских бомбардировок. При Пол Поте жители выселили, а про город забыли. И он стал зарастать. Мы поехали посмотреть открытую всем ветрам, заброшенную и предоставленную на милость джунглям гостиницу «Индепенденс». Мрачная картина запустения предстала перед нашими глазами. В нижнем холле у регистратурной стойки валялись автомобильные покрышки и какое-то искореженное железо. В пустом ресторане с разноцветными фонарями и лампами валялись остатки разбитой мебели, осколки битого стекла. Облезлая, вся в лишаях собака шмыгнула при нашем появлении в разбитое окно... Мы поднялись на второй этаж, открыли первую попавшуюся дверь и тут же отпрянули назад: на полу перед дверью лежала огромная черно-белая змея. Напугались мы напрасно, она оказалась убитой. В пустой комнате стояла только голая железная кровать.

Спустились по каменной лестнице к морю и обнаружили купальню с душем, туалетом и верандой. Железные ограждения балкона изъедены морем до такой степени, что разваливаются при легком ударе. Как могильная ограда на давно забытом кладбище. При виде всего этого чувствуешь себя инопланетянином, попавшим на Землю и обнаружившим следы былой цивилизации.

Едем на рынок. Он ломится от товаров, здесь можно купить всё, что твоей душе угодно. От автомобиля до зубной щетки. Таиландская одежда, французская косметика, китайская обувь и японские часы... Все торгуют, но никто не покупает. Прилавки завалены иностранными товарами, а продавцы устроились над ними в гамаках. Лежат, покачиваются, ждут покупателей. Как подойдешь к прилавку, вываливается кхмерка из гамака и начинает предлагать одно, другое, третье...

Ну, хорошо, заморские товары полежат, подождут своих покупателей, а как быть со свининой или бананами на заваленной продуктами другой части рынка? Ведь они и двух дней не провисят в такой жаре. Тем более мы знаем, что не каждая семья, особенно рабочая, может позволить себе покупку таких продуктов. Трудно во всем разобраться.

После рынка отправляемся в прохладной «Тоёте» на строительство дизельной электростанции.

— А... приехали все-таки, — встречает нас радостно руководитель строителей Виталий Михеев. — Я уж думал, улетите, так и не посетив нас. Бананы, папайя, кокос?

Мы сидим под навесом около возводящегося из кирпича большого здания. На его стенках свесились ноги кхмеров, одетых в одни трусы. Они оставили работу и смотрят на нас.

— Рассказывайте, сколько вас здесь, чего делаете?

— Нас немного, — смеется Михеев, — всего шестеро. Казахстан, Ленинград, Псков, Воронеж, Новосибирск и Татария. Интернационал! Старший инженер, четыре инструктора — бетонщик, плотник, электросварщик, каменщик — и переводчица. Строим пока ДЭС, но скоро возьмемся за отель «Индепенденс», за госпиталь и водоочистительные сооружения. Инструкторы обучают своей профессии, строят сами кхмеры. Платят им мало, не больше пяти ризлей в день. (Напомним, что пачка сигарет стоит 20 ризлей). Сто рабочих у нас, но очень большая текучесть. Есть и хорошие ребята, например, Чен Три. Он вот тут живет, — старший инженер указывает на соседний соломный домок. — Полтора месяца поучился у нашего Исхакова и стал прекрасным сварщиком. Парень неграмотный. Семеро детей. Он доволен работой. Вот он, как раз... Чен Три! Иди сюда! — кричит Михеев.

Подходит кхмер лет тридцати пяти, начальник приглашает его сесть, наливает кокосового молока.

— Скажи товарищам, доволен ты своей работой?

Кхмеру переводят его слова, и Чен Три согласно кивает головой.

— Расскажи, как ты работал раньше,— просит Михеев.
— Раньше я работал от рассвета до темна, получал горсть риса в две ладони. А сейчас хорошо. Дети болеют, бывает лихорадка. Теперь их лечат бесплатно. Заработка хватает.

Идем смотреть стройку.

— Станцию взорвали. Коробка так и стояла с семьдесят восьмого года,— рассказывает Виталий Михайлович,— пробовали восстановить сами, не получилось. А без электроэнергетики, без коммунального хозяйства город не город, а деревня. Обратились за помощью к нам. Начали мы в апреле 1983 года со строительства промышленной части. Дизельная электростанция будет с автоматическим режимом работы. Строим с условием дальнейшего развития, в несколько этапов. Сейчас готовим первый этап — два дизеля по 715 киловатт.

Захотелось взглянуть на жилище Чен Три. Михеев проводил нас и представил его жене, изможденной женщине с младенцем на руках. Вокруг стояли и во все глаза глядели на нас еще пятеро. Старшая, тринадцатилетняя дочь работала на стройке, зарплата ее 120 риелей в месяц. В доме не было ничего, кроме циновок и посуды.

Я задал только один вопрос:

— Скажите, пожалуйста, что вы едите?

— Рис и рыбу,— ответила женщина.

— А фрукты покупаете детям? Бананы, папайю?

Она покачала головой.

Следующая наша встреча с руководителем советских специалистов-портовиков Д. П. Давыдовым.

— Я прилетел сюда одним из первых,— рассказывает Дмитрий Петрович.— В марте 1979 года. Порт не работал. Портовые склады были забиты китайским оружием — танки, пушки, снаряды. Бомбардировщики даже стояли. Моя задача была в том, чтобы приготовить все для приема первой советской экспедиции в Кампучию по оказанию помощи.

Пришла «Любовь Орлова». Стали очищать портовые склады. Оружие вывозили прямо на поля. Куда его деть? В лесу пальба, кто в кого стреляет, не поймешь. Наш корабль привез оборудование — металл, трубы, станки, грузовые автомобили. И, конечно, продукты. Разгружали пленные полпотовцы, всего их было около тысячи. Голодные, как волки. Только попадут в трюм, сразу перестают работать. Сиделись и ели. Все съедали, что можно, объедались, болели... Что за работники? Насыплет себе зерна полные штаны и по трапу подняться не может. А мука, которой они сроду не видели? Высыплет муку прямо в трюм, а мешок на одежду тащит.

На причале толпа голодных людей. Что вынесут из трюма, здесь же и растаскивают. Особенно дети. И тут же едят, чтобы не отобрали. Ну что ты будешь делать? Беда, просто беда... И запретить нельзя, голодные люди, для них привезено.

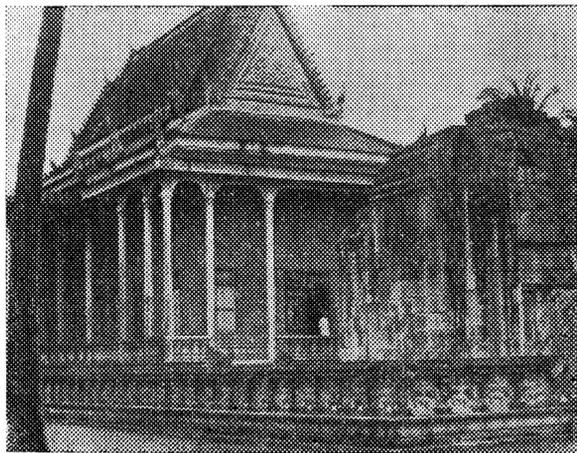
Позже стали заниматься самовыгрузкой. Взались наши матросы, механики, весь экипаж. В поте лица, как говорится, не считаясь с усталостью. Три месяца работали, учили кхмеров докерскому делу, читали лекции. О Советском Союзе они и не слышали.

Уходил корабль, кхмеры пришли его провожать с цветами. Работяги наши, битюги, плакали. Возвращались на корабль в одних трусах. Все с себя отдавали, вплоть до часов.

Подготовили мы докеров, портовых специалистов по другим профессиям, а пришла вторая экспедиция, все начали сначала. Процентом семьдесят исчезли куда-то. Готовим, скажем, тракториста, он чему-то научился и тут же открывает свою лавочку. Теперь, правда, стало полегче — появилась внешнеторговая организация «Кампекси». Она сама распределяет груз, различные министерства присылают за ним машины.

— Что мы им теперь возем?

— То, что видели в порту: грузовые и легковые автомобили, тракторы, прицепы. Ну, конечно, продукты, ме-

дикаменты, мыло. Грузооборот порта теперь велик, в среднем четыре судна в месяц разгружаем.

Нелегкая жизнь у Давыдова. Власти города все время обращаются к нему с просьбами помочь установить и наладить полученное оборудование. Но судовой электрик или портовый механик не могут заниматься установкой и налаживанием оборудования на пивоваренном заводе. Они просто не знают этого дела, да у них и своей работы полно, по горло. В договоре это не предусмотрено. Но и отказать нельзя...

Вечером у нас прощальный ужин. Быстро пролетели эти дни. И как же мы устали... Я представил себе, как завтра утром по пути на аэродром буду смотреть равнодушным взором на все, что с такой жадностью впитывал в себя на этом же пути в день приезда. Надо писать о том, что породило удивление в моей душе.

Возвращались пустынными темными улицами, на которых после наступления комендантского часа сидели на асфальте группками полуголые люди — полиция и самооборона. Один из них встал, поднял руку и подошел к остановившейся машине. Увидев русских, заулыбался и протянул руку: «Сигарэт!».

Он был в трусах и босиком, левой рукой поддерживал сидящего на боку и обхватившего его ручками и ножками ребенка, на правом плече висел автомат.

Аркадий
ЗАСТЫРЕЦ

БЕЗДОМНЫЙ КАТРЕН

Знаем ли мы свой язык?.. О, да! — обзывает нас ответить утвердительно всеобщее десятилетнее образование. Мы знаем, где ставить точку, а где — двоеточие; знаем, что глагол, отвечающий на вопрос «что делать?», имеет мягкий знак, а «что делается» — не имеет мягкого знака...

А вот это: «Не льно ли ны бяшетъ, братие...» Каздый ли из нас может досконально перевести слово за словом? А ведь это тоже наш, русский, язык. Только не современный, а древний. Увы, мы потеряли значение многих слов, звучание их непривычно для нас. Мы не знаем древнерусского.

То же самое можно сказать о других языках. У каждого из них есть свой древний предтеча. И на слух, и на глаз старые языки воспринимаются как ребус или индоевропейская речь. Например, язык Шекспира, по сравнению с современным, гораздо богаче словообразовательными моделями, и многие их значения в словарях, которыми пользуемся мы сегодня, не обозначены. Интерес переводчиков только подогревается этим обстоятельством: известны четыре полных перевода «Гамлета» и целых пятнадцать переводов знаменитого монолога «Быть или не быть?»...

...Аркадий Застырец — учитель истории из Свердловска. Он давно и серьезно занимается переводами со старофранцузского. Один из его любимых поэтов — Франсуа Вийон, живший в XV веке. Иностранный язык мы все изучаем в школе, возможность такая дана каждому. Но не каждый доводит это знание до умения, до совершенства — чтобы взять на себя труд переводить, да еще не с современного языка, а, как в данном случае, — со старофранцузского. Задача очень сложная.

Думается, сам Аркадий, немало поломавший голову над строками Вийона и самостоятельно установивший многие загадочные значения, лучше и интереснее расскажет, как ему это удается.

Широко известный катрен этот обозначен среди разрозненных стихотворений номером «13» и предваряет знаменитую «Эпитафию», впоследствии названную «Балладой повешенных».

Катрен — самая простая и маленькая по объему форма из встречающихся у Вийона (меньше объемом разве что японские хокку), короче говоря — четверостишие: четыре строчки, одна рифма, одно предложение и сочетание предельной концентрации смысла с предельной легкостью. Но вся эта простота для переводчика как раз таит непреодолимые сложности: здесь не разлетишься, как в большом объеме; строчки местами поменять вряд ли возможно; дыхания не задержишь в каком-нибудь пункте, сбившись, — всего-то и есть: первые две строки — вдох, вторые — выдох; за текстом кроется подтекст, за первым смыслом — второй, как почти везде у Вийона, и в ходе перевода они начинают спорить друг с другом, какой

важнее, как только выясняется, что в русском варианте их сосуществование невозможно.

И, наконец, самое главное: уже есть блестящий перевод Эренбурга, то самое четверостишие, которое любил В. Маяковский:

*Я — Франсуа — чему не рад! —
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.*

Я и сам люблю эти строчки и, даже не заглядывая в оригинал, уверен: не то что лучше — хотя бы на равном уровне маленький шедевр перевести нельзя.

И все-таки начинаю вникать в старофранцузский текст, вначале только с одним желанием: узнать, чем же отличается Вийон от Эренбурга. По опыту я уже знаю, что сделать такой перевод, который сам по себе прекрасен и как будто написан на русском языке, без потерь практически невозможно.

Итак, что же в оригинале? Дословно следующее:

*Я Франсуа, что меня удручает,
Рожденный в Париже около Понтуаза,
И посредством веревки длиной в туазу
Скоро узнает моя шея, сколько мой зад весит.*

Как говорится, невооруженным глазом видно, что Эренбург пожертвовал второй строкой: прозрачный намек на виселицу в третьей заменил любовным утверждением «ждет смерть злодея», а четвертую строчку разбил пополам. Но эти потери кажутся незначительными, поскольку главное — великолепную шутку неунывающего висельника, основанную на неожиданном определении поведении как повода к небывалому отношению абсолютно разделенных при жизни частей тела, — ему удалось сохранить.

На этом можно бы и остановиться. Однако тщеславие переводчика требует покопаться именно в потерях — не удастся ли, сохранив главное, еще более приблизиться к оригиналу? И тем самым «обставить» Эренбурга хотя бы с чисто академической точки зрения? И выясняется следующее.

Возможно, что эренбургский перевод проигрывает оригиналу уже в первой строке. Дело в том, что старофранцузское произношение имени «Франсуа» таит в себе вероятную игру слов: «Франсуэ» — вот как оно произносится (причем «у» здесь короткое, почти «в», а следовательно, «Франсуэ» практически совпадает со словом «франсэ» (по-русски «француз»). Так чем же удручен приговоренный к смерти поэт? Тем, что он Франсуа, а не Жан и не Пьер, которые разгуливают на свободе в безопасности? Безусловно. Но возможно, что он удручен и тем, что является «французом», то есть жителем Иль-де-Франса, а значит, находится под юрисдикцией парижского премо, вследствие чего и приговорен к смертной казни. Возможно, возможно... Но возможно ли передать в русском варианте этот скрытый, не более, чем вероятный, смысл? К сожалению, нет, никак невозможно, даже если изменить транслитерацию имени. Здесь и француз не по-

няд бы намека без помощи специальных знаний. А специальные знания — вещь, трудно приложимая к поэтическому тексту.

Значит, в первой строке Эренбурга не обойти. Переоходим ко второй. Что это вообще за бредовая фраза — «рожденный в Париже около Понтуаза»? Вот представьте, один говорит: «Я родом из Москвы», а другой ему отвечает: «А, из Москвы? Это, что ли, около Владимира?» Юмор ясен. Перед нами шуточный перевертыш и плюс к тому еще и насмешка над провинциализмом эпохи борьбы за централизованное государство... Возможно, возможно... Но возможно ли заставить улыбнуться русского читателя над этой фразой: «...в Париже около Понтуаза»? К сожалению, нет. Вот если бы: «...в Москве, что под Владимиром... Да и то, кто их там знает, в средние века какой город был крупнее! К тому же по-русски всяко выходит гораздо длиннее и в строку размера «Когда не в шутку занемог» не влезает.

Получается, что во второй строке тоже ничего не светит. Что в третьей? Ничего особенного. Просто указана длина веревки — одна туаза, или по-русски — сажень. Нормальная длина для того дела, на которое автор намекает. Он же не говорит, что его повесят — просто указывает, что его зад будет взвешен посредством веревки. Но как раз подходящая длина уже в третьей строке дает знать, о чем идет речь на самом деле. А в четвертой — подключается шея, и сомнений никаких.

Итак, очевидно, что в катрене два смеховых узелка — вторая и четвертая строки. Причем первый узелок уступает второму, и не зря Эренбург им пожертвовал. Четвертая строка — центр тяжести стихотворения. У Эренбурга — третья и четвертая, содержащие в себе смысловую нагрузку виюновской четвертой.

Вникнув в текст оригинала, мы пришли к выводу, что обойти ставший классическим перевод маленького шедевра Вийона просто не в чем. Само по себе четверостишие Эренбурга прекрасно и суть оригинала передает. Более приблизиться к оригиналу нельзя. Нельзя? Но прочитаем еще раз внимательней — мы не заметили потерю рифмы! Вернее, ее однообразия. У Вийона рифма-то одна. А нельзя ли добиться того же в переводе? Пробую, ищу, подставляю, отбрасываю вариант за вариантом и наконец выходит следующее:

*Я Франсуа, и в том беда:
Я буду вздернут, господа,
И сколько весит зад, — тогда
Усвоит шея навсегда.*

Лучше это, чем у Эренбурга? Пожалуй, не лучше по части передачи главного смысла. Но зато по форме ближе к оригиналу. Маленькая победа в результате немалых мучений...

...Франсуа Вийон — не только один из самых замечательных поэтов западноевропейского средневековья, но и одна из самых загадочных фигур в мировой литературе. Загадочна его личность, в которой поэтический гений уживался с «уголовной» биографией: от участия в ограблении до поножовщины и убийства. Загадочно его творчество, плоды которого невелики объемом, но несут в себе такое хитросплетение реальности, тайного смысла, игры и пародии, что расшифровать его до конца и однозначно по сей день представляется невероятным делом.

Несколько раз Вийона забывали на долгие десятилетия, чтобы затем вернуться к нему с новым приливом горячего интереса. Из положения презренного пария от литературы он не однажды возносился до ранга великого поэта-реформатора, создателя нового поэтического языка, новой поэтической реальности.

В XVIII веке основатель и теоретик французского классицизма Никола Буало в своем трактате «Поэтическое искусство» дает Вийону характеристику одного из провозвестников литературного классицизма.

Однако в XIX веке Теофиль Готье, исследуя творчество Вийона, не менее высоко оценивает его с позиций поэта-романтика.

На рубеже последних веков Вийон, объявленный «проклятым поэтом» средневековья, оказывается в одном ряду с Верленом и Рембо.

В начале XX века его переводят на русский язык одновременно символист В. Брюсов и акмеист Н. Гумилев. Сегодня его сравнивают с Брассенсом, Окуджавой и Высоцким.

Вот в чем еще одна загадка загадочного поэта: он бессмертен, вопреки тому, что его поэзия «с потрохами» живет в Париже XV века с незнакомыми современному человеку именами, лицами, кабацкими вывесками, обычаями, бродячими артистами-разбойниками с их жаргоном, сегодня до конца не понятным никому, даже французским филологам.

Более того, несмотря на пугающие сложности перевода, Вийона вновь и вновь пытаются заставить говорить по-русски. И. Эренбург и Ф. Мендельсон в начале 60-х годов осуществили почти полный перевод наследия Франсуа Вийона (исключая баллады, написанные на жаргоне).

Некоторое время «их» Вийон был единственным и, так сказать, истинным Вийоном для советского читателя. Но в последние годы, как это бывало уже не раз, интерес переводчиков к нему возрождается: в печати появляются буквально только что сделанные переводы В. Орла, Н. Стрижевской, Ю. Стефанова, А. Парина и других.

Как оценить этот новый «штурм»? Не будем топиться. Перевод неизбежно связан с потерями и жертвами: переводчик, кроме всего прочего, вынужден выбирать — чем и во имя чего пожертвовать, предпринимая перенос поэтического текста из одного языка в другой.

Переводов Вийона много, и это положительно и ценно, это означает возможность широкого выбора, предоставляемого читателю.

Но как бы ни был ухищрен переводчик, каким бы ни представлял себе Вийона читатель — важно одно: чтобы творчество замечательного средневекового поэта в иноязычном варианте на потеряло своего главного качества, того самого, благодаря которому оно живо в сердцах людей уже более пяти столетий. Качество это — удивительная неподдельность, рожденная не утонченным интеллектом, не сознанием реформаторов и не сложными рефлексиями изощренного мастера, но лишь бесконечной любовью к жизни и отчаянной энергией пустого желудка.

Предлагаемые переводы — одна из попыток сохранить именно это качество наследия Франсуа Вийона.

Франсуа ВИЙОН

В переводе А. Застырца

БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ

*Воды из сита не напиться,
На свой хребет коза скребет,
На ночьку и вдова — девица,
Козла пустили в огород,
Отвага города берет,
Вода по капле камень точит,
А под лежащий не течет,
Не поминайте черта к ночи!*

*Кто хочет жить — умей крутиться,
Красноречивый много врет,
Дорожка в гору не торится,
А умный гору обойдет,
Покой дорожке, чем почет,
Но путь запретный всех короче,
И слаще всех запретный плод,
Не поминайте черта к ночи!*

Лишь слово скоро говорится,
А дело медленно идет,
И лучше кажется синица,
Когда журавль из рук порхнет,
Хоть видит око — зуб неймет,
Всегда ни с чем, кто много хочет,
Свинья повсюду грязь найдет,
Не поминайте черта к ночи!

Кто сам не может расплатиться,
Тот щедро каждому дает,
Краса пройдет — добро сгодится,
Сулить язык не устают,
По осени цыплятам счет,
Младенец истину пророчит,
Не надо забегать вперед,
Не поминайте черта к ночи!

Мой Принц, всем дуракам везет,
Последний громче всех хохочет,
И всяк мудрец, когда прижмет,
Не поминайте черта к ночи!

БАЛЛАДА ПО НИЧТОЖНОМУ ПОВОДУ

Я знаю, грязь чернее мела,
Я знаю, кто во что одет,
Я знаю, в праздник не до дела,
Я знаю, слив на дубе нет,
Я знаю тысячу примет,
Я знаю, листья опадают,
Я знаю, старцу много лет,
Я знаю всё — себя не знаю.

Я знаю, что под рясой тело,
Я знаю, как надеть колет,
Я знаю, что монашка — в белом,
Я знаю, дама — не валет,
Я знаю брань и пьяный бред,
Я знаю, дурня сыр питает¹,
Я знаю, есть в вине букет,
Я знаю всё — себя не знаю.

Я знаю, лошадь сено съела,
Я знаю, груз горбу во вред,
Я знаю, нет игре предела,
Я знаю звон чужих монет,
Я знаю, Берга — не Жаннет²,
Я знаю, чех раскол рождает³,
Я знаю Рима горний свет⁴,
Я знаю всё — себя не знаю.

Мой Принц, я знаю вкус и цвет,
Я знаю, бледность украшает,
Я знаю, смерти хуже нет,
Я знаю всё — себя не знаю.

Баллада «По ничтожному поводу» (такое название ей дал в 1854 году П. Л. Жаккоб) представляет собой пародию на традиционный средневековой жанр стихотворного монолога, в котором автор похваляется своими глубокими познаниями и талантами. Пародийный эффект достигается за счет очевидной банальности «познаний» и комического противопоставления рефрена куплету (не знать самого себя — в смысле элементарного самосознания — очевидный признак безумия).

1) ...дурня сыр питает... — по традиции в средневековой Франции сумасшедших кормили сыром.

2) ...Берга — не Жаннет... — здесь просто использованы женские имена, которые невозможно спутать друг с другом.

БАЛЛАДА ДОБРОГО СОВЕТА ДУРНО ЖИВУЩИМ

Будь папских булл ты продавец,
Лихой разбойник иль грабитель,
Мошенник хитрый, вор, подлец,
Худых монет изготовитель
Из тех, кого для вящей прити
Прилюдно варят в кипятке,
Где ваша выручка, скажите?
У девок всё и в кабаке!

Звени в кимвол и бубенец,
Нахальных выходов любитель,
Будь ты актер, паяц, игрец,
Бесстыдных фарсов исполнитель —
Жонглера всюду любит зритель,
В любом селе и городке...
Но сколь зевак ни оберите —
У девок всё и в кабаке!

Не из таких — спаси, Творец! —
Кобыл и мулов покровитель,
Усердный пахарь, швец и жнец,
Глуши невежественный житель...
Но, люди добрые, учтите,
Что как ни жмите в кулаке —
Окажется, уж извините,
У девок всё и в кабаке.

Плащи и мантии снимите,
Штаны несите в узелке:
Пока не поздно, заложите
У девок всё и в кабаке!

ПОСЛАНИЕ К ПРИНЦУ БУРБОНСКОМУ

Мой господин и повелитель грозный,
Цвет лилии, потомок королей,
К вам Франсуа Вийон в посланьи
слезном,

Судьбой избитый некуда больней,
С мольбою обращается своей,
О милостивом просит одолженьи!
Он все вернет, не ведайте

сомнения:
Перед любым судом вам клятву дать
Готов он, опустившись на колени, —
Вернутся деньги, стоит подождать.

Гораздо лучше, если платят поздно,
Чем никогда! Он мог вернуть скорей
Те шесть экю,

но с новой ссудой розно!
Не лучше ли все сразу и позднее?
Вам одному из множества князей
Он подает нижайшее прошение,
Он все вернет, примите заверенье,
Лишь доведется желудь отыскать
В окрестностях Патэ,

3) ...чех раскол рождает... — намек на ересь гуситов и церковный раскол, происшедший в результате сожжения на костре Яна Гуса в 1415 году.

4) ...Рима горний свет... — расправа над Яном Гусом могла бы служить примером могущества папы римского, но, поскольку она не предотвратила раскола, здесь явно слышится иронический оттенок. В целом, в этой и предыдущей строках отражена общеизвестная в XV веке политическая ситуация.

в лесу весеннем,
Вернутся деньги, стоит подождать.
Ростовщики-ломбардцы виртуозны! —
Здоровье заложить бы им, ей-ей!
Нехваткой денег болен я серьезно,
Когда дошел до этаких затей!
Ни одного денье в мошне моей.
Мой добрый Бог! Какое потрясенье —
Не вижу денег даже в сновиденьи!
Уже их облик начал забывать,
Но как увижу,

к вам без промедленья
Вернутся деньги, стоит подождать.

Лилейный Принц,
участья воплощенье!

Вы знаете, что в путях невезенья
Противно мне впустую обещать!
Поймите верно, я прошу прощенья,
Вернутся деньги, стоит подождать.

НАДПИСЬ НА ОБОРОТЕ ПИСЬМА

Ступай, посланье, в дальний путь,
Хоть безъязыко и безного,
Внуши своим высоким слогом,
Что в нищете не продохнуть.

ЭПИТАФИЯ

В камерке этой с миром спит,
Стрелой Амура умерщвлен,
Несчастный маленький пиит,
Чье имя — Франсуа Вийон.
Хоть не имел угодий он,
Всяк был его посевом сыт
И хлебом-солью наделен;
Пускай над ним сей стих звучит.

СТИХ (РОНДО)

Мир праху брэнному его
И со святыми упокой.
Он миски не имел худой,
Ни корки хлеба, ничего!
Да и волос — ни одного —
Как лук со снятой кожурой,
Мир праху брэнному его.

Изведал злобы торжество
Спровоженный пинком изгой,
Как ни мотал он головой
В знак возмущенья своего.
Мир праху брэнному его.

Дядя Пуг и другие

Юрий БУГРОВ

«Цирк. Сегодня и завтра единственный в мире дамский чемпионат французской борьбы». Объявления украсили афишные тумбы Курска летом 1918 года. Борчих было девять: Фрида Дамберг, Дарья Поддубная, Анна Знаменская, Димитреску, Гаррисон, Белани, Бондаренко, Мухтарова, Романова...

Одним из обладателей билета в цирк стал тогда Иван Дмитриевич Булгаков. Впрочем, в цирке его отлично знали, ведь он был не только спортсменом-любителем, но и арбитром профессиональной борьбы и не однажды судил схватки силачей.

Женский чемпионат наделал шуму, оставил память о себе. В конце состязаний арбитр-распорядитель Рогольский объявил: «А сейчас чемпионка мира Фрида Дамберг платит пять тысяч тому, кто поборет ее».

Энтузиаст нашелся, поплевав на руки, ринулся он на женщину: лестно ведь побороть чемпионку мира. Рез-

кий захват Фриды — и любитель, однако, оказался на ковре...

Курыззов в цирковых чемпионатах борьбы хватало. Вызвав из публики желающих испытать себя, борцы иногда и проигрывали силачам, которые совершенно не владели техникой борьбы, а уж о бра руде и тур де тетах и слыхом не слыхивали. Московский журнал «Циклист» напечатал в одном из номеров за 1901 год: «Курск. Извозчик Агарков в русской борьбе за одну минуту положил Андерсона». Почти в каждом городе, где проводилась борьба, находились силачи. Пресса умело подогревала интерес к их победам над профессионалами. Извозчик более не выступал на арене, но когда, гордо восседая на козлах своей повозки, ехал по городу, развозя из магазинов тюки, мебель, то его узнавали и говорили: «Это тот самый... который чемпион...»

Собирание всего, что связано с

борьбой, а именно фотографий борцов, афиш, программ, бенефисных карточек, визиток, легенд и курыззов, значков, журналов, биографий борцов с их физическими данными, таблиц чемпионатов борьбы — стало одним из видов коллекционирования.

Борьба была гвоздевым номером в каждой из цирковых программ. Полупустые в первом отделении цирки заполнялись до отказа в третьем, которое полностью отводилось борьбе. В цирках боролись выдающиеся атлеты, имена которых навечно вписаны в историю спорта: три Ивана — Поддубный, Заикин, Шемякин, два Георга — эстонцы Гаккеншмидт и Лурих, Николай Вахтуров, Алекс Аберг и многие другие.

Вид спорта был вполне доступен и вызывал огромный интерес своей состязательностью. Зритель жаждал видеть красоту силы, которая издавна славилась добротой. Другие виды спорта, в том числе и популяр-

ные ныне футбол и хоккей, тогда еще качались в зыбке.

На почве беззаветной любви к борьбе и созданся знаменитый квартет российских собирателей материалов о борьбе.

Будем демократичны до конца, как и сама борьба, и введем действующих лиц квартета по алфавиту.

БУЛГАКОВ Иван Дмитриевич (Курск) родился в 1896 году, умер в 1972. Старейший курский спортсмен-любитель. Постоянный председатель жюри чемпионатов и матчей профессиональной борьбы. Печатался в московских спортивных журналах и местной прессе.

ПОЛЯНИН Юрий Ананьевич (Пермь) родился в 1896, умер в 1980 году. Ветеран тяжелой атлетики и борьбы в родном городе. Чемпион Перми. Преподаватель в вузах и техникумах. Судья всесоюзной категории. Член Союза журналистов.

ПОТОКИН Павел Николаевич (Воронеж) родился в 1902 году. Когда несколько лет назад готовилась книга, посвященная М. Горькому, и понадобилось сделать уточнения и комментарии, касающиеся борцов, составители обратились за помощью в цирки, в физкультурные организации, даже в музей циркового искусства. Помочь им не смогли. Сделал это П. Н. Потокин.

РАССО-ЕРМОЛОВ Михаил Михайлович (Нижний Новгород) родился в 1898, умер в 1939 году. Организатор ряда нижегородских спортивных клубов. Арбитр многих чемпионатов. Много сотрудничал с прессой. Чемпион Поволжья в 1917 году.

После ранней смерти Рассо-Ермолова, уже в послевоенные годы, вошел в квартет Савельев Сергей Ни-

кифорович из Магнитогорска (1890—1957), и еще несколько лет «квартет» играл свою борцовскую сюиту на отлично.

Собиратели материалов о борьбе оставили память о себе, о своем рыцарском отношении к спорту. Давайте окупемся в их мир. Почитаем письма к ним, записи, дневники, посмотрим фотографии и афиши и как бы возьмем интервью у тех, кто все собранное оставил нам в наследство.

Автор: Как же образовался ваш уникальный квартет эрудитов, когда это произошло?

Полянин: В 1909 году, побывав в цирке и увидев борцов и борьбу, я был поражен силой чемпионов и задался целью найти пути, чтобы стать сильным и заставить обидчиков уважать себя. Ведь рос я хилым. Тогда же в цирке я приобрел и первые три фотокарточки борцов. Помню, что это были Поддубный, Збышко-Цыганевич и Харченко. Конечно, не помышлял тогда ни о какой коллекции. Вел я переписку со знакомыми борцами, которые присылали фотографии и афиши. С годами их становилось все больше и больше. В 1929 году получаю письмо от курского спортсмена с предложением обмена. Удивился, что еще один такой же чудак нашелся. И только тут понял, что я — коллекционер. Обо мне Булгаков узнал от одного борца, выступавшего у нас в Перми. Новый знакомый познакомил меня с Потокиним, а тот сообщил адрес нижегородца Рассо-Ермолова. К 1930 году и оформился наш творческий союз коллекционеров.

Автор: Согласитесь, ведь такой вид собирательства достаточно редок?

Потокин: Ну что вы! Прекрасную коллекцию фотооткрыток и значков имел, например, Л. А. Чаплинский, председатель общества «Санитас» в Петербурге. Можно назвать и еще многих: З. А. Давыдов (Ленинград), К. И. Голубев (Горький), Ю. Л. Виноградов (Ярославль), С. Ф. Ширяев (Ростов-на-Дону). Интересную коллекцию имел король антрепренеров Дядя Ваня (И. В. Лебедев).

Автор: Кто же был лидером в вашем союзе?

Потокин: Нужно сказать, что я еще в 1918 году познакомился с Рассо-Ермоловым, а значительно позже с Булгаковым и Поляниным. Ко времени создания нашего квартета каждый имел разное количество собранных материалов, но никаких главных ролей в квартете не было. Каждый из нас помогал друг другу. Словом, жили дружно. Когда в 1931 году Булгаков купил коллекцию у И. В. Лебедева, то поделился ею со мной и другими членами нашего квартета.

Автор: Был ли у вас какой-то устав или кодекс?

Рассо-Ермолов: Что-то вроде кодекса было. И мы обязались выполнять такую программу сотрудничества:

1. Сбор и обмен фотографиями борцов и атлетов. При этом имеющий фото в единственном экземпляре должен был размножить его для всех.

2. Составление биографических и физико-технических данных борцов и передача всем союзникам.

3. Сбор газетных вырезок для себя и для друзей. Так что приходилось покупать газеты в трех, а то и более экземплярах.

4. Сбор афиш, программ, других материалов для себя и для друзей.

5. Полная взаимная информация о борьбе, вплоть до того, на какой минуте такой-то положил другого и каким приемом. Не обходилось и без легенд, которые порою обрастали некоторыми не бывшими в действительности подробностями, но не портившими картины дела. Основа легенд все же была настоящей.

Автор: Но может быть, все же можно выделить чью-то коллекцию особо?

Потокин: Самые большие коллекции были у Булгакова и Полянина. Каждый имел около пяти тысяч фотографий борцов. У меня — в два раза меньше. Довоенная коллекция погибла в огне Воронежской битвы.

На вопрос: «Почему же такой вид собирательства навсегда приворожил вас к себе?» — они ответили почти одинаково.

Булгаков: Хотелось стать сильным, а для этого надо было много знать о борцах и борьбе.

Полянин: Тянула игра мускулов, красота телосложения, да так, что поднывало под ложечкой. Могли сам стать таким?

Потокин: С детства уважал добрую силу, помогавшую слабому стать сильным, и хотя я никогда, в отличие от моих друзей, не боролся сам, навсегда полюбил борьбу — честную и добрую.

Рассо-Ермолов: Настоящая борьба интеллектуальна и учит мужеству.

Итак, подводя итоги интервью, скажем, что любовь к борьбе пронесли они через свои жизни, пропагандируя этот вид спорта, осуждая и негативные явления в виде подставок, подтасовок результатов, других нечестностей.

Квартет стал своеобразным информационным центром. Если нужно было составить ретроспективный обзор борьбы к предстоящим выступлениям, то без них просто было невозможно обойтись. Когда Иван Поддубный в 1928 году выступал в Курске, он побывал дома у Булгакова.

Чемпион мира назвал тогда коллекционера «ходячей энциклопедией спорта».

Коллекционирование материалов о борьбе продолжили более молодые поколения, и это несмотря на то, что все большую популярность завоевывали другие виды спорта, а особенно футбол и хоккей.

За кварталом старейших нужно отметить двоих интересных знатоков борьбы: Ольфа Вольдемаровича Лангсеппа и Аркадия Александровича Суханова. Последнему незадолго до своей смерти подарил свою коллекцию Булгаков. Эту эстафету Суханов принял достойно, озаменовал ее книгой о борьбе. «Алекс-Аберг — загадка ковра» была издана в Таллине в 1971 году. В надежные руки попала коллекция Ивана Дмитриевича. Странно, что ни один музей страны и даже музей цирка не заинтересовался ею.

Несколько книг о борьбе вышло и из-под пера Лангсеппа.

Следующее поколение совсем молодое — это и Горбунов из Рязани, и Чувашов из Пензенской области, и Афанасьев из Читинской...

Пройдут и еще годы. Угаснет ли тяга к борьбе? Судя по тому, что дзю-до осваивают и девушки, интерес к борьбе не снижается. А коли она будет — не исчезнут и коллекционеры. Значит, не будем забывать первособирателей. Вспомним еще раз прошлое, прочитаем еще одно досье.

В 1917 году цирковой предприниматель Андро Чинизелли привлек к судейству знаменитого Дядю Пуда — Всеволода Николаевича Авдеева-Булацеля. Будучи студентом Московского университета он в восемнадцать лет весил уже девять пудов, а позднее — 204 кг. В охвате грудь Авдеева достигала 156 см, живот — 166 см, бицепсы — 54 см. Учась в университете, увлекся театром и даже выступал в ролях, а с трупой Орленева побывал на гастролях в Норвегии. Популярность пришла после съемок в кино в фильме «Похождения Дяди Пуда». Но борьба победила...

Чинизелли знал, кого приглашал, — посещаемость цирка сразу возросла.

Досье на борцов и тяжелоатлетов составляются и сегодня. Квартет сыграл свою роль в пропаганде спорта. Коллекции их были доступны всем. К примеру, Полянин организовал однажды выставки на четырех теплоходах, ходивших по Волге и Каме. Много людей увидело их!

Может показаться странным, но это так: в стране нет музея спорта, а ведь он давно мог бы быть, и верными помощниками ему стали бы старые и молодые коллекционеры.

Клуб собирателей

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Наталья
СКОМОРОВСКАЯ

Однажды в семье московского художника М. Горшмана мы отбирали работы для приобретения. Вошел его сын, инженер-конструктор. — Познакомьтесь, — сказал Горшман. — Мой сын может быть вам полезен: он знает, кажется, всех военных девятнадцатого века в лицо...

Так мы узнали, что Александр Михайлович Горшман — большой знаток военных мундиров.

Наверное, в каждом музейном собрании есть портреты неизвестных художников. Среди них — изображения военных и гражданских чиновников, тоже неизвестных. В нашей галерее немало подобных работ. Есть у нас портрет военного кисти Боровиковского. Автор монографии о В. Боровиковском Т. В. Алексеева поставила вопрос около его имени. Я отправила фотографию Горшману. В ответ он запросил описание мундира.

Меня поразили письма Александра Михайловича, достойные публикации сами по себе. Они пестрили черно-белыми и цветными зарисовками, снабжены богатым изобразительным справочным аппаратом. Он писал:

«...поскольку фотографии черно-белого исполнения, то я попрошу дополнительно описать цвета основного сукна мундира, форменного фрака и сюртука, цветных выпушек по краю воротника или борта мундира. Затем металлический прибор на мундире, а ежели верх круглых полей эполет покрыт сукном, то дать и цвет сукна и назвать цифру на эполете, ежели она есть, а коли звездочки есть и они на фото не получились, то обозначить, сколько звездочек».

Инвентарное описание пришлось дополнять. Выпушка по краю воротника красная. Петлиц на воротнике нет. Круглое поле эполетов без изображений. Блестящие круглые гладкие пуговицы в два ряда. По три пуговицы на клапанах обшлагов, которые оторочены красной нитью, как и выпушка по краю воротника. Вы-

пушки вдоль борта мундира нет (во всяком случае, не видно). По левой фалде мундира из-под пояса идет тоже красная выпушка. Справа темляк*.

Вот рассуждения Горшмана об этом портрете:

«...то, что портрет не должен быть написан в 1805 году (на оборотной стороне холста до дублировки стояла дата «1805 г.» — Н. С.) — это мне сразу стало ясно, поскольку эполеты у офицера образца, введенного в армии с 27 декабря 1822 года, а в 1805 году вообще не было эполет на мундирах у офицеров, а были погоны, обшитые галуном. Мундир же покроя, учрежденного в начале 1812 года, двубортный с воротником без раскосов и застегивающимся доверху на крючках (у офицера вашего воротник расстегнут). То, что у него черный воротник и обшлага с более светлыми, скорее всего красными (как и оказалось по Вашему описанию) выпушками по краям — это я тоже разобрал. Оставалось для меня неясным, какого цвета пуговицы... А без знания их цвета я не могу написать Вам, кто изображен на портрете. Хотя Вы и предполагаете, что это военный инженер, но я этого не нахожу, ибо у военных инженеров на воротнике должны быть две серебряные петлицы с каждой стороны воротника и на клапанах обшлагов по три маленьких серебряных петлички... Ежели петлиц нет, а пуговицы и эполеты все равно серебряные, то значит этот офицер (в данном случае подполковник или полковник, поскольку эполеты у него с тонкой густой бахромой) зачислен по военному инженерному ведомству и занимал какую-то нестроевую должность, а если пуговицы и эполеты у него золотые, то значит это подполковник, зачисленный по артиллерии, что также означает отсутствие у него строевой должности. Но и в том, и в другом случае воротник у него должен иметь выпушку и по нижнему краю воротника, так называемый «ученый кант», введенный для инженеров и саперов в 1802 году, а для артиллеристов в 1809 году, причем зачисленные по инженерному ведомству офицеры получили этот ученый кант в 1822 году».

Тем временем исследователь творчества В. Боровиковского Т. Алексеева заметила Горшману, что по стилю и манере работы портрет мог быть написан в 1805 году. Тогда, предположил Александр Михайлович, фасон воротника и эполеты могли быть переписаны позднее, что может подтвердиться рентгеновским просвечиванием.

* Темляк — петля у ремня или ленты на эфесе сабли (шашки). Темляк надевается на кисть руки для удобства пользования оружием.

Очень для нас соблазнительная версия!

...В Москву были отправлены фотографии еще с двух портретов из коллекции Пермской галереи.

Они поступили в 1969 году из Дирекции фондов и проектирования памятников. На портрете под инвентарным номером ж-1116 в трехчетвертном повороте влево изображен тучный мужчина средних лет. Волосы рыжие, кудрявые. Бакенбарды. Глаза серо-голубые. Воротник мундира темный с красной опушкой, шитье — серебристое. Портретируемый под рукой держит треуголку с плюмажем из страусовых перьев. Через плечо — широкая красная лента с желтыми полосками по краям. Впечатление такое, что лента сверху написана позже, очень плоскостно изображена. Орденов мы не знали, считали, что изображен военный.

Уже первое письмо Александра Михайловича после полученной фотографии свидетельствовало о том, что мы ошибались. Сначала Горшман установил, что изображен чиновник, не военный, в чине действительного статского советника, что соответствовало генерал-майорскому чину в армии.

После поисков, сравнений Горшман определил, что на портрете изображен обер-прокурор Святейшего Синода князь Петр Сергеевич Мещерский.

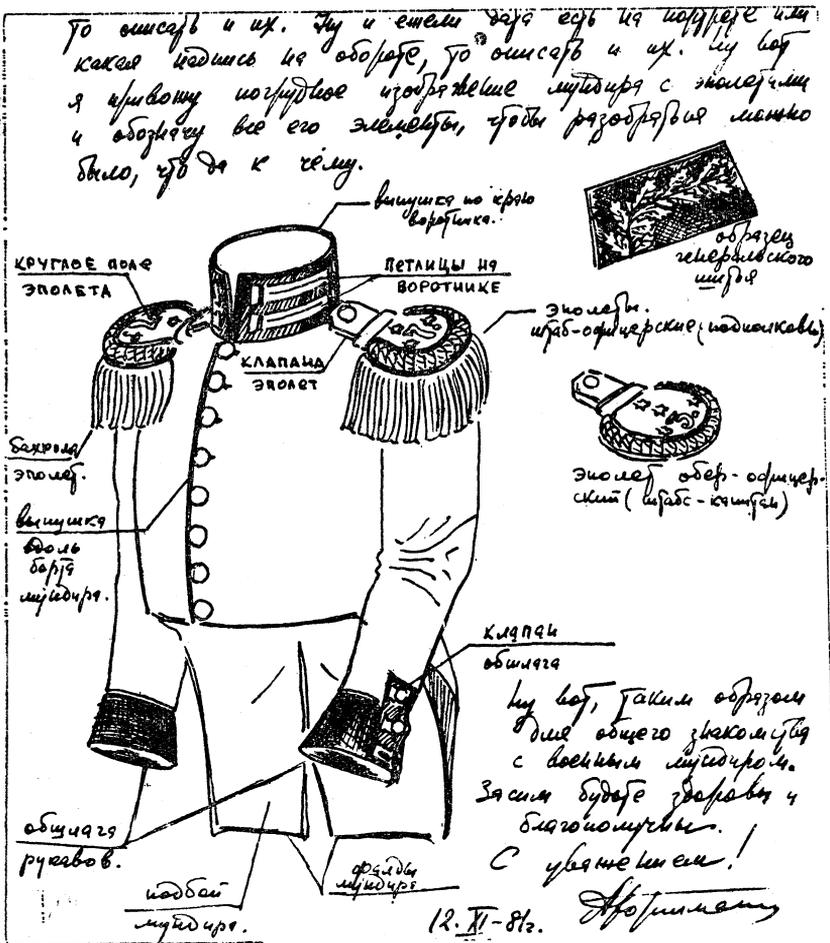
В подтверждение всех сопоставлений он отыскал портрет князя в «Материалах для истории православной церкви в России со времени учреждения Святейшего правительственного Синода (1721—1896 гг.)». Правда, там он в более пожилом возрасте, но чертами лица похож.

Сложнее было с портретом за № ж-1167, на котором изображен неизвестный в мундире с высоким, до ушей, стоячим воротником с раскосами. Белое кружевное жабо и орден св. Владимира 3-й степени и св. Анны 2-го класса с бриллиантами украшают его костюм.

Горшман, конечно, назвал эти ордена, угадал он и мундир — темный, с темно-малахитовым воротником и зеленой выпушкой вдоль борта. И только опять спрашивал: «А какого цвета пуговицы?».

Сначала он решил, что изображен предводитель дворянства Вологодской губернии, «ибо темно-зеленый мундир в малахит или в морскую волну, как тогда говаривали, бутылочного цвету». Носили такие мундиры (с золотыми пуговицами) дворянские предводители и дворянские депутаты в Вологодской губернии с 1802 по 1811 годы. «Поскольку же волосы у персонажа не взбиты и не напудрены, то диапазон лет сужается в 1807 по 1811 год».

Интересные комментарии кон-

Рентген эту «запись» обнаружил. То, что на портрете изображен артиллерийский инженер в чине полковника, подтвердил и ленинградский военный историк и атрибутист Роман Карлович Сот, которому показывал Горшман фотографию с нашего портрета и которого почитают атрибутисты по некоторым вопросам мундироведения и наградного дела.

Переписка становилась захватывающе интересной. Кто же мог быть изображенным на портрете?!

И вот письмо: «Есть у меня три кандидатуры, поскольку до 1812 года в Петербурге, где преимущественно и работал Боровиковский, было три артиллерийских инженера, которые были известны и при дворе, и в административно-военных кругах: брат полковника М. Б. Барклая-де-Толли Иван Богданович Барклай-де-Толли, затем Кабанов и Фишум фон Экстедт. Ну, Фишум, как немец или остзеец, был, наверное, светлоглазым и светловолосым (что нам не

подходит); у И. Б. Барклая был орден св. Георгия 4-й степени, полученный в феврале 1806 года, да еще Мальтийский командорский крест, полученный при Павле, и орден св. Владимира 4-й степени с бантом, который он заслужил еще в русско-шведскую войну 1788—1790 гг., так что и он не подходит (в противном случае орден был бы изображен). Кабанов же Федор Иванович первый свой орден св. Владимира 4-й степени получил в 1811 году, а Анну 2-й степени — в 1815 году — это я установил по спискам кавалеров российских орденов. Кабанов изобрел пользовавшийся большим успехом прицел для пушек, и почти вся русская артиллерия в войну 1812 года пользовалась прицелами его системы.

Также изобрел он приспособление для более скорой наводки орудий на цель, так называемый «винт Кабанова», и лафет сборно-разборной конструкции для горных орудий... О Кабанове прочитал я в Во-

ПЕРВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СИБИРИ

Станислав ЛОМАКИН, историк
Сергей ЛОМАКИН, студент

сультанта получили мы и по поводу желтоватой полосы у левого (от зрителя) края воротника. Это часть спензера, то есть жилета, который надевался под мундир. Жилет этот с высоким стоячим воротником и бортами шился из тонкого сукна, с рукавами из саржи или атласа. Название свое получил от имени лорда Спензера, который ввел эти куртки-жилеты под фраки или сюртуки для верховой езды в самом начале XIX столетия. Цвет сукна и саржи, из которых шились спензеры, был белый, палевый или желтоватый. Спензеры надевались, как правило, и под мундиры, и под форменные фраки или сюртуки гражданскими и военными лицами.

Однажды Александр Михайлович, занимаясь в Исторической библиотеке, просматривал «Исторический очерк Санкт-Петербургского лесного института за 100 лет (1803—1903)». Там описывались мундиры лесного ведомства. И оказалось, что с 1807 года по дням будним носили виц-мундир темно-зеленого сукна с зеленым бархатным воротником и с золотыми пуговицами. «Полез я тогда,— пишет Горшман,— в «Учреждение дворянского мундира в царствование Александра I», чтобы проверить таковые мундиры Вологодской губернии... и оказалось, что, переписывая цвета мундиров вологодских дворян... дал я несколько петуха, ибо у вологодских дворян воротники и обшлаги были черного бархата, пуговицы не гладкие, а с вологодским гербом (рука с мечом и державой, высовывающейся из облака)».

В библиотеке были заказаны месяцесловы с росписью чиновных особ Российской империи на 1807, 1809 и 1811 годы. Костюм оказался Лесного департамента, который входил тогда (1811 г.) в министерство финансов. Среди чинов названного департамента только один имел ордена св. Владимира 3-й степени и св. Анны с алмазами. Это — генерал-майор лесного ведомства и член совета Лесного департамента Иван Матвеевич Аклечев. Интересно бы, конечно, разыскать и его биографию.

Так три портрета неизвестных из нашего собрания обрели имена с помощью увлеченного знатока старины А. М. Горшмана.

Томскому ордену Октябрьской Революции и ордену Трудового Красного Знамени государственному университету имени В. В. Куйбышева в этом году исполняется 100 лет. Это первый вуз Сибири. В дореволюционные годы он так и именовался — Первый сибирский университет. А еще его называли «Сибирские Афины». Известный реакционный деятель М. Катков на страницах «Московских ведомостей» в 1886 году пугал правительство ужасными перспективами: «В Томске образовался целый штат социалистов, собранных со всех концов Сибири... Революционные кадры уже готовы. Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских студентов, а может быть, и профессоров».

Охранитель самодержавия был не так уж далек от истины. Большую роль в открытии университета сыграли декабристы, отбывавшие ссылку в Томске, ученые и писатели Сибири и среди них просветители Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, П. И. Макушин. За каждым из этих имен стоит выдающийся человек. Они были у истоков могучего идейного движения, призывали интеллигенцию к социальным преобразованиям на основе гражданского равенства, демократических свобод и гуманизма.

Создавать новый вуз был приглашен профессор Казанского университета Василий Маркович Флоринский. Это был известный ученый-медик, работавший в области зарождавшейся тогда науки генетики. В ходе строительства выяснилось, что средств, выделенных царским правительством, явно недостаточно. Сибирская общественность призвала создать фонд, чтобы недостающую сумму собрать всем миром. Сбор средств проводился во всех сибирских городах и среди крестьян. Малоимущими людьми было собрано более 125 тысяч рублей. Щедрым даром откликнулся русский промышленник с Урала — Павел Демидов. На открытие двух университетов — в Киеве и Тобольске — он пожертвовал 100 тысяч рублей с условием: «Пока присплет время образования сих последних, прошу, дабы мой капитал положен был в государственное место с тем, чтобы обращением своим возрастал в пользу тех университетов, представляя дальнейшее распоряжение оных благородному министру народного просвещения». Когда «приспело» время для Томского университета, Демидовский фонд составил 150 тысяч рублей. Известный сибирский купец А. М. Сибиряков, интересовавшийся освоением Северного морского пути, внес 110 тысяч рублей, томский городской голова З. М. Цибульский — 100 тысяч.

Первоначально университет представлял собой один-единственный медицинский факультет, где обучались 72 студента, из них 42 — выпускники духовных семинарий.

Открытие Томского университета знаменовало собой новый этап в изучении края. Оно стало не эпизодическим, а системным, научным. Уже в первые годы были организованы ряд музеев, ботанический сад и гербарий, хорошо оборудованные по тому времени лаборатории.

Очень важной составной частью учебного процесса сразу же стала научная библиотека университета, основанием которой послужили ценнейшие собрания книг графов Строгановых. Томский университет получил в дар или приобрел несколько личных библиотек. Об одной из них нужно сказать особо. Это библиотека известного поэта России, друга А. С. Пушкина Василия Андреевича Жуковского. Книжное собрание поэта купил у сына В. А. Жуковского сибирский меценат А. М. Сибиряков и подарил Томскому университету. Библиотека состояла из 4674 книг и содержала издания на русском, английском, немецком, французском языках. Сейчас в библиотеке Томского университета насчитывается несколько миллионов книг, она входит в первую десятку крупнейших научных библиотек мира.

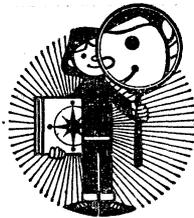
До Октября университет был известен как рассадник революционных идей. Первый в Сибири марксистский кружок образован в городе в 1894 году. Его организатором стал студент университета М. Ф. Владимирский, впоследствии видный деятель Коммунистической партии, соратник В. И. Ле-

нина. Прямое отношение к революционной деятельности университета имел Сергей Миронович Костриков (Киров). Валериан Владимирович Куйбышев был студентом юридического факультета Томского университета с сентября 1909 по 15 февраля 1910 года — до очередного ареста, когда он был выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции. Когда в 1934 году Томскому университету было присвоено имя В. В. Куйбышева, он прислал студентам телеграмму с пожеланием, чтобы «все студенчество было проникнуто такой же революционной энергией, какой были проникнуты в свое время томские большевики и вся партия в борьбе за свержение самодержавия и за победу большевизма».

За дореволюционный период с 1888 по 1917 год Томский университет окончили 2324 человека, получившие дипломы врачей и юристов. Сейчас в составе университета 14 факультетов, на которых обучается около 10 тысяч студентов и аспирантов.

В университете сложились научные школы, известные у нас в стране и за рубежом, они связаны с выдающимися учеными отечественной науки. В главном корпусе университета открыта галерея известных ученых, работавших в университете и окончивших его. Животный мир Сибири изучал основатель школы зоологов академик Н. Ф. Кашенко. Академики С. И. Коржинский и П. Н. Крылов оставили капитальные труды о растительности Сибири. Широко известны имена хирурга Э. Г. Салищева, физиолога А. А. Кулябко, академиков-медиков И. Н. Бурденко, В. Д. Тимакова, А. Г. Савиных, академика-физика В. Д. Кузнецова. Математическая школа возглавлялась профессором П. П. Куфаревым, химическая — профессором Б. В. Троновым, исторические — А. И. Даниловым, М. И. Разгоном, З. Я. Бояршиновой. В Томском университете работал выдающийся философ, впоследствии директор Института философии АН СССР П. В. Копнин.

г. Томск

МИР

на ладоны

Каналы на Ямале!

Факты прошлого рассказывают о том, что Екатеринбург (Свердловск) был центром подготовки северных экспедиций. В ежемесячном журнале «Хозяйство Урала» в 1925 году была опубликована статья Б. Городкова «К использованию Северного морского пути». В ней дается критический обзор разных полярных проектов.

Железнодорожный путь в начале века не справлялся с растущим потоком грузов из Сибири. А, к примеру, лесные материалы вообще возить по «чугунке» считалось убыточным делом. Поэтому и велся поиск различных иных путей сообщения, в том числе и на Крайнем Севере. Были и практические попытки: сооружение Обь-Енисейского канала, прокладка Сибиряковских трактов.

В двадцатые годы вновь стала обсуждаться идея проведения каналов через полуостров Ямал.

Еще в 1876 году Бременское общество немецких северных полярных экспедиций снарядило экспедицию под начальством зоолога Отто Финша, в задачи которой входил и поиск возможности соединения каналом рек Подараты и Щучьей. В этой экспедиции был и всемирно знаменитый зоолог Брем, посетивший проездом Екатеринбург.

Одновременно с немцами работала в районе Ямала и русская экспедиция Матвеева и Орлова. Тогда идея ямальских каналов была отвергнута полярными путешественниками.

В самом конце прошлого века «беспокойный» писатель и отважный странник Константин Носилов напоминает читающей публике о проекте ямальских каналов.

В 1914 году Носилов получил концессию на устройство водного сообщения через Ямал. Новый путь, по мнению Носилова, сократил бы дорогу на две тысячи верст и исключил бы нужду пробиваться сквозь льды Карского моря.

В 1916 году на Ямал отправилась экспедиция для устройства пути по проекту Носилова. Однако суда дошли лишь до Березова, где и зимовали. Почему-то и в 1918 году они не двинулись дальше... Дело заглохло.

В 1920 году в газетах снова по-

явились статьи о самом северном канале. И на следующий год Совнарком постановил срочно снарядить экспедицию под руководством Носилова и Эльпорта. Правительство надеялось на быстрый практический результат, планируя получить по новому пути 120 миллионов пудов хлеба и 200 тысяч пудов оленьего мяса. Но и эта экспедиция не принесла успеха.

В статье, опубликованной в журнале «Хозяйство Урала», автор свидетельствует, что «в самое последнее время Эльпорт снова защищал в Свердловске проект проведения канала через Ямал». Б. Городков критически рассматривает кажущиеся выгоды от проведения каналов на Ямале. А ведь и действительно они кажутся не менее фантастичными, чем каналы на Марсе, к которым мы, по крайней мере, поприехали.

Так чем же плох дерзкий проект? Быстрее суда по новому пути не пойдут, считал Б. Городков, потому что по небольшим речкам и каналам они будут едва-едва двигаться. Статистика показывает, что почти все суда благополучно огибали полуостров Ямал, поэтому нечего преувеличивать страхи перед Карским морем.

И, наконец, легко ли прорыть канал? Высота водораздела составляет 145 метров, а это серьезное препятствие. А еще коварства вечной мерзлоты. Она залегает на глубине полуметра, поэтому содержание канала в растревоженной мерзлоте обойдется того дороже...

Короче, подводит итог автор статьи в журнале «Хозяйство Урала», «при настоящем тяжелом положении Республики следует обратить большое внимание на Северный морской путь».

Ю. ЛИПАТНИКОВ

«Конкорд» и фалеристика

— Алло, Саша! У тебя есть какие-нибудь технические данные по «Конкорду»?

— Есть кое-что о салоне в Бурже, где он демонстрировался.

— Немедленно разыщи этот материал и продиктуй данные.

— Сейчас. Не кладите трубку...

Итак, о «Конкорде» — сверхзвуковом лайнере англо-французского производства, предназначенном для перевозки пассажиров. Несколько таких машин эксплуатировала одна из крупнейших в мире авиакомпаний «Эр Франс», в том числе на самой длинной авиалинии Париж — Токио. И вот возникла, как говорится, нештатная ситуация: по условиям полета потребовалось произвести посадку в Новосибирском центральном аэропорту «Толмачево». До этого дня «Конкорд» никогда не садился на территории нашей страны.

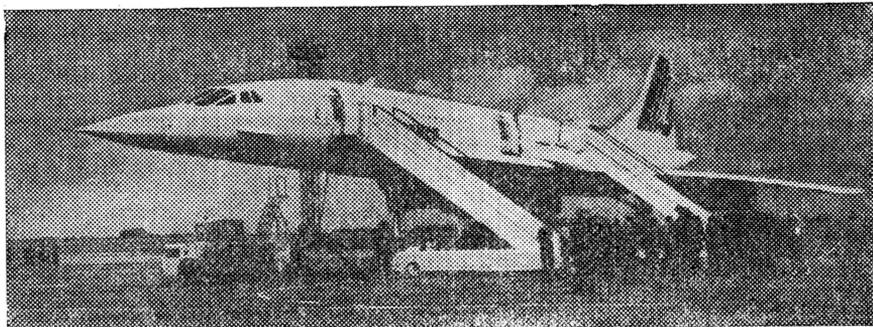
Как руководить его приземлением? Какова посадочная скорость «Конкорда», длина пробега, база шасси? Сможет ли лайнер самостоятельно развернуться на толмачевской взлетно-посадочной полосе (ВПП) или его надо будет буксировать?

Вот какие вопросы возникли перед специалистами службы управления воздушным движением Новосибирского аэропорта. Все это, конечно, можно было бы выяснить в библиотеках города. Но до него почти сорок километров, а тут на счете каждая минута. И тогда руководитель полетов позвонил диспетчеру старта комсомольцу Александру Герасименко...

Через пару минут тот передал на командную вышку летно-тактические данные и основные конструктивные параметры «Конкорда». Вооруженные ими, толмачевские диспетчеры получили возможность произвести необходимые расчеты и, четко руководя снижением лайнера, помогли экипажу выдерживать глиссаду (траекторию) посадки, разворачиваться на ВПП и т. д. Во время стоянки в Новосибирском аэропорту «Конкорд» прошел полное транзитное техобслуживание всех своих систем и вскоре продолжил полет со скоростью 2200—2500 километров в час навстречу солнцу в Страну восходящего солнца.

А какое отношение имеет ко всему этому фалеристика, то есть коллекционирование значков? Самое непосредственное! Таково хобби А. Герасименко. За несколько лет он собрал свыше двух тысяч значков, посвященных авиации — от ее зарождения до наших дней.

Самый «древний» среди его экспонатов значок «Воздушный флот — сила России» выпущен в 1913 году в Ревеле (ныне Таллин). Есть у Саши и другие экземпляры этой серии, которые чеканились в 1923 году Обществом друзей воздушного флота. Уникален экспонат коллекции, изображающий падение сбитого реактивного самолета на фоне вьетнамского пейзажа. Этот значок изготовлен из металла сотога «Фантома», сбитого над знаменитым Мостом Драконов. Фалеристское собрание

сибиряка имеет и такие редкие экземпляры, которыми не располагает даже крупнейший в нашей стране монинский музей авиации.

Коллекционируя значки, Александр Герасименко начал подбирать и соответствующую литературу: справочники по истории авиации, журналы и проспекты о международных и национальных авиасалонах и выставках, буклеты и описания новинок крылатой техники. И эти издания заняли добрую полови-

ну полок в большом книжном шкафу.

Увлечение фалеристикой, как видим, доставляет не только радость самому коллекционеру, но и принесло реальную, практическую пользу многим людям — помогло посадке самолета.

На снимке: сверхзвуковой лайнер «Конкорд» на перроне Новосибирского аэропорта «Толмачево».

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Секрет итальянских скрипок

Волшебное звучание скрипок итальянских мастеров Страдивариуса и Гварнери объясняется, по мнению американского биохимика Джозефа Надживари, наличием в них одного из видов древесного грибка. Он был обнаружен в нескольких скрипках, причем как раз в тех, которые отличаются особо.

Используя дерево, пораженное грибком, Надживари изготовил 18 скрипок. По свидетельству музыкантов-профессионалов, они имеют мягкий и сочный звук, близкий к инструментам XVII—XVIII веков.

Грибок, обнаруженный биохимиком, может вырасти только на дереве, погруженном в воду. И Надживари отыскал записи, в которых говорится о сплаве деревьев с Альп в Кремону, где, как известно, знаменитые мастера готовили свои инструменты.

По всей вероятности, грибок съедает смолистые вещества, содержащиеся в древесине, а это делает ее более мягкой и вибрирующей. «В последние 150 лет все скрипичные мастера совершали ошибку, используя для создания скрипок сухое, выдержанное дерево», — говорит Надживари.

Е. СОЛДАТКИН

Мумия в пещере

Пещера эта находится в Таджикистане, в одном из ущелий Гиссарского хребта, на высоте 2750 м, километрах в двадцати от озера Искандер-куль.

Ее тщательно скрывает местное население. Поэтому, несмотря на популярность среди мусульман (место паломничества), пещера остается малоизвестной для широкого круга исследователей.

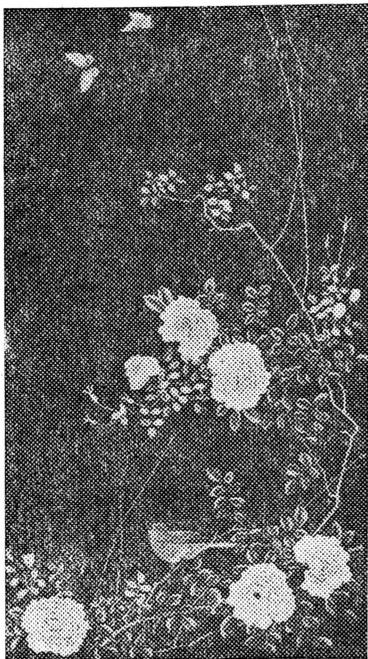
Что же влечет сюда паломников? Вблизи от входа, в освещенной части пещеры, слегка откинувшись назад, «сидит» человеческий скелет, обтянутый кожей. Это — «святой Ходжа Исхак». Одна из легенд гласит, что Ходжа Исхак возглавил сопротивление войскам Александра Македонского. Немногочисленный отряд Ходжи был разбит и оттеснен высоко в горы. Здесь, в недоступной врагу пещере, Ходжа Исхак и его последние воины приняли смерть. По другой легенде Ходжа Исхак — один из индустских священников, проникших в Среднюю Азию с миссионерскими целями. Трудно отдать предпочтение какой-либо легенде...

Ходжа Исхак был захоронен в естественном подземелье по существовавшей в древнем мире традиции. В III—X веках нашей эры пещера могла служить для согдийцев (коренного населения Средней Азии

в домусульманский период) асуарией, где трупы оставались в необычном, сидячем положении. Ходжа Исхак был посажен у входа, зарыт по пояс в землю и обложен для устойчивости камнями. Трупы, оставленные в сырых пещерных залах, сгнили. Особые микроклиматические условия на входе в пещеру, вероятно, и способствовали мумифицированию тела Ходжи Исхака.

**В. АНДРЕЙЧУК,
М. ХАКИМОВ**

Прелесть вышитых узоров

В Доме культуры «Академия» успешно работает не совсем обычный клуб любителей вышивки. Возглавляет его инженер Александра Павловна Бальчунас.

Истоки русской вышивки глубоки. Мы находим их в той древней символике, которая отражена на старинных полотенцах, скатертях, салфетках, на одежде. Восприятие мира древними людьми мы видим в обожествлении Солнца, Земли, человека, растений, животных. Символика, заложенная в вышивке, играла большую роль в жизни людей. Например, можно было без слов, одним подаренным полотенцем выразить согласие сватам...

Русская древняя вышивка очень совершенна и эмоциональна. Это целая наука. Процесс обучения вышивке весьма сложен.

После четырех лет занятий из числа наиболее активных и хорошо подготовленных мастериц был создан клуб «Чудо-вышивка».

Насколько мастерство вышивальщиц совершенно и красиво, можно было убедиться на отчетной выставке, проходившей в Доме культуры. На ней было представлено 120 работ 45 авторов. Это — вышитые изделия одежды, вещи домашнего интерьера, символы русского народного творчества — лады, кони, барсы, павлины, бабочки...

Работы Н. Бурнашовой, Л. Поляковой, И. Решетняк, Н. Лузиной были отмечены на городских, областных и всероссийской выставках произведений народного творчества.

Г. КУСТОВ

Гонки на магнитной подвеске

На испытательном полигоне в ФРГ поезд на магнитной подвеске «Трансрапид» достиг скорости 406 километров в час. Это высшее мировое достижение. Японские специалисты, которые также занимаются созданием сверхскоростных поездов, пока вынуждены уступить. Но надолго ли?

Напомним, что «Трансрапид» в декабре 1985 года достиг скорости 350 километров в час. Но в феврале 1987 года японский магнитный вагон первым в мире достиг рубежа 400 километров. Сейчас в Стране восходящего солнца начались испытания 44-местного магнитного вагона. К 1990 году там намерены построить и сдать в эксплуатацию 50-километровый участок магнитной железной дороги.

А. ВЛАДИМИРОВ

Кошка падает на лапы!

Срываясь с высоты, кошки обязательно приземляются на лапы? Нет! Они используют растопыренные конечности только в качестве стабилизаторов, чтобы хлопнуться на живот. Это утверждает американский исследователь У. Уитни, который провел специальные опыты. Он выяснил также, что только треть кошек отделяется при этом легким испугом, царапинами. Всем другим везет значительно меньше.

Д. НИЛИН

«Громче» города нет!

Самым «громким» городом нашей планеты является, возможно, Каир — столица Египта. Оказывается, даже в жилых районах Каира уровень шума достигает 88, а в деловых кварталах он превышает 90 децибелов. Напомним: для здоровья человека опасны и 70 децибелов! Население египетской столицы — 12 миллионов человек.

А. ДАНИЛИН

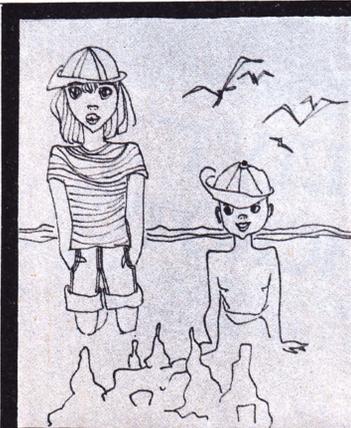
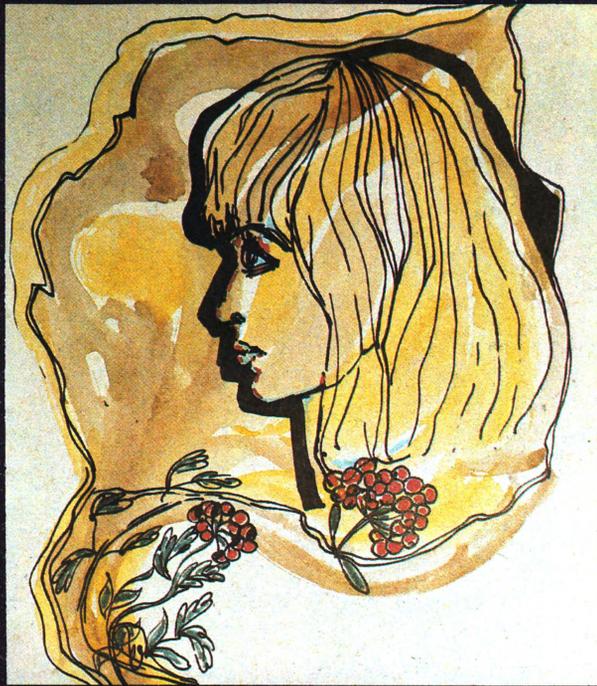
И увлеченье, и любовь...

Нижний Тагил в нашем восприятии прежде всего город промышленный. Так-то оно так, вот и Светлана Язева родилась в семье потомственного металлурга, но у города богата и духовная история, богаты коллекции его музеев. Светлана начала рисовать с детских лет, серьезно заниматься — с отроческих и не оставляет графику до сих пор. Она стала подлинной страстью, без которой немислима жизнь...

Светлане Язевой посчастливилось в том смысле, что ею, на первых порах, руководил Евгений Кузнецов, человек не равнодушный, художник ищущий, увлекающийся. Он вел студию при Дворце культуры металлургов, и первые выставки Светланы Язевой, из многих последующих, были организованы Кузнецовым в этом Дворце. Представьте человека, задумавшего серию работ о цирке, и ставшего жонглером; задумавшего работу о балете, — ставшего к балетному станку. Таков Кузнецов в любом деле. Он и к Язевой отнесся очень внимательно и серьезно.

Язева пользуется черной линией. Зачастую рисует сразу, на белом, не делая предварительного карандашного рисунка, не отрывая пера от бумаги. Линия у художницы может быть разной, но всегда выразительной. Цвет в свою графику она стала вводить лишь в последние годы, и эти работы зрители увидели на традиционной выставке в журнале «Уральский следопыт».

В творчестве художницы нет «чистого» пейзажа. Ее привлекает человек и богатые пластические возможности, связанные с ним. Если говорить об источниках, где художница черпает вдохновение, то прежде всего это литература, ее классические образцы и, конечно же, неисчерпаемый Пушкин.

Всякая книга, поразившая чем-то воображение Светланы, как говорится, стремилась воплотиться в образах. Сказки Андерсена, «Золушка» Перро всегда возбуждали ее фантазию и отсюда — многочисленные рисунки. Цвет, которым Светлана не столько усложняет графические листы, сколько пытается усилить впечатление и характеристику персонажей, это, кажется, свойство, пришедшее с возрастом, с более зрелым подходом к своей работе.

Суховатая линия первых работ становится теперь живее, пластичнее и как бы трепетнее. Это можно увидеть на тех листах, что публикуются на 3-й странице нашего журнала. Таких, как «Флора и Фауна», но более, пожалуй, чувствуется в «Золушке» и «Автопортрете».

Светлана Язева работает чертежницей, но всякое увлечение, дарованное человеку природой, несет в себе великую потребность к совершенствованию. Так пожелаем же художнице дальнейших успехов на сложной дороге Искусства.

ТАНЯ. Рисунок по мотивам сказки Андерсена «СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА». АВТОПОРТРЕТ. ФЛОРА И ФАУНА. МУЗЫКАНТЫ. Рисунок по мотивам сказки Перро «ЗОЛУШКА». Замок на песке.
Фото Игоря Горячева

